

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ФЕВРАЛЬ
2005**

**ШВАТ
5765**

№ 2 (154)

поведения, созданный людьми для собственного, для житейского удобства. Б-га там нет. Это своего рода «клуб по интересам». И мне как-то странно, когда заведующего клубом вдруг называют «раввином»...

Пути Б-гии никогда не были и не будут удобными, гладкими. Надо жить, понимая: соблюдение заповедей – трудное дело. Недаром ивритское слово «мицва», что значит «заповедь Г-сподня», происходит от слова «цав» – «приказ». Но выполнение этих приказов дает человеку великое счастье – единение с Б-гом. Неслучайно ведь у «мицвы» есть и другое однокоренное слово – «цавта». «Цавта» – это русское «вместе». А если человек начнет сам определять, какие заповеди «имеет смысл» выполнять, а какие «устарели», – в его системе ценностей Б-га не отыскать.

Одна из глубинных основ еврейства выражена в тезисе: «Эта Тора не будет изменена». По сути, тут скрыта основа любой веры в Б-га. Б-г есть абсолют, вечный и неизменный. И если придет некто и назовется пророком, и покажет чудеса – пусть даже расступится перед ним, как перед Моше, Чермное море, – но скажет, что можно изменить хотя бы мельчайшую деталь в Торе, – это будет ясным указанием: перед нами лжепророк.

К счастью, несмотря на все усилия, внедрить американское изобретение в русско-еврейскую почву не удастся и, с Б-жией помощью, не удастся. В России евреи положили слишком много сил на то, чтобы остаться евреями при коммунистах, поэтому они особенно ценят традиции и заветы отцов. Мне часто случается беседовать с евреями-атеистами; практически каждый говорит: «Я не религиозен, не хожу в синагогу, но, если когда-нибудь мне захочется пойти туда, я выберу такую, что будет больше всего похожа на синагогу моего деда». Так что «реформированный иудаизм» здесь не приживется...

Áëááí úé ðáááéí Ðíííé Ááðé Éáçáð

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

אֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

ДОСТИГНУТЬ ЖЕЛАЕМОГО

Ребе утверждал, что человеку изначально дан необходимый духовный потенциал, чтобы он сумел выстоять перед лицом тех проблем, которые ему выпадает решать, и мог преодолеть препятствия, возникающие на пути к духовной цели.

וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

В подтверждение этой мысли Ребе указывал на благословение, которое читается при совершении обряда обрезания: «Благословен Ты... Тот, Кто повелел нам причастить его завету Авраама, праотца нашего». Эта формула приравнивает обряд и скрепляемый им союз, сочетающий ныне младенца восьми дней от роду, к обряду, совершенному тысячу лет назад Авраамом, и тому древнему завету с Б-гом, который тогда был заключен. Ребе подчеркивает: в этой формуле благословения особое значение имеет тот факт, что говорится не просто об Аврааме, но о праотце всех евреев. То есть указывается на то, что по праву отцовства он благословляет и вводит в права наследства каждого из своих детей. Более того, союз каждого еврея с Б-гом подобен завету, заключенному Авраамом. А значит, в каждом из нас заключен тот же потенциал к духовному достижению, которым был наделен праотец Авраам. На этом базируется оптимистический взгляд на духовные возможности человека, свойственный Ребе.

Второе – алохическое – подтверждение того, что всякая духовная цель достижима, Ребе находит в правиле, касающемся принесения клятв. При общем осторожном, если не отрицательном, отношении к клятвам у многих учителей Талмуда Закон формулирует ряд правил, касающихся принесения клятв. В частности, в талмудическом трактате «Недорим» (31б) говорится о том, что клятва, данная идолопоклоннику под страхом телесного наказания, может быть нарушена, что не распространяется на клятву, данную при тех же обстоятельствах необрезанному соплеменнику. На основании этого правила Ребе делает вывод: в Талмуде явственно выражено представление о том, что все дети Израиля, независимо от их духовного уровня, причастны завету праотца Авраама. Подобным образом Ребе толкует и повеление Б-га исчислить левитов: «Исчисли также общее число сыновей Гершона по отчим домам их, по семействам их» (Бемидбар, 4:34). Ребе обращает внимание на то, что в этой формуле мы встречаем слова «общее число», тем самым предполагается, что всякий из этого числа может быть достоин избранного

служения. Опять-таки предполагается, что уровень причастности Б-жественному, подразумеваемый службой при Шатре Откровения, может быть достигнут любым человеком из этого «общего числа сыновей Гершона».

Еще одно алохическое правило (Бейца, 3б) говорит о легитимности такого подхода к проблеме, который предлагал Ребе, и касается случая, когда некошерная субстанция случайно смешивается с кошерной. При этом кошерная субстанция считается неоскверненной, если ее масса превышает некошерную не менее чем в 60 раз. В этом случае некошерная субстанция просто не принимается в расчет, как если бы ее не существовало. Мы видим, что в этом случае речь идет о жестко заданной пропорции смешения кошерного и трэфного. Однако, если случайно произошло смешение кошерной и некошерной субстанций, причем последней больше, чем подразумевает вышеприведенное правило, но кошерная субстанция была до того приобретена одновременно и при этом исчислена, а вес ее превышал некошерную примесь в 60 или более раз, то кошерная субстанция не считается оскверненной.

Если мы вернемся, учитывая сказанное, к стиху из Торы об исчислении «сыновей Гершона», то следует понять, что это исчисление подразумевало, что каждый из них имеет своего рода «иммунитет» к скверне: духовная сила, данная каждому из них, может «пробывать в затмении», но не может быть отнята. Добавим, что Рамбам писал: всякий, по своей воле посвятивший себя духовной миссии, подобен левиту. То есть всякому даны силы достичь поставленной духовной цели – как левитам были даны силы, необходимые для служения.

אֲנִי אֶעֱשֶׂה לְךָ אֵלִים וְאֲנִי אֶעֱשֶׂה לְךָ אֵלִים וְאֲנִי אֶעֱשֶׂה לְךָ אֵלִים וְאֲנִי אֶעֱשֶׂה לְךָ אֵלִים

В поздние годы, высказываясь на эту тему, Ребе подчеркивал: существуют серьезные аргументы в пользу того, что спасены могут быть даже те, кто в своем своеволии доходит до открытого бунта.

נִשְׁפָּטוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

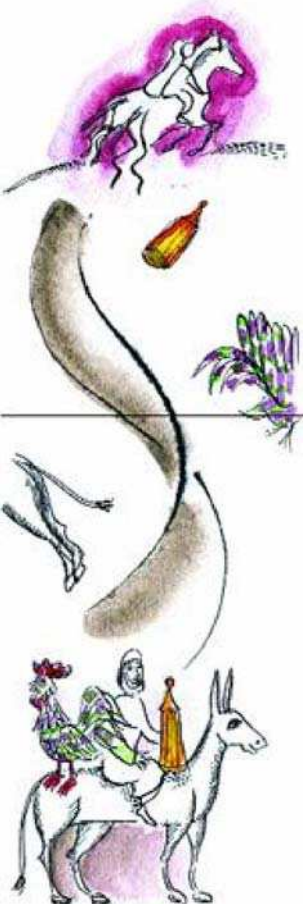
Ребе обращался к тому эпизоду книги Бемидбар, где Всемогущий говорит Моше: «Повели сынам Израиля, чтобы выслали они из стана всякого прокаженного...» (Бемидбар, 5:2). Заметим: в Торе этот род проказы назван «цараас», и болезнь эта мыслилась наказанием, посланным Всевышним за нанесение вреда окружающим посредством использования дара речи. Обреченность больного проказой на одиночество рассматривалась Ребе как особое состояние духовного греха, в чем он следовал давней комментаторской традиции. Так, Раши указывает, что слово «мецора» может читаться как слияние двух слов: «моее ра» («разносчик зла»). Из этого делается вывод, что прокаженный поражен особым видом духовного недуга: склонностью к злословию, распространению злых слухов. Эти слухи губят добрые отношения, связывающие людей, и порождают конфликты и дисгармонию. Такое поведение противоречит основам еврейской морали, нравам, определяющим характер поведения народа Израиля: насколько единство и гармония – идеал, привитый еврейству, настолько действия, провоцирующие состояние мецора, приравниваются к поведению мидаанитов: на иврите имя этого народа этимологически родственно слову «мидиан» («раздор, трение»). Именно поэтому прокаженный наказывается физическим изгнанием, обрекающим его на одиночество.

В Талмуде (Псохим, 27а), когда комментируется весь процитированный стих «Повели сынам Израиля, чтобы выслали они из стана всякого прокаженного, и всякого, чья плоть истекает слизью, и всякого, осквернившегося мертвым» (Бемидбар, 5:2), подчеркивается, что прокаженные упомянуты в этом списке прежде всех прочих, пораженных нечистотой (см.: Рамбам, Законы о нечистоте прокаженных, 16:5). Это связано с тем, что статус мецора, пораженного цараас и склонного к злословию, едва ли не хуже статуса идолопоклонника. Идолопоклонник, по крайней мере, признает некий духовный

авторитет – пусть ложный, а мецора близок к прямому бунту против Создателя, отрицая всякое «подчинение твари Б-гу» (Менохойс, 110а).

Очевидно, прокаженный утрачивает всякую чувствительность к духовному бытию. Однако, несмотря на это, Ребе полагает, что даже такой человек, вступивший в конфликт с глубинными измерениями бытия, не потерян окончательно и может быть спасен. В подтверждение Ребе ссылается на слова рабби Шнеура-Залмана из Ляд (Ликутей Тора, Носой, 206), который писал, что все могут рассчитывать на спасение и для каждого еврея открыт путь возвращения в лоно иудаизма. Заметим, в данном рассуждении рабби Шнеур-Залман из Ляд выступает как авторитетнейший знаток Алохи. В подтверждение Ребе ссылается также на пассаж из Тании: «Когда же человек служит не ради самого служения на самом деле, а по каким-либо иным мотивам, ради самоудовлетворения например, чтобы стать ученым в Торе и тому подобное, тогда эта мотивация, происходящая от «клипас нога», облекается в его изучение Торы, и Тора временно находится в изгнании в этой «клипе», до тех пор пока этот человек не совершит покаяние, ибо «[покаяние] приносит в мир исцеление» (Йома, 86б), и с его возвращением ко Всевышнему и Тора его возвратится с ним. И потому сказали наши мудрецы: «Пусть человек всегда [занимается изучением Торы, даже и не ради нее]. Ибо, занимаясь ею не ради нее самой, он, наверное, придет к ней самой» (Псохим, 50б; Нозир, 23б), наверное, он в конце концов совершит покаяние в том или другом переселении [души], «ибо не будет отвергнут от Него отверженный» (II Шмуэл, 14:14).

В подтверждение оптимистического взгляда на положение человека в мире Ребе приводит также стих из Торы «и будет он приведен к коэну»: хотя подобное чтение и спорно, ведь по сути не прокаженный является к коэну, а коэн к пораженному недугом. Настаивая на своем чтении, Ребе подчеркивает: в этих словах выражена уверенность в том, что Б-жественный Промысел, даже вопреки воле грешника, вернет его в лоно общины. То, что Воля Создателя довлеет надо всяким евреем, по мнению Ребе, выражено в стихе «И задуманному вами – не бывать тому, сказанному вами: “Будем, как (другие) народы, как племена (других) стран служить дереву и камню”» (Иехезкел, 20:32).

Основание для своего оптимизма Ребе видит и в том пассаже книги Шмойс, который рассказывает о судьбе первенцев египтян во время Исхода. Так, сказано Б-гом: «И пройду Я по стране Египетской в ту ночь, и поражу всякого первенца в стране Египетской, от человека до животного, и над всеми божествами Египта совершу расправу, Я – Б-г!» (Шмойс, 12:12). Но хотя в этом стихе сказано о всех первенцах в стране Египетской, первенцы евреев не были истреблены в ту ночь. Отталкиваясь от комментария Раши, Ребе указывает: Б-гом оставлена нам надежда на спасение для всякого.

יְאָאִי עֵא אִי עֶס נְעוֹעֶוּ נֹעִי וְעִי אֶתְעוֹעֶי אֵ אֲנִיֹּו, יְדֹאֶאֶ אִיאִי נְבֵאֵאִיֹּוֹפ

В поисках аргументации в пользу подобного воззрения Ребе обращался к фигуре рабби Акивы, оказавшего такое большое влияние на талмудическую литературу, что оно сопоставимо разве что с влиянием его учителя, рабби Нохума Иш-Гамзо.

Рабби Нохуму было свойственно повторять: «что бы ни случилось, это к лучшему». Даже само его имя многие считали прозвищем, видя в названии места, из которого он происходил – Гамзо, – слияние двух слов: «гам зо» («и это тоже» [во благо]) (Танаим, 21а).

Рабби Акива унаследовал этот оптимизм от своего учителя. Его вера в то, что в основе всякого падения – стимул к восхождению на новые высоты, согласуется с самим духом Закона, утверждающего: «всё, что ни делает Всемилостивейший, – во благо». Позже Рамбам в комментарии на Мишну (Брохойс, 21а) сформулировал этот принцип: «Даже во времена бедствий следует благодарить Б-га и славить Его с радостью».

В Талмуде рассказывается эпизод из жизни рабби Акивы, когда цепочка событий, казавшихся неприятностями, обернулась для него спасением от смерти: «Всё обернулось во благо», – сказал об этом сам рабби Акива. Он отправился в странствие верхом на осле, взяв с собой петуха, чтобы по крику его определять часы для чтения Торы и молитв. Придя в некий город, рабби стал проситься на ночлег, но жители отказали ему. Тогда он хотел устроиться ночевать в поле, но вышло так, что осел его сбегал, а петух – улетел. При этом он еще и потерял лампу, при свете которой читал Тору. Однако, вместо того, чтобы

печалиться о потере своего достоинства, рабби Акива рассудил, что так угодно Б-гу, а что Он ни делает, всё к лучшему. Утром же оказалось, что город тот подвергся нападению и разграблению, причем конница нападавших проскакала тем самым полем, где ночевал рабби Акива, и будь при нем осел или петух, животные могли бы выдать его своим криком, а свет лампы – привлечь внимание нападавших, и тогда рабби Акиве не сносить бы головы. Так что уже к утру рабби Акива убедился, что, воистину, всё, что ни делает Всемогущий, – к лучшему (Брохойс, 60а).

Ребе обращает внимание: в Талмуде формула рабби Нохума Иш-Гамзо приводится на иврите, тогда как слова рабби Акивы – на арамейском языке. Различие это весьма существенно. Иврит – язык, символически выражающий присутствие Промысла в мироздании. И тот факт, что рабби Акива воспользовался арамейским, указывает на его осознание совершенно иной, по сравнению с эпохой его учителя, ситуации, сложившейся после порабощения народа Израиля Римом: ситуации погружения во тьму и рассеяние, когда идеальное бытие народа Израиля сменилось суровой реальностью, над которой довлело зло. Формула рабби Акивы выражает осознание горечи падения, принимаемое как норма существования, на которую не следует закрывать глаза. Опыт, пережитый рабби Акивой, вовсе не утрачивает своего горестного аспекта, но история свидетельствует: всегда и во всём следует видеть волю Создателя, которая в конечном счете ведет нас к благу.

При этом Ребе подчеркивает, что реакция рабби Акивы выразилась именно в вербальной форме. Что это значит? Требование возблагодарить Создателя за всё, что бы с нами ни случилось, еще не подразумевает достижения соответствующего состояния сознания, когда всё видится благом, и только благом. Происходящее с нами в данный момент может представляться злом, нисхождением в неблагоприятные и враждебные слои бытия. Однако учителя Талмуда настаивают: даже в неблагоприятной ситуации наш долг – вознести соответствующую благодарственную молитву: «Будь благословен, Судья истины» (Брохойс, 60а; Рамбам, Благословения, 10:4).

В связи с этим Ребе делает вывод: признавая болезненно-негативный опыт, связанный с падением, мы должны предполагать, что исход из этой ситуации в конечном счете обернется нам во благо. Таким образом, главный акцент в подобной ситуации следует делать не на положении вещей в данный момент, а на будущем, которое несет в себе благо, хотя нас отделяет от него период страданий. При этом нельзя забывать и о том, что Б-г может привести нас к благу иными путями, не проводя через страдания.

Ребе отмечал, что разница в подходе рабби Акивы и других учителей Торы, живших в его эпоху, состояла в том, что рабби Акива был устремлен в будущее, тогда как многие из его современников не могли отрешиться от трагической реальности, связанной в том числе и с римским завоеванием (Макойс, 24б). Для рабби Акивы Рассеяние Израиля и страдания в настоящем отступали перед перспективой грядущего искупления.

Ребе рассматривает циклический характер истории Израиля, в которой изгнание сменяется искуплением, как одно из свидетельств того, что всякое падение – это залог восхождения в будущем.

Рабби Акива, видя Храм в руинах, подчеркивал: восхождение и падение не являются двумя различными состояниями, между которыми существует причинная связь. Согласно рабби Акиве, всякое зло есть не что иное, как неотъемлемая часть блага, первый к нему шаг. В беседах с другими учителями Торы рабби Акива ссылаясь на Писание, находя в нем подтверждение своих взглядов на историю еврейского народа как на цикл, состоящий из разрушения, возрождения, изгнания и искупления.

Среди иных аналогий, приводимых рабби Акивой для объяснения того, что падение – неотъемлемая часть восхождения, была также ссылка на опыт, хорошо знакомый всякому пахарю: чем глубже вспаханно поле – иначе говоря, чем большему «разрушению» подверглась цельность его поверхностного слоя и чем больших усилий стоило это пашущему, тем лучше будет урожай. То есть «разрушение» становится залогом последующего плодородия. У пророка Михи сказано: «Поэтому из-за вас, (как) поле, вспахан будет Сион, и Иерушалаим руинами станет, и гора дома (Г-сподня) – высотами лесистыми» (Миха, 3:12).

Ребе в аналогии «вспаханного поля» видит указание на то, что разрушение Храма до основания – первый шаг на пути к процессу искупления, и более того, в факте этого разрушения усматривает «катализатор» искупительного процесса. [Ср.: «Припомни, Г-споди, день Иерушалаима сынам Эдома, говорившим: “Разрушайте, разрушайте до основания его”» (Теилим, 137:7)]. Подобный подход

подразумевает, что выпадающие на нашу долю зло и испытания следует рассматривать не как нечто, предшествующее ниспосланию блага, но как неотъемлемую часть восхождения к благу. Каждый из нас должен жить настоящим днем, но при этом помнить, что Рассеяние и сокрытие Шхины – неотъемлемая часть процесса искупления.

И рабби Акива указывал учителям Торы: само римское нашествие есть знак того, насколько славным будет грядущее искупление народа Израиля – оно будет подобно великому урожаю, служащему наградой тому, кто глубоко вспахал поле.

Ребе повторял: даже если не каждому из нас удастся проникнуться тем отношением к реальности, которое формулировал рабби Акива, оно всегда будет оставаться идеалом, в котором следует черпать вдохновение.

Трудности могут стать импульсом к великим достижениям, подчеркивал Ребе. Ведь оптимистический взгляд на природу вещей и устремленность в будущее, отличавшие рабби Акиву от его современников, берут свое начало в жизненном опыте самого рабби. Известно, что он очень поздно начал учиться, будучи уже сорока лет от роду. При этом к учению его подтолкнул вид колодезной плиты с удивительно правильно выдолбленным в ней желобом. На вопрос Акивы, кто это так хорошо сделал, ему ответили, что желоб выдолблен водою. И тогда Акива подумал: «Если водяные капли, столь слабые, смогли выдолбить этот камень, то крепким, как сталь, словам Торы не поздно будет ограничить мое живое сердце». И начал рабби учение свое вместе с собственным сыном (Авоис де-Рабби Натан, 6:2).

Казалось бы, столь поздно начав учение, рабби Акива не мог рассчитывать достичь глубины знаний. Но, сосредоточив помыслы свои на будущем – «слова Торы ограничат мое живое сердце», – он стал в результате одним из величайших учителей в своем поколении. Его опыт не в последнюю очередь сформировал ту сосредоточенность на будущем, которая отличает подход рабби Акивы к жизни.

Рабби Акива мог смеяться над ликованием римлян, низвергнувших Иудею: он прозревал, что в выпавших на долю народа Израиля испытаниях – залог будущей славы, уготованной евреям. Вместо того чтобы скорбеть, рабби Акива радовался. Его современники не могли отрешиться от того, что видели в настоящем, и потому не были способны возрадоваться грядущему, корни которого – в горечи поражения и скорби о разрушенном Храме.

В Талмуде приведен рассказ: навещая своего наставника, который был тяжело болен, рабби Акива, вместо того чтобы впасть в уныние, сохранил ясность духа (Сангедрин, 101a). Ребе поясняет: подобное поведение рабби объяснялось всё той же его сосредоточенностью на будущем. Он прозревал, что несчастья, ниспосылаемые в этот мир, оборачиваются залогом воздаяния в мире грядущем: чем больше горечи выпадет наставнику в этой жизни, тем прекраснее будет его награда в жизни будущей. Раши в комментарии на этот фрагмент Талмуда поясняет поведение рабби Акивы формулой: «Я радуюсь, зная, что его ждет грядущая награда». Относясь к любому падению и унижению как к неотъемлемой части и залогом последующего восхождения, рабби Акива видел в болезни своего учителя знак особого благоволения Б-га: «Кого любит Г-сподь, того наказывает, и благоволит (к тому), как отец к сыну» (Мишлей, 3:12). Сходное отношение мы видим и у кабалистов, утверждающих: горечи и несчастья земной жизни есть не что иное, как проявление высочайшего благоволения Б-га к человеку.

Ребе отмечал: человек, достигший духовных высот, подобно Нохуму Иш-Гамзо, воспринимает всякое несчастье как истинное и актуальное благо. Так, в Талмуде рассказывается, как Нохум Иш-Гамзо был отправлен в Рим с ларцом, наполненным драгоценными камнями, которые рабби должен был преподнести в дар власть имущим. Однако в дороге случилось так, что хозяин постоялого двора, на котором рабби остановился на ночлег, подменил драгоценности простой землей. Обнаружив подмену, рабби объявил: «это к лучшему» – и отправился на назначенную ему аудиенцию. Когда обнаружилось, что в ларце простая земля, римляне пришли в страшное негодование. Однако явившийся на помощь рабби Нохуму пророк Элияу открыл им, что земля эта обладает чудесными свойствами и поможет покорить страну, с которой Рим давно и безуспешно ведет войну. Всё случилось именно так, как предсказывал Элияу, – то есть всё обернулось к лучшему. Ребе указывал, что благоприятный исход ситуации, развивавшейся столь неблагоприятно, предопределялся самой личностью рабби Нохума: им был достигнут высочайший уровень духовного восприятия, который соответствует не столько миру, каким мы его знаем, а миру после прихода Мошиаха.

Ожидание прихода Мошиаха предопределило и то воззрение рабби Нохума, что в «падении» Израиля, когда был разрушен Храм, он видел не просто залог грядущей славы Израиля, но благо как таковое.

Ребе подчеркивал: именно восхождение через нисхождение раскрывает полноту духовного потенциала, дарованного человеку, и пояснял это на примере «судьбы» человеческой души. Имеющая Б-жественное происхождение и причастная самому Создателю, душа из мира горнего ниспосылается в тело – то есть проходит через «падение» и «унижение». Однако Ребе развивал свою мысль: период земного существования, период разлученности с духовным миром, предопределяет достижение более высокого духовного уровня, который ждет душу по возвращении в ее изначальную обитель.

И в связи с этим Ребе замечал, что исправление грешника, отпавшего от Б-га (тшува), позволяет ему вернуться к состоянию невинности, которое существовало до его разрыва с Создателем.

НИЩИЕ НА СВАДЬБЕ

Beit Davar

И аааі іпòе І аеаде-іеіа і аеаа дааіе Аіаа-Аада оіаеее еааіаа. Аіе іі :оі е ае, оі еееоі :ааіаа еідее, а «і ааіеір» а аа еа:оа іеаееее аааі а аа аііе.

Как-то один из учеников спросил его:

– Ребе, почему вы должны сносить такие тяготы, когда другие, куда менее достойные люди наслаждаются всеми благами Б-жьего мира?

В ответ рабби Дов-Бер рассказал притчу.

Один богатый выдавал свою дочь замуж. Был он человеком великодушным и щедрым и решил поделиться своей радостью с неудачниками и горемыками: развесил по всем окрестным синагогам и богадельням объявления с приглашением всем бродягам и нищим принять участие в свадебном пире.

Наступил день свадьбы. За столами, ломившимися от самых изысканных яств, расположились сотни нищих. Но тут случилось несчастье. Невеста внезапно заболела. К ней тотчас вызвали лучших докторов, однако те ничем не смогли помочь. Невеста умерла, и свадебное пиршество превратилось в поминальное.

Нищие разделились на два лагеря. Одни говорили:

– Угощение на столе! Кто знает, представится ли нам еще когда-нибудь возможность наесться от пуза? Вряд ли наш хозяин захочет, чтобы такая отменная еда пропала зря. Разве его горе будет меньше оттого, что мы останемся голодными?

Другие же отказывались даже притронуться к стоявшему перед ними угощению.

– Как мы можем есть и пить, – восклицали они, – когда у того, кто нас пригласил, такое горе? Разве можем мы наслаждаться пиром, цель и причина которого обернулась несчастьем?

– Мир – это свадебный пир, – сказал в завершение рассказа рабби Дов-Бер, – устроенный в честь союза Б-га с Его невестой Израилем. Однако свадьба расстроилась, и дом, где она должна была состояться – Святой Храм, – разрушен. Да, пиршественные столы накрыты, но Того, Кто был душой пира, постигло горе, и Тот, Кто его устроил, теперь в трауре.

Найдутся такие, кто насладится угощением. Я же принадлежу ко второй группе нищих. И не могу заставить себя лакомиться остатками несостоявшегося пира...

Во-первых, последняя попытка увести голоса от Ющенко, разыграть антисемитскую карту на Украине, где всегда найдутся благодарные слушатели – и среди сторонников Ющенко, и среди сторонников Януковича.

Во-вторых, Путин, входя в клинч с Западом (это было слышно по ответам на многие другие вопросы), готов разыграть ту же карту в России, где антисемитов еще больше, чем на Украине.

В-третьих, демонстрируя это «старое, но грозное оружие», Путин показывает «пятой колонне» внутри России абсолютную серьезность своих намерений. Не дергайте льва за хвост! Лучше не доводите меня до крайности – ведь тогда в дело пойдет и ЭТО. Не постесняюсь, не побоюсь! «Оранжевой революции» в России не будет – в крайнем случае, вы, господа-2008, накличете революцию коричневую!..

Как я впоследствии узнал, были реакции еще более нервные, чем моя, – кто-то пил валидол, а кто-то уже и бежать собрался...

«Да перестаньте, – крикнул Воланд, – до чего нервозны современные люди». Да уж, нервозны. Не знаю, какие комплексы Путина обнажились в этой оговорке, но еврейские комплексы, которые откликнулись мощным эхом, очевидны – мы, почти все, абсолютно не уверены в своем «праве на жизнь». «Бредит горло бритвою» – наш спинной мозг спит и видит погромы. Поскреби самых богатых, самых надутых, самых спокойных («спокойствие – мыльный пузырь, но деланное спокойствие – это состав преступления», как сказано в «Швейке») – и полетят перья из бабушкиной перины, как во время погрома в Кишиневе в 1903-м, в Фастове в 1918-м, в гетто Львова в 1941-м, как чуть не случилось в Москве в 1953-м, как еще много раз было до 1990 года, а потом «чуть не было» в октябре 1993-го... (Интересно, что профессиональный историк Костырченко уверенно говорит, что никакого решения о высылке евреев в 1953 году Сталин не принял, – но все евреи уверены в обратном, многие даже «точно знают». Что ж – нам не нужны архивы ЦК КПСС, с нас хватает архивов собственного подсознания.)

Так всколыхнулись «сионисты».

А всколыхнулись ли антисемиты?

Не знаю, не общался.

Но судя по их сайтам в Интернете (впрочем, они загадили все сайты), судя по их газетам, они не оставляют надежд на Путина – оговаривается он или нет.

Львиная часть тех, кто поддерживает арест Ходорковского и изгнание Гусинского-Березовского, делает это четко по юдофобским мотивам. Многие евреи (я, например) не видят (не хотим видеть?) в этих делах антисемитского мотора – но антисемиты видят!

Да, многие в России из тех, кто «выстраивает свои амбиции на антисемитских лозунгах», считают Путина «своим» – просто разведчик, мол, всё еще не может «сбросить маску».

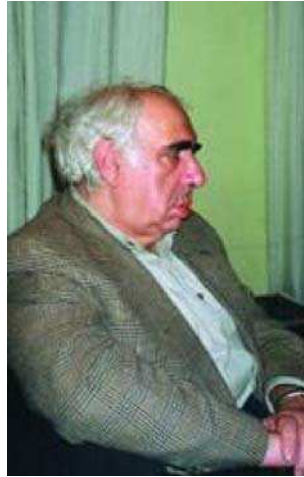
Я уверен, что это не так. Но ведь политика такая игра, где «идея, овладевшая массами» становится материальной силой...

XXI век. Трудно себе представить политику госантисемитизма – это была бы какая-то историческая оговорка. Но трудно себе представить и то, что националистическое, прямо скажем, антисемитское ружье, давно висящее на политической сцене, так никогда и не выстрелит.

РАЗГОВОРЫ С РЕЙНОМ

Ì ÀĚÁÍ ŪĚĚĚ ÒÀĚŃÒÎĚÎĀĚ × ĀŃĚĚĚ ŸĚÇĀĐŃĚŃ

Ì èõãèè Āîđãèèè

В 43-м номере «Нового времени» было опубликовано большое интервью с поэтом Евгением Рейном «История не знает никакой справедливости». Интервью, как это обыкновенно принято в журнале, предпослан подзаголовком, вводящий читателя в тематику разговора. О чем беседует Слава Сергеев с Евгением Рейном? *Ì îđîããîãî èèòããòòđî ūō è îġèèòè-ãġèè, î ÷èòãòãġŷō è îġãòãġŷŷ, î Āđããġġî è Āġããòġãã* Однако есть интересная тема, не упомянутая в анонсе, но занимающая в разговоре большое место: Слава Сергеев пытается выяснить у поэта, существует ли у того в мироощущении какая-то еврейская компонента. Евгений Рейн отвечает: ни Б-же мой, он же русский поэт, о чем вы! никакой такой компоненты, ментально он безостаточно здешний, духовно укоренен, воспитан русскими из русских: русской няней и русским отчимом. Мама? *Ì ãî ã đããîòããè ġã ÷ãòŷđãđ đããîòãã, è ãé ãŷġġ ġã ãġ î ãġŷ.* Возможно, если бы мама работала на двух работах, Рейн прожил бы еврейскую жизнь, но мама работала на четырех, и трепет иудейских забот его не коснулся.

На этом можно бы поставить точку, но любопытный Слава Сергеев не унимается, задает новые вопросы – Рейн отвечает ему очень интересно.

ÇĀĚĲĲĲĲ ĆĀĲĲĲ

Сергеев спрашивает:

– Но любой человек на улице может вам сказать, что вы... мягко говоря, не русский.

Отточие призвано отразить легкое смущение человека, не знающего, как поделикатнее спросить собеседника.

– Я в жизни этого не слышал. Ни одного раза. Меня все принимают за армянина. Я больше пострадал в Тбилиси, я там много жил... они же не любят армян.

Сергеев говорит: видно же, что не русский, прямо-таки на лбу написано – а тот ему: нет! Меня все принимают за армянина. Реплика из абсурдистской комедии. Ну и как вам в Москве в качестве лица кавказской национальности? Я слышал, некоторые испытывают дискомфорт. Рейн говорит: я больше пострадал в Тбилиси. Стало быть, в Москве хоть и меньше, но всё равно пострадал? Так пострадал или не пострадал?!

И как он, интересно, спасался от злобности обманутых его внешностью грузин? Что он им говорил? Ты не прав, дорогой, я еврей! Нет, «еврея» выговорить ему непосильно. Значит, ты не прав, дорогой, я русский! Нет, тоже вроде не то. Ага! Знаю! Ты не прав, дорогой, я не армянин, как тебе это только в голову могло прийти! Я русский поэт! Скорее всего. Русский поэт – хорошая национальность. В Грузии, во всяком случае.

– А вас это не беспокоит? Вы не чувствуете себя чужим?

– Нет. Я звено русской культуры! (Декламирует.) Но я законное звено, мне это счастье дано! Это сказал Ходасевич, полуеврей-полуполяк!

Легко убедиться, что полуеврей-полуполяк сказал не совсем это.

Вот первая строфа «Памятника»:

Áí ì íá éííáö, áí ì íá íá:áéí.

Ì í é ñ ááðéáí í á óáé ì áéí!

Í í áí æ ý ì ðí:í í á çááí í:

Ì í á ýòí ñ:áñðéá ááí í.

Дело не в ошибке цитирования, самой по себе ничтожной, смешно ставить лыко в строку – дело в том, что в контексте Рейна текст Ходасевича кардинально меняет смысл, да и ошибка оказывается не ничтожной, а вполне концептуальной.

Что говорит Ходасевич? Что хотя он сделал столь мало, он всё равно, несмотря на это, прочное звено русской поэзии. Никакой национальной подоплеки, даже и тени нет. Обратите внимание на место восклицательного знака: сокрушается, видя, как мало сделал. «Мне это счастье дано» говорится спокойно, без форсирования голоса.

Смысл сказанного Рейном совершенно иной. Это откровенно полемическое, исполненное пафоса восклицание: хоть и еврей, а сделал для русской литературы очень и очень много, потому и присутствую в русской литературе вполне законно! И от этого счастлив! Что бы вы себе там ни думали! С восклицательным знаком! Само собой, ему приятно оказаться в одной компании с Ходасевичем: Ходасевич (полуполяк-полуеврей) – звено, и я звено! Зарубите себе на носу: законное!

Í Á Á Ñ Í Í Ê Í Á Í Í Á Ê Ê Á Á Í Ê Á Í Í Á Ñ Ñ Ê Ê

Сергеев продолжает упорствовать:

– То есть вы этого не чувствуете и вас это не беспокоит?

– Меня это беспокоит вот когда. Я был в Израиле, и меня друзья повели в хасидский квартал...

Далее следует забавная микроновелла, маленький шедевр, рассказчик сам превращается в персонажа, это добавляет эстетической остроты. Рейн – хороший рассказчик.

...Ì ú éááí, é ááðéá í íáóíáéð éáéíé-òí áááé, óáñéá Í áóíáíý óáíéá, óáéáð, áí éáé í íéááñáóíý. È ÷òí-òí áááðéð. Í í é í ááááíáýò ì í á Í í ñ ááðéáááð: éòí ýòíð ÷áéíáéé? (Í áí ì í á) Áí ó áááðýò: í í éç Ðíñéé. Óíááá í í éáçáð á éáðí áí, ðíáðíý óáí é áññóááð éáéçð-òí í óáááðéð óáéíí çð éáðáí áéí, éíí óááðéð ááç óáí óééá, í í á áíý á éðí óéáð, í éð éáá, é ì ðí ó ý ááááð áí ì í á-í á. Á, éáé éí óáéééáíí óí ú é ÷áéíáéé, ááðó áí á ðíð. Í í áááðéð ì í á «Í á, ÷òí ð ú ÷áñð áááóí?» Á áááð: «Ñéááéí». Í í áááðéð: «Áí ó óáé íéááéí ááðí óóíý í á Ðíáéíá...» Áí éé ð ú íñóáí áóóíý çááíý ð ú áí á óáéééóú Í áñéð. Í í é áá áñ ááóò Í áñéð...

слыхать, значит, и прецедентов не было. Почему не было? Потому ли, что прочие тридцать процентов, национальное, так сказать, меньшинство, исполнено братской любви к еврейским коллегам? Или, может, они очумели в занесенном в наши палестины дурмане политкорректности? Прогноз погоды слышали? Каждый день западный ветер. Или, поневоле затаив хамство, опасаются ненасытной еврейской кровожадности: шутка ли – запросто убить могут! Поневоле остережешься!

Если же говорить о фактической стороне дела, ЦДЛ вовсе не райский, в дикой местности, сад. Услышать в ЦДЛ можно всякое. Собственно, вопрос Сергеева именно это и подразумевает. Но мимо Рейна, как всегда, пролетело. И слава Б-гу!

Í ÜP-ÉÎÐÊ ÂÎ ÕÛÎ Á

Напоследок еще одна микронуелла Рейна, из того же самого интервью:

Íáíáæáú Áðíáíééé í íá íéáçáé: ý õí:ó óáííðéòú óáú á íáí íí áíðíáí í áíðá Í ÜP-ÉÎÐÊá.. Í íéááí á «Óíéáíðó-Áíðíðéð»... È í ú ííðéé. Á ííçáíí óéá, óáí íí... χάινα ááíýòú È óáí óáééá íðóíáíúéé, çááéú éáé íáíáðóú.. È í ú ííáíéí ááí íý íí ýðéí íðóíáíúéáí é áíéóááí. È ááðáá áéííí «Íáíýòá, áí ááíðéòá íí-ðáííé? Β ðáííéé, Á-áí ðááé, ááéòá çáéòðéòú..» Áðíáíééé áííðááò íá-éú.. é íðíòýáéááíò. Í óééé ááíðéò: «Í íáéíí ý íðí çáíáí áíçúí ó áúá óðé éòóéé?» Áðíáíééé ááíðéò: «Áíçúí é áíð íá-éú». Í í ááðáò áíð íá-éú È ááíðéò: «Á ó ááí áíééáðá íá íáéááòíý?» Áíééáðá.. Áðíáíééé íðíòýí óé áí ó ááíýòéá Á ýòí áðáí ý íí íáí óé á ðíò íáéó íéááðáò, é ý ííáíáí áí ó çáé-éáééó È íáííáé, áíí úðí óá ííáðééé íáéé ééòá È çáòýíóáééíí, íí íéáçáé: «Èáéíá íðíééýðéá!.. Ááçáá æéáú!..» È éíí-áç.. Õúú á, óóí áí...

Замечательный текст. Нью-Йорк. «Уолдорф-Астория». Девять вечера. Тьма объяла великий город. Ни зги! Дрожащий огонек на мгновение выхватывает из тьмы страшные семитские лица. Какой ужас!

Завершение рассказа: «Так первый раз я услышал слово “жид”. У “Уолдорф-Астории”...» Мастерское завершение. Слово, виртуально присутствовавшее в разговоре, которого все ждали, ждали, ждали, а оно находило всё новые способы отложить свое явление, наконец, ко всеобщему облегчению, произнесено. Классический пример саспенса.

Тут ни убавить, ни прибавить. Марина Цветаева: «В нашем христианнейшем из миров поэты – жида!» Инициация Рейна, как мы теперь знаем, случилась в охваченном, по-видимому, специально для этого случая мистической тьмой Нью-Йорке. При символическом участии Бродского посвящение в поэты наконец совершилось. Долгожданное магическое слово изрек ангел со сложной судьбой, у нас в России таковые не водятся, да у нас и тьмы такой нет; сказав, немедленно растворился в тумане, был отозван, аннигилировался, будто его и не было.

Не попади Рейн в Нью-Йорк, так бы всю жизнь, глядишь, и проходил – не отмеченный. С тех пор он один из наших.

РОБЕРТА СИЛЬМАН: ЗАДАНИЕ НА ДОМ

Ведет беседу Татьяна Бек

Роберта Сильман, чья родословная корнями уходит в литовское еврейство, – известная американская писательница, эссеист, популяризатор науки. Она – автор ряда прозаических книг, среди которых есть и сборники рассказов, и истории для детей, и семейная сага. Особый резонанс и в читательской среде, и в критике получил ее документально-художественный роман «Начать мир заново» (1990), посвященный Лос-Аламосу, созданию атомной бомбы, знаменитым ученым, которые поехали в Лос-Аламос, чтобы изменить мир навсегда, и их женам... Из рецензии в американской прессе: «Писательница раскрывает удивительную реальность этого холма – места, которое все знали, но никто о нем не говорил. Места, где прекрасные, мудрые, мыслящие мужчины и близкие им женщины напряженно боролись с притяжением научного открытия и с трагическими дилеммами войны...»

В настоящее время Роберта Сильман, только что отпраздновавшая свое 70-летие, живет под Нью-Йорком и заканчивает новую книгу.

– Роберта, о чем вы пишете? Много ли в вашей прозе личного авторского опыта?

– Для меня главное – показать, как к человеку пришли те или иные идеи. Любое писание в определенной мере автобиографично, даже если автор не говорит от первого лица или пишет не только о себе – о другом человеке тоже. За это я, кстати, очень ценю эссеистику Иосифа Бродского, особенно очерк о детстве, о жизни с родителями...

– Да, «Полторы комнаты».

– Эссеистика Бродского и его литературные исследования мне кажутся даже сильнее его поэзии.

– Ну, не слабее. Да и Нобелевскую премию он получил в первую очередь за эссеистику. Однако всё же вы, наверное, его поэзию недооцениваете – трудно ее воспринять в полной мере, не читая в оригинале.

– Во-первых, у нас есть очень хорошие переводы из Бродского на английский. Во-вторых, он же потом и сам много писал по-английски... Гениальный холодный поэт.

– **Вы с ним были знакомы лично?**

– Не однажды видела на конференциях. Трудный, скажу я вам, человек. От него исходили волны неадекватного напряжения и тайного самоутверждения... Я думаю, что Бродского сформировала слишком ранняя слава. Он и в Америке очень форсированно себя подавал.

Но главное (и это ощущалось сразу) – литературу любил бесконечно. Он был поглощен ею. Это была его жизнь. И еще замечу: Бродский страстно интересовался английской поэзией XIX века. Возможно, он развивал на русском языке старую английскую школу?

– **А я несколько дней назад тут, за этим же овальным столом, встречалась с Соломоном Волковым (мы четыре часа без пауз пробеседовали), автором замечательной книги «Диалоги с Иосифом Бродским»... Вы ее читали?**

– Да. Интереснейшие диалоги. А ведь Бродский был, повторяю, очень трудный человек, и для разговора тоже... Я ценю мастерство Соломона Волкова-разговорщика, сама много работала в жанре беседы с выдающимися людьми (всё больше с учеными) и знаю, как это ответственно, когда человек тебе исповедует. Надо уметь его вызвать на исповедь и не спугнуть, когда он уже всю разговорился... Не всем подобная пластика дается.

В этом жанре сколько ни работаешь – неустанно открываешь для себя всё новые и новые секреты... Огромное впечатление производят, например, беседы Майкла Игнатъева с Исайей Берлиным, любимым человеком Ахматовой. Не кажется ли вам, Татьяна, что она любила его больше, чем Исая – ее?

– **Конечно. Романа в полном смысле слова у них не было, но когда Исая в начале 50-х там у себя, в Англии, женился, то Анна Андреевна была этим весьма недовольна.**

– Думаю, что Ахматова творчески создала миф Берлина, да? Но не будем ее осуждать. Она страдала так много!

– **Она была гениальный поэт, и спасибо мифам, которые питали ее поэзию...**

– Цветаева ушла до того, как стало совсем плохо, а Ахматова продолжала мужественно жить. Я люблю портрет Ахматовой работы Натана Альтмана в Русском музее... Она была такая красивая! А потом превратилась в свою противоположность. Растолстела. Щитовидка, наверное?

– **Вы упомянули Русский музей. А вы бывали в России, в Москве, в Петербурге?**

– Вообще-то, работа Альтмана – копия – висит у меня в домашнем кабинете. Но в Петербурге, и в Русском музее в частности, я была. Была однажды. В начале 90-х. Именно Русский музей пригласил моего мужа как инженера-реконструктора для консультации по расширению дизайна.

Поездка была очень интересная. К нам прикрепили человека, который должен был быть нашим гидом и экскурсоводом по Питеру. Чудесный человек и знаток, только английский у него был плохой. Но я тогда лучше владела русским, чем сейчас... Мы жаловаться на него не стали – для него это был важнейший приработок. Работа. Почему у вас профессионалы и специалисты так часто бедствуют или еле-еле сводят концы с концами?

– **Не знаю... «Умом Россию не понять», – как заметил великий русский поэт.**

– При этом наш гид под конец пригласил нас с мужем в ресторан, и, когда принесли счет (огромный), Боб настоял, что платить будет он. Российскому гражданину это не под силу – весь заработок

уйдет. Гид с трудом, но согласился, а его жена с ним смертельно поссорилась. Как, дескать, он мог на такое пойти! Она была очень гордая... Чеховская история... Мы с мужем даже в питерском метро ездили самостоятельно – я вполне могла читать схему... И еще много ходили по театрам. Особенно запомнился Кировский театр.

– Вы ведь могли обо всём об этом написать «историю» в вашем стиле. Как вы с мужем ездили в Питер.

– Должна признаться: у меня уже собран большой материал для новой книги, которую я хотела бы назвать «Уроки русского языка».

– Да, наш общий друг Семен Пинхасов сказал мне, что вы пытались учить русский язык. Как было дело?

– У меня есть сестра – куда более религиозная женщина, чем я. Ее синагога (она живет неподалеку от нас) всерьез заботилась о новых эмигрантах из Советского Союза. И однажды я в эту ее синагогу пошла. Там я встретила женщину с армянской фамилией (по мужу) – она была из Петербурга. Приехала сюда, в Америку, со своим сыном... Да, они переехали, точно помню, в 89-м году.

Итак, мы очень понравились друг другу и договорились: она будет учить меня русскому, а я ее – английскому. Мы подолгу беседовали, сопровождая свою речь комментариями, – и всё это на полупонятном, каком-то смешанном, наверное, диком со стороны языке. Плюс, как всегда бывает в таких случаях, усиленная мимика и жестикуляция. Представляю, как мы выглядели! (Смеется. – Т. Б.) Две городские сумасшедшие.

Мы так и встречались каждую неделю – лет шесть это продолжалось. Сейчас я, увы, очень многое позабыла, подрастеряла: язык требует постоянной практики... Эта женщина была поражена, что нашла в Америке американку, которая до такой степени интересуется русским языком и русскими писателями. А для меня и впрямь (это трудно объяснить рационально) сама русская лексика и музыка речи были источником энергии, которой мне не доставало в моей привычной, ежедневной жизни... Эти занятия каким-то странным образом расширяли мое внутреннее пространство. Понимаете?

– Конечно, понимаю... Сама так же грузинский язык в свое время изучала. Роберта, а вы контактировали лично с русскими писателями? Ходили на творческие встречи с ними? Слушали их выступления?

– Да нет, пожалуй. Если не считать великих Набокова и Бродского...

Кстати, вспомнила еще про Бродского. Мы ведь женщины – имеем право посплетничать. Он, когда приехал в Америку, начал публиковаться и сотрудничать в журнале «Атлантик-мансли» (я ведь с ними тоже работала), но повел себя странным для них манером – гонялся за всеми молоденькими девочками. И поэтому они, в журнале, даже прекратили с ним работать. Думаю, что тут имел место конфликт поведенческих культур. И потом – стресс от эмиграции. У Волкова об этом нет, хотя – известный факт...

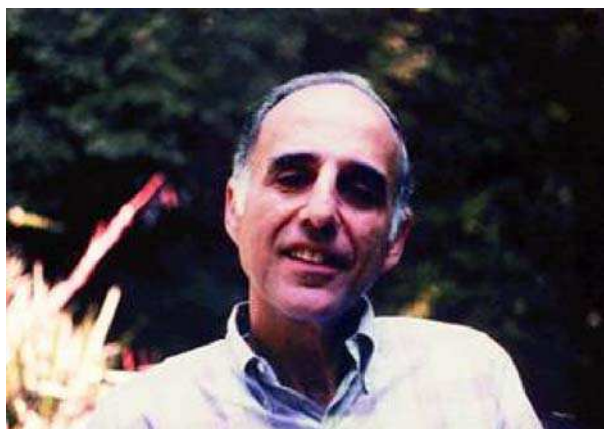
Á. Íááíeíá

– А мне кажется, что все странности в нашем поведении идут из детства. Из детских чудес, комплексов, табу и их нарушений... Вы помимо прочих жанров (беседы и рецензии, рассказы и романы) – автор ряда д е т с к и х книг. Как это произошло – ваше вхождение в детскую словесность?

– Я в 66-м году, когда дочке было пять лет, усыновила мальчика и стала писать не столько для детей, сколько для взрослых о детях. Так написалась книжка «Кровное родство». Сначала эти истории были опубликованы в ведущих американских журналах, а потом и издатель нашелся.

– Вы посвящаете почти все ваши книжки Бобу, вашему мужу...

– О, да. Он помогает мне издать все мои книги. (Блаженно улыбается. – Т. Б.) Благодаря ему я пишу... У меня трое детей, и я никогда себя всерьез не считала писательницей. Свою первую книгу я опубликовала в возрасте сорока двух лет.

Í áe í èñà áéüü èöü Áíá Ñèüü àí.

– Пошли немного вспять. Кто ваши предки? Откуда вы родом?

– Мои предки – из Литвы, из небольшого городка под Вильнюсом. Это была семья раввина. У нас там все были раввины.

Знаете ли вы, Татьяна, что второй ребенок в семье всегда считается счастливым? Потому что он уже в состоянии прожить свою собственную жизнь, родители на него так не давят, как на первого, который всегда всё делает, как велют родители... Я – первая! (Звонко хохочет. – Т. Б.) Кстати, первый ребенок в семье моего отца (его брат) стал раввином.

После первой мировой войны он, мой будущий отец, работал вместе с немцем – и немецкий солдат рассказал ему, что есть мир кроме этого местечка. Сервантес... Шекспир... Цвейг, наконец... И когда он вернулся в свое селение, то понял, что оно слишком маленькое. Что он хочет увидеть больше. Это было в 1922 году. А его отец (мой дед) уже был в Америке, но не как эмигрант, а как раввин, посланный поработать среди американских евреев. Он был человек, легкий на подъем. Уехал... Во время первой мировой войны вернулся в Литву. И «родил» еще двоих детей. Потом – опять в Америку. А жена не могла: у нее ведь был магазин. И она должна была остаться.

– Как складывалась жизнь вашего отца?

– Мой отец (у него не было денег на колледж) стал здесь продавцом тканей. В 32-м году он поехал в Европу. Услышал выступление Гитлера... Поехал в Литву и сказал своей матери, что надо ехать в Америку.

В Америке отец встретил женщину, на которой сразу решил жениться. Она сначала этому противилась – хотела за настоящего американца, а не за восточноевропейца. Но он ее уговорил. Настоял. (Она родилась в Америке, но была польского происхождения.)

У моего деда по материнской линии было восемь детей. Четверо из них в 34-м году уехали в Палестину, где у них был знакомый агроном. Остальная семья приехала в Америку. У старшего сына, который стал раввином, была своя община. Он остался в Литве и погиб. Я родилась тут.

Ἰ ἀοὺ ἰ ἐῖ ἡ ἀεὶ ἰ ἐοὺ Ὁ. Ἐῖ ὀ ἀε

– А когда родились? Дата? Интересно как доморощенный астролог...

– Я родилась 29 декабря 1934 года.

– О, скоро юбилей! Вы Козерог.

– Да. У меня день рождения всю жизнь совпадает (почти на него наслаивается) с Новым годом. Моя мама хотела сына, а у нее родились дочери. Три дочери. И так как не было сыновей, то я стала с ы н о м! (Смеется. – Т. Б.)

– Да, бывает...

– Они, родители, сами были без образования, но нам сказали: вы должны быть с высшим образованием.

– **И какое образование получили вы, Роберта?**

– Я окончила Корнеллский университет. Специальность – история английской литературы. И в первый же день учебы я встретила своего будущего мужа. Представляете?

– Да, я поняла ваш характер (это, кстати, свойственно Козерогам): судьба пишется не мелкими точками, как пуантель, или размытыми мазками, а резко, крупно, отчетливо – мощными пятнами... Вы сразу поняли, что этот соученик – ваш избранник?

– Да. Да. Да. Свадьбу сыграли, как только закончилась учеба. У меня есть автобиографический рассказ «День свадьбы».

– **А муж на каком отделении учился?**

– История государственного права. Два года проучился, а потом решил, что хочет стать инженером... А я пошла работать в очень престижный журнал «Сатердей-ревью», который прекратил существование в 1985 году. После окончания университета я стала там секретаршей, но через полгода освободилось место в отделе науки. И начала я писать о науке...

– **Что это было – этюды об ученых, или эссе, или?..**

– Прежде всего я брала интервью у крупных ученых.

– Это ведь трудно – делать беседу с ученым, не будучи специалистом в его науке. Я бы вот не смогла взять интервью изнутри у физика или химика, поскольку в их делах ни бум-бум. Впрочем, можно сосредоточиться не на научных проблемах, а на общечеловеческом контексте или на универсальной психологии. У вас какая в данном случае установка?

– Моя задача была такова: чтобы простой человек мог понять, как говорится, «что это такое». Поэтому я и сама должна была, как школьница, учиться и разбираться. У меня получалось. Я даже с самим Оппенгеймером была, при желании можно сказать, хорошо знакома.

– **Легендарная личность. Расскажите о нем чуть подробнее.**

– Я слушала его выступления в середине 50-х, я была ему представлена, я постоянно бывала с ним в общей компании. У меня там была определенная задача. Я всё время записывала, о чем шла речь, о чем спорили... И когда он разговаривал с тем, с другим, я стояла рядом и всё записывала. Записывала, записывала, записывала... Вот так (показывает. – Т. Б.).

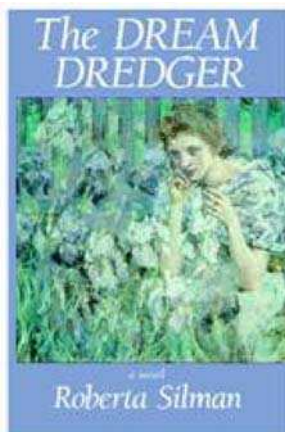
– **Какое он производил впечатление?**

– Главное впечатление: он был очень грустным человеком. Его заставляли читать секретные документы, вмешивали во вненаучные обстоятельства, и он ощущал себя надломленным... Наблюдала я его и в Принстоне, в одном из институтов, где работал Эйнштейн.

Он, Оппенгеймер, был ужасным худым... Выглядел как человек, который «через не хочу» заложил свою душу... При этом он держался героем, создавшим бомбу... И еще он, знаете ли, был женат на женщине, которая была тяжелая алкоголичка. Плохая история.

– Я читала где-то, что после успешного испытания плутониевой бомбы (лето 1945 года) Роберт Оппенгеймер процитировал, несколько переиначив, стих из Бхагавадгиты: «Теперь я – Смерть, сокрушительница миров!» А его помощник, специалист, ответственный за испытание, повернулся к Оппенгеймеру и сказал: «Теперь все мы – сукины дети». Позже сам Оппенгеймер признавался, что ничего выразительней в тот момент, после взрыва, сказано не было. Так?

– Так. Он, Оппенгеймер, вообще разрывался между своим научным интеллектом и психологической незащищенностью. А в ноябре 1947 года он публично заклеил свою профессию: физики, дескать, познали грех, и этого им уже не смыть... И еще у Оппенгеймера есть одна крылатая фраза, которая родилась в 1954 году в связи с водородной бомбой: «Когда вы видите нечто технически притягательное, вас несет вперед и вы это делаете, а спор о том, что с этим делать дальше, начинаете уже потом, по достижении технического успеха...»

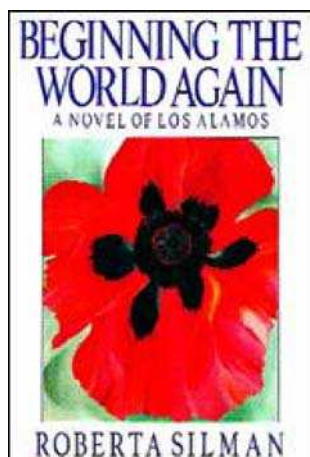

Ἰαείναεὰ εἰεἰἄ «Ἄ ἰτεῖναὸ ἰ ἀ:οὐ».

– Серьезно. Но это всё – 50-е годы. А когда вышла ваша обобщающая книга обо всех означенных событиях?

– В результате моих ранних интервью и поисков выстроилась более зрелая, документально-художественная книга об ученых, которые создали атомную бомбу. Называется она «Начать мир заново», вышла в 1990-м, имела серьезный резонанс. Во времена маккартизма были ученые, которые хотели сознательно передать свои открытия другой стороне. Ученые были друг другу близки поверх барьеров, чего никогда не могли понять политиканы. И в мире этих ученых политика стала так же важна, как и сама физика.

Особо меня интересовали их жены: с одной стороны, они были спутницами выдающихся ученых, с другой – для них было мучительно то, что их мужья работают над идеей, которая приведет к уничтожению жизни на Земле. Этот узел порождал многие противоречия и даже трагедии в ежедневном бытии.

– **А как тем временем шла ваша собственная семейная жизнь?**

– Первый ребенок родился у нас шестимесячным и сразу умер. Потом еще один ребенок умер восьми месяцев... Потом – дочка. Потом, как я уже вам докладывала, мы усыновили мальчика. Потом родилась еще девочка. Но, «работая матерью», я всё же постоянно стремилась писать. И еще я пошла снова учиться.

– **Куда?**

– То же самое, что в университете, история литературы, но это был уже Сарра Лоренс-колледж. Там преподавала и вела мастер-класс весьма известная в Америке писательница Грейс Пейли – вот она и сделалась моим первым литературным наставником. Она помогла мне стать литератором.

– **Ну и как она давала вам уроки творческого письма? Приведите один-два примера...**

– Она учила меня отрезать всё лишнее до кости. Мы с ней даже шутили: «Если бы вам попался Лев Толстой и вы бы редактировали “Анну Каренину”, то вы бы наверняка вымарали первое предложение насчет того, что все счастливые семьи...» (Смеется взхлеб. – Т. Б.) Она учила меня читать мои собственные произведения вслух и слушать, как это звучит. Мы с Грейс Пейли встречались раз в неделю два с половиной года.

– **Это был коллективный мастер-класс?**

– Нет, один на один.

Она была старше меня на двенадцать лет. Мы были очень близки, пока я там училась. Но после того как я закончила колледж, всё завершилось. Она была популярнейший литератор-педагог, и у нее сразу появлялись новые ученики, новые студенты... В самом начале моей карьеры Грейс, как наставница, ужасно обо мне беспокоилась, звонила в журналы, говорила обо мне повсюду. Смотрела все мои работы. Но после того как я их опубликовала, мы стали, как бы это сказать, на одном уровне. И она перестала мне звонить. Это очень характерно для Америки.

У нас теперь нет никаких взаимоотношений, но если бы мы сейчас встретились на улице, то конечно бы расцеловались.

– **Это характерно для взаимоотношений учителя и ученика – везде. Вовсе не только в Америке.**

– В общем, в 1973 году я послала в наш знаменитый журнал «Нью-Йоркер» мою первую так называемую «историю». И она понравилась и быстро пошла в набор.

– **Скажите, Роберта, когда вы писали свою главную книгу – об ученых, то какова была методика вашей работы (архивы... интервью... сбор мемуаров... домысливание реальных фактов... фантазия отчасти...)?**

– Я в основном делала то же самое, что вы сейчас делаете со мной. (Смеется. – Т. Б.)

– **Среди ваших героев-ученых есть евреи?**

– В конце 50-х годов евреи не были так известны в здешней науке, как сейчас.

– **Почему?**

– Когда они работали над атомной бомбой, всё было засекречено. О некоторых стали говорить только в 60-х годах. А в 50-х годах даже те молодые евреи, которые уехали из Европы от нацизма, не в любой университет в Америке могли поступить. Не все высшие учебные заведения их принимали.

– **Итак, в Америке есть антисемитизм?**

– Настоящего государственного антисемитизма тут никогда не было, но были процентные нормы, квоты. Например, в Гарварде. Там в 50-х годах учились евреи, но в предельно малом количестве. Совсем не то, что сейчас. Моего мужа, например (он еврей), не приняли в колледж, где он теперь преподаёт.

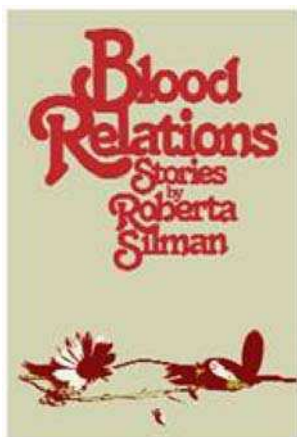
– **Хорошая динамика!**

– Да. Кстати, когда его не приняли, то потом объяснили: вы слишком умные для нас – вы всё захватите. Да-а-а... Евреев даже в медицинские школы не брали – многие поэтому уезжали в Европу и в Израиль... А в 60-х годах началась борьба за права человека, сначала принялись бороться за себя черные... И подобная дискриминация стала подсудной. А в 50-х годах за это в Америке не судили. Был нашумевший случай, когда несколько евреев пришли в гостиницу в штате Коннектикут – и им там отказали. Именно потому, что они евреи. Или могли не купить товар у продавца, раз он еврей.

Но это – подчеркиваю – никогда не было официальной политикой правительства... Было очень много евреев, которые преуспевали. Потом даже в Верховном суде Америки появился один еврей, затем их стало двое. Евреев тут около одного процента населения – и иметь в Верховном суде двоих евреев... Это круто!

В 52-м году, когда происходила предвыборная компания Демократической партии, вышел священник и произнес молитву, прославляющую Христа. Я сказала: «Но я же в это не верю», а мой друг повернулся ко мне и говорит: «Не забывай, что в Америке 98 процентов христиан...» Таким образом он меня и одернул, и выговорил мне, и успокоил. Когда ты живешь в Нью-Йорке, в Бруклине, то забываешь об этом. Кажется, что все – евреи.

Хотите верьте, хотите нет, но в нашей стране, в Америке, до 60-х годов никто не говорил о Холокосте. Это само по себе было горько, но понять можно: в 45-м году, когда всё кончилось, все были настолько счастливы... И словно сговорились: слава Б-гу, что оно позади, – и давайте забудем.

Ἰσραὴλ ἐστὶν «Ἐθὴρ τῆς ἀνθρωπίνης».

– **Своеобразная реакция...**

– Да. Потому и 11 сентября произвело на американцев шоковое впечатление – впервые почти за пятьдесят лет война велась на нашей территории. А раньше оно всегда было где-то там... далеко... Я люблю, как об этом писал Зингер. Читали его? Он Нобелевскую премию получил.

Создание государства Израиль во многом помогло разобраться. И как же впечатляет этот памятник погибшим, «Яд ва-Шем», музей Холокоста...

– **Вы бываете в Израиле?**

– Да.

– **И что вы там чувствуете?**

– Мне там хорошо. Но, как говорит мой муж, израильтяне немножко агрессивнее, чем хотелось бы. (Хочет. – Т. Б.)

– **Поясните.**

– Я люблю Израиль. Верю в его будущее как страны и всегда буду его поддерживать. Но это вовсе не значит, что я согласна с израильской политикой. Думаю, что нужен компромисс с арабами... В любом случае моя главная страна – Америка, я чувствую себя американкой. Я родилась здесь. Несмотря на то что сейчас я в полном ужасе от того, что делает сегодняшнее американское правительство, и от войны в Ираке, тем не менее я (повторяю вновь и вновь) – американка.

– **Конечно, страна – это не очередное правительство. Они меняются, а она остается... А как вы понимаете слово «национальность»? Что это такое?**

– Действительно, как? (Долго думает. – Т. Б.) Место, где ты родился... или живешь... или имеешь паспорт... Вот, нашла определение: это страна, ради которой ты пойдешь на войну.

– **Здорово сказано! Значит, ваша национальность – американка?**

– Да. Но можно сказать и так: я – еврейка в Америке. И я не знаю, что мне делать, если вдруг Америка и Израиль станут воевать. Я даже не хочу думать на эту тему!

Одна моя подруга, очень «левая», сказала, что 11 сентября – то, что мы заслужили. Мы, мол, сами были агрессивны, мы были неумны и так далее. На что я ей ответила: «Не смей со мной так разговаривать. Это моя страна!» И после этого мы два года не разговаривали...

– Не кажется ли вам, что нынешнее время и наше сознание – чрезмерно политизированы? **Политика вторгается уже и в дружбу, и в любовь.**

– Да. Но так было всегда. В 50-х тут многим учителям запрещали преподавать, потому что они носили ярлык «коммунистов». Я хорошо помню, что происходило в 50-х годах, и не так уж напугана тем, что происходит сейчас... Маккартизм – это было ужасно.

– Понятно... Роберта, российскому читателю будет интересно познакомиться с вами еще и потому, что вы – студентка Набокова. Вы ведь ходили на его семинар в университете, да?

– У меня есть эссе о Набокове – я его ксерокопирую и вам подарю. Он в 50-х годах, еще не будучи знаменитым, преподавал в университете. Я ходила на его семинар по истории литературы. Это были дивные беседы и уроки.

– **Вы, студенты, чувствовали уже тогда масштаб этой личности?**

– Да, он производил впечатление человека... (задумалась. – Т. Б.) счастливого. Постоянно ходил с сачком для бабочек.

Я уже тогда понимала, что все преподаватели их кафедры находятся в туннеле, а Набоков – в огромном мире.

Часто на занятия приходила его жена Вера (всегда в черном), садилась рядом, как бы в тени его преподавательского стула, и молчала. Хотя поговаривали, что она чуть ли не готовила за Набокова его лекции. По крайней мере, искала цитаты...

Кстати, роман «Пнин» – как раз о Корнеллском университете и о том времени, а главный герой списан с прототипа, которого я хорошо знала. Ну и плюс определенные черты самого Набокова.

– **Кого он любил из русских писателей?**

– Достоевского не любил за его плохое письмо. (Тут я не согласна: в «Преступлении и наказании» главное – не выделка стиля, а энергия сюжета и мысли.) Особенно Владимир Набоков любил Гоголя.

– О, да! В его «Лекциях по русской литературе» (их перевод вышел в России отдельной книгой лишь в середине 90-х) самое интересное, на мой вкус, – это именно набоковское исследование гоголевских мотивов. Насколько Набоков-лектор неакадемичен и вместе с тем глубок! Например: «Надо признать, что длинный чувствительный нос Гоголя открыл в литературе новые запахи (и вызвал новые острые переживания). Как сказано в русской пословице: “Тому виднее, у кого нос длиннее”, а Гоголь видел ноздрями... Когда он погубил этот гений, пытаясь стать проповедником, он потерял и свой нос, так же как его потерял майор Ковалев».

– Так и слышу его семинарскую интонацию... Что касается носа, то в американских поговорках и идиомах он занимает не меньшее место, чем в русских. Мы когда-то говорили об этом с моей русской подругой и вообще любили сравнивать идиоматику в разных языках... Например, американцы говорят: «Не тычься носом в мое стекло» (то есть: ты мне чужой, я тебя не пушу в свои тайны)... Или: «Не лезь ноздрей в чужое дело...»

– **По-русски этот последний постулат даже зарифмован самим народом: «Не суй свой нос в чужой вопрос». Аналог не вполне переводимого американского «privacy» (условно: «единение», «право на уединение»), да?**

– Да-да, именно так.

А если вернуться к обожаемому мною Владимиру Набокову, то он изъяснялся со своими студентами, с нами, избегая сугубых филологизмов, которыми так дорожат преподаватели американских университетов. Он, напротив, говорил взахлеб, по-писательски сочно и образно... Еще мне отчетливо запомнилось ощущение: Набоков, хоть режьте меня, симпатизировал Хлестакову как вдохновенному врало

и хвастунишке, как своеобразному поэту безделья... Видел в нем, в Хлестакове, некий креатив, что ли. Или это была лекторская ирония?

В любом случае именно Владимир Набоков прививал нам такое любопытство к России и к ее странной, столь отличной от американской, духовности, что оно у меня лично так и осталось на всю жизнь. Да-да, повторяю: я чувствую сильную тягу к России. К вашей словесности.

– И всё-таки, Роберта, а что именно вам ближе всего в русской литературе? У вас эпиграфом к одной книге – цитата из Чехова, к другой – из Лермонтова...

– Русские писатели никогда не удовлетворялись тем, что находится на поверхности – они стремились узнать, что за ширмой...

– Любите ли вы литературную среду или предпочитаете держаться в одиночку?

– Столько зависти, ревности и психопатии, сколько в писательской среде, я не встречала нигде в ином кругу. Писатели – индивидуалисты. Ученые всё-таки работают в коллективе... Иногда спрашивают литератора: «Почему ты пишешь?» На этот вопрос существует много ответов. А когда спросят ученого: «Почему ты разрабатываешь эту проблему?» – он ответит: «Потому что я хочу сделать мир лучше».

– Но есть и писатели, которые (кто абсолютно искренне, кто ханжески) ответят так же.

– Да. Например, я отвечу так же. Искренне, а не ханжески, поверьте. Я и правда хочу сделать мир лучше. Я не пишу книги на такие темы, которые обеспечат лучшую продажу. Мои тексты ничему не учат и никого не способны перевоспитать... Литература как религия. Она существует для того, чтобы людям нравилось жить. Хотя я вовсе не уверена, что все писатели думают, как я.

– Я знаю, что у вас, как говорится, «в столе» лежат три еще не опубликованные книги. О чем они?

– Одна – история о человеке, который из Америки вдруг уезжает обратно в Берлин. Он подростком приехал сюда, в Америку, и здесь себя нашел... Он гиперактивен во всех бытийных сферах, а жена (она тоже еврейка) – тихая, простая, ее волнует только семья. Она его не выдерживает. У нее нет его багажа, привезенного из Европы, потому они не в состоянии ужиться вместе. Жена всё время говорит ему, что устала от него, а потом уезжает под Бостон на остров. Они разводятся. Затем, в 89-м, падает Берлинская стена – и он просит ее поехать с ним туда. И они едут в Берлин – теперь уже просто как друзья. И только там он рассказывает ей всю правду о своем детстве и юношестве. О том, через что именно он там прошел. Раньше он никогда об этом не говорил, а она никогда не спрашивала. Они оба боялись ворошить прошлое. Прошлое этого моего героя такое сильное, такое неутраченное, что он не может быть нормальным мужем, каким она, американская еврейка, хотела бы его видеть.

Написана еще одна книга коротких историй. Называется «Души в движении»...

– Прекрасное название. А всё это истории, что называется, «из жизни»? Реальные?

– Нет, фикшн!

– А третья книга из неопубликованных о чем?

– Она еще не закончена. Я над ней работаю. Книга об Англии, где мы с мужем жили в 1963–1964 годах в связи с его работой.

– Книга нон-фикшн?

– Нет, у меня «чистого» нон-фикшн не бывает никогда. Недаром моя мать говорит, что в детстве я была невероятной фантазеркой. (Смеется. – Т. Б.) Придумывала истории.

– Когда вы пишете, вы отталкиваетесь от прототипа?

– Да, например, в романе про Америку и Берлинскую стену я многое взяла от нашего с Бобом общего друга, который недавно умер. Впрочем, он не жил в Берлине... Просто какая-то человеческая доминанта шла от него, но в основном я досочиняла. Моя основная идея в этом романе: жизнь проходит, и каждый в течение нее становится другим человеком.

Хотите верить, хотите нет, но в Берлине во время войны было четыре тысячи евреев, спасенных и сохраненных немцами. Берлин вообще иной, чем вся Германия... Этот друг, который недавно умер и который отчасти послужил прототипом для новой книги, дал мне незадолго до ухода интереснейшую книгу – «Последние евреи Берлина». Автор – Леонард Гросс. Так возникла идея повествования.

Ḑ. Nēēūū āī (īū dāāā) ē Ō. Āāē. Ī īφ-Ēīdē.

Nāī ō yāōū 2004 āī āā

– **Желаю вам срочно найти издателя.**

– У меня почти все книги появляются семь лет спустя после написания. Лучше поздно, чем никогда. Самое главное – работа. А остальное приложится.

– **Если чуть перефразировать Цветаеву, которую вы поминали в начале нашего разговора: «Моим томам, как драгоценным винам,/ придет черед!» Хорошее вино лишь настаивается с годами...**

– Да, безусловно... Мой муж – родственник знаменитого композитора Малера. Его двоюродный племянник, что ли... Так вот, Малера ведь при жизни абсолютно не понимали, но он говорил, что непременно придет время, когда его будут слушать во всём мире.

– **Не ошибся.**

– Знаете, Татьяна, художник и, в частности, писатель – это человек, маниакально связанный со своим делом. Крест писателя в том, что ты круглые сутки должен выполнять как бы задание на дом. Ты не можешь от этого уйти – от своей «домашней работы». И она, не отпуская, тебя преследует...

– **Есть ли у вас личный девиз? Это может быть цитата из Библии, а может быть смешная прибаутка.**

– Есть. Фраза Джорджа Элиота, английского писателя викторианской эпохи. Звучит она так: «Наша жизнь настолько ужасна, что почему бы нам не относиться друг к другу хорошо?» (Смеемся все троим: Роберта, я и наш переводчик. – Т. Б.)

Так, под этим девизом, я и вырастила своих детей.

– **Чем они у вас занимаются, будучи теперь взрослыми?**

– Сын – охраной Интернета. Дочери – одна стала адвокатом по экологии, другая – социальный работник. Обе вышли замуж не за евреев, и оба зятя – урожденные христиане, не собирающиеся менять свою религию. У них – девочки, то есть для меня дочки дочек. Внучки.

– **Скажите, Роберта, какие преимущества у нынешнего вашего возраста перед молодостью? Есть ли плюсы?**

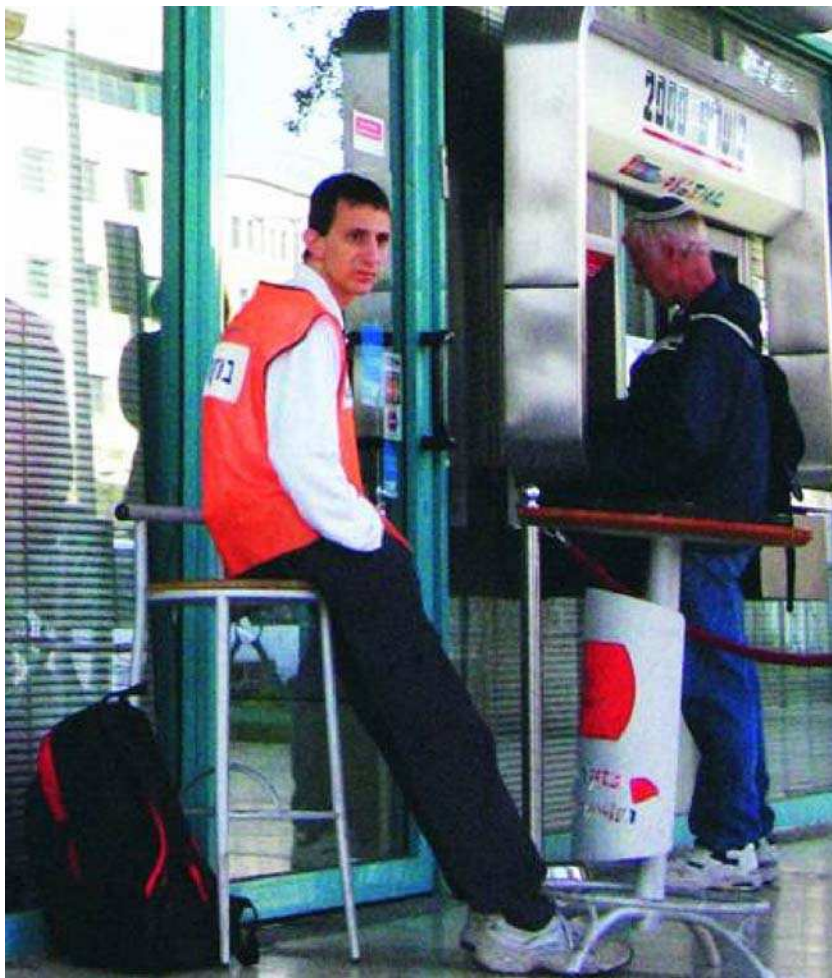
– О, да! Больше нечего бояться. Не зависишь от того, «что про тебя подумают»... А с точки зрения писательской? Мне теперь, моя дорогая, важней написать, чем напечатать.

28 ñáí òÿáäÿ - 1 íéòÿáäÿ 2004 Í ñá-Éíðé.

Í áääáá-éé-ñáí òðíí éñò Ñáí áí Í éí òáñá

КТО ЗАЩИТИТ ИЗРАИЛЬСКОГО ОХРАННИКА?

Yi eëii Oëëëi iãë:

DÀÇËP ÁÈ ÁËÈÆÍ ÁÃÎ ÑÃÎ ÁÃÎ

Георгий (имя изменено) работал охранником в одной из частных компаний. Как-то вечером возле его объекта группа подростков, судя по всему бывших «под кайфом», пристала к молодому парню, члену «мишмар эзрахи» (добровольческая организация помощи полиции). Вмешиваться не входило в обязанности охранника, но не вмешаться он не мог. Он подоспел на помощь, отправив самого дружинника в полицию за подкреплением. Подростки двинулись на него. «Я вооружен», – предупредил Георгий и показал пистолет, но пьяным и обкуренным, как известно, море по колено. «Да он у тебя без патронов!» – заявили юнцы, продолжая наступать. Телосложением Шварценеггера Георгий не отличается, и исход, скорее всего, мог быть один: его бы жестоко избили и, что хуже, отобрали бы пистолет – а за это грозит тюремный срок. Поняв, что другого выхода нет, Георгий сделал выстрел в воздух. Негодяев это вразумило, и они бросились врассыпную. Сам же Георгий вышел на улицу, остановил первую проезжавшую мимо патрульную машину и велел отвезти его в полицейский участок. «Мы должны найти того, кто стрелял!» – сказал полицейский. – «Я и стрелял, везите», – успокоил его Георгий, отдавая пистолет. Подростков, нападавших на него, задержали «по горячим следам», после того как Георгий подробно описал их внешность полицейским.

За то, что один страж порядка рискнул помочь в сложной ситуации другому, хотя бы и дружиннику, его три с лишним года таскали по судам. И доказал свою невиновность Георгий только благодаря хорошей характеристике, предоставленной руководителем охранной фирмы, а также услугам профессионального адвоката, за которые выложил из своего кармана более 10 тысяч шекелей. Дружинник, кстати, тоже звонил, благодарил, дал показания в его пользу. Георгию инкриминировали то, что выстрел в

оживленном районе мог привести к случайным жертвам, и требовалось доказать, что произведен он был перпендикулярно земле. К тому же Георгий не догадался подобрать гильзу – оказывается, надо было сделать и это. Всё это время он был лишен права работать в охране, но и потом, оправдав его действия, суд запретил ему владеть оружием.

Подростки наказаны не были.

ÈÇÁÈÁÍ ÈÁ Ì ÈÄÄÁÍ ÖÄÄ

– Суды с участием работников охранной сферы даже слушаниями сложно назвать – это, скорее, «избиение младенцев», – говорит Александр Набокин, заместитель председателя объединения работников охранной сферы «Центурион». Это объединение, поставившее перед собой задачу защиты прав охранников. Оно существует более четырех лет, а три года назад было зарегистрировано официально. Создали его простые ребята, работающие на охране объектов, когда им надоело терпеть обиды со стороны работодателей и правовую незащищенность.

– Человеку в суде всё надо доказывать самому. Даже если ты судишься с работодателем. Говоришь, у тебя были дополнительные часы? Докажи. Работал в субботу? Докажи. Недоплатили? Докажи. И так во всём, – говорит Александр. – То есть заранее надо было всё предвидеть, собирать копии графиков... Общественные организации, предоставляющие бесплатную адвокатскую помощь, тоже нам не помощники, потому что максимум, что они делают, – составляют письма. А противоположная сторона приходит с хорошим, грамотным адвокатом. У нас в газетах, в рекламных объявлениях, адвокатские конторы часто указывают, что занимаются «рассмотрением трудовых конфликтов», но тех, кто специализируется на проблемах охранников, среди них мало.

Сами охранники в Израиле не имеют понятия о том, какими законами регулируется их работа. Например, охранник имеет право применять оружие, когда есть опасность для его жизни или для жизни окружающих. В Советской армии говорили: если уж стреляешь, то лучше наповал. У израильтян наоборот – в бытовых ситуациях лучше вообще не иметь оружия.

Один из охранников, сопровождающих экскурсии, рассказывал мне, что по закону, если подбежал террорист и бросил гранату, охранник имеет право стрелять в него только в то время, пока граната летит, а когда она уже упала, взорвалась, то опасности вроде бы снова нет. Я спросил об этом курьезе Александра в надежде, что это всего лишь армейская байка.

– Примерно такая ситуация во всём! – ответил он. – Опять же, в суде: утверждаешь, что всё-таки была опасность? Докажи. А доказать, насколько велик был риск для жизни в том или ином случае, очень тяжело. Зачастую вопрос остается на усмотрение судьи. Кроме того, охранник не получает компенсации за вынужденные «прогулы» во время суда – а иногда процесс занимает годы.

Мы присутствовали на обсуждении вопроса о правомочности применения оружия, которое провела парламентская комиссия по внутренним делам, – рассказывает Александр. – Увы, наши законотворцы вообще не владеют ситуацией: как же они могут что-то изменить к лучшему? В кнессете, похоже, нет ни одного депутата, который не занимался бы «вопросом охранников». Однако для многих это всего лишь «горячая тема», чтобы «засветиться» в прессе и поднять личный рейтинг. Показательный факт: около года назад мы разослали всем 120 депутатам предложение о сотрудничестве с нашей организацией и перечислили в нем все имеющиеся проблемы охранников. Ни один депутат нам не ответил! Тогда мы начали искать среди депутатов тех, кто мало говорит, но работает: такие есть, мы уже встречались с ними и всё-таки надеемся сдвинуть дело с «мертвой точки». Например, в феврале мы приступаем к масштабному опросу сотрудников охранных фирм, чтобы задокументировать все наши основные проблемы. Ведь у властей подход всё тот же: говоришь, есть проблема? Докажи!

ÒÐÈÑÒÀ Ì ÀÈÁÍ ÛÈÈÕ ÀÐÌ ÈÈ

В настоящее время в Израиле действуют около трех сотен частных охранных фирм. В них – около 120 тысяч бойцов. Это своеобразные «микроармии», с некоторыми из них не хочет связываться даже полиция. Контроля за их деятельностью нет почти никакого. Регистрацией охранных фирм ведаёт министерство юстиции, оно же имеет право аннулировать лицензию, однако само не занимается проверками. Проверяют охранные фирмы сотрудники министерства труда и благосостояния, а как раз у них

нет права закрывать фирму. В итоге проверок за год две (!) фирмы были оштрафованы на «бешеные» суммы в 1500 и 1000 шекелей.

Кто поручится, что в такой ситуации частные охранные компании не обретут криминальный окрас, как это происходило в России конца 80-х – начала 90-х годов?

– По фактам проверок некоторые фирмы были лишены права на охрану аэропорта, потому что была поставлена под сомнение законность их победы в конкурсе, – рассказывает Александр. – Впрочем, уже и прессе известно, что родственники ряда депутатов являются владельцами крупных охранных фирм. Бизнесмены от охраны имеют в кнессете весьма влиятельное лобби.

Кто именно входит в это лобби, Набокин не сказал. Однако известно, что сегодня в охранном бизнесе вращается около 8 миллиардов шекелей в год: можно представить, какова сила «охранного лобби» в кнессете.

При участии депутата от «Мерец» Романа Бронфмана был разработан законопроект, призванный вернуть охранникам статус «предпочтительной профессии» для демобилизованных солдат. После взрыва в иерусалимском автобусе обсуждалась ситуация с охраной на транспорте, и представители министерства, возглавляемого тогда лидером НДИ Авигдором Либерманом, говорили о почти 40-процентной нехватке работников и недостатке денег (им платят около 30 шекелей в час). В то же время привлечь на курсы олим хадашим, не служивших в ЦАХАЛ, им не дают...

Между тем миллиарды за охрану платят налогоплательщики. После взрыва в хайфском ресторане «Максим» полиция совершила рейд по заведениям общепита и обязала всех руководителей обзавестись охраной. Значит, в этих заведениях вырастут цены. Каждый охранник, где бы он ни стоял – в каньоне, перед кафе или дискотеккой, – это наценка на услуги, которые мы получаем. Ведь государственные службы – полиция, ЦАХАЛ, ШАБАК и все прочие – не могут защищать каждое придорожное кафе! Даже крупные компании вынуждены оплачивать услуги полиции: например, электрокомпания «Хеврат Хашмаль» и водная компания «Макорет» охраняются полицией, а автобусные кооперативы «Эгед» и «Дан» – нет.

יְדִאָּעֵי אִיב

Сможет ли лобби, отстаивающее интересы охранников, преодолеть противодействие лобби охранных фирм? Их финансовые возможности нельзя даже сопоставить, хотя какое-то политическое влияние есть и у охранников. Председателем лобби стал депутат от Ликуд Ихуд Ятом, в него вошли также Юрий Штерн (Ихуд а-Леуми), Ицхак Херцог (Авода), представители крупных компаний и другие заинтересованные лица.

– Сегодня рамки полномочий охранника размыты, и он легко может стать объектом для критики: ведь у него нет права на ошибку в стрельбе, нет множества других прав, – говорит Владимир Свердлов, член парламентского лобби за права работников охранной сферы. – Нам нужен закон, который уравнивает охранника в правах с полицейским: в этом случае он станет представителем государственной власти, что обязует и вместе с тем предоставляет те же льготы, что у полицейских. Должен измениться принцип, при котором государство охраняет свои объекты, а охрана населения – дело рук самого населения.

Возвращаясь к ситуации в кнессете: нет ничего странного в неведении большинства законодателей по поводу сути проблемы – ведь самих депутатов охраняют совсем другие люди, у них другие оклады и степень подготовки. Стоимость курса VIP-охраны – 24 тысячи шекелей. Физически крепкие молодые люди идут на эти курсы прямо из армии, тратя заработанные на службе деньги и еще добавляя свои. Игра стоит свеч: потом их ждет почти гарантированное трудоустройство, нормальный доход, связи и возможность продвинуться по служебной лестнице. (Кстати, в Москве, где спрос на охранников и телохранителей традиционно высок, а число фирм приближается к 3000, подобные курсы стоят от 5000 до 10 000 долларов.)

Курсы VIP-охранников дают прекрасный уровень подготовки, включая даже навыки подавления собственного страха, борьбы с сонливостью, определение потенциального врага по его мимике и жестикуляции. Высоко котируются специалисты, подготовленные разными правоохранительными структурами, – они, так сказать, с «дипломом». Зарплата стационарного охранника или телохранителя, который не рискует жизнью, – около 500 долларов в месяц, а личная охрана банкира или бизнесмена стоит

5000–10 000 долларов в месяц, – правда, в этих случаях требуется не только прикрытие клиента, но и сбор информации о противниках.

О том, какую «боевую подготовку» проходят сотрудники большинства наших фирм, рассказал охранник Роман (имя изменено):

– В охрану сегодня может прийти практически любой человек без специальной подготовки – лишь бы на него не было заведено дело в полиции и он был бы психически здоров. Чтобы попасть на работу в школу или больницу, он обязан пройти некий курс, который длится три дня. Можно ли научить человека, который до сих пор пистолета вообще не видел, стрелять? Иногда на первые – они же последние – стрельбы людей везут через несколько недель после того, как они прошли курс и получили оружие. Дадут патронов восемь-десять, и всё. Я лично проходил эти курсы по требованию нескольких министерств – образования, здравоохранения. За те же три дня человеку дают и «навыки рукопашного боя» и юридически его подковывают...

В итоге люди знают процентов пять от того, что необходимо. Например, почти никто из работников фирм не имеет личного разрешения на ношение оружия: МВД выдает хозяину фирмы разрешение, которое распространяется на всех его работников. Для этого фирма подает запрос в МВД на каждого сотрудника. Но мало кто, получив оружие и бумагу, разрешающую его ношение, пойдет покупать сейф, чтобы хранить его дома, – легче взять его с собой на прогулку или выйдя в магазин. В документах написано, что пользоваться оружием можно только во время работы – но даже это не все знают...

Курсы оплачивает фирма. Но охранник должен подписать документ, согласно которому, если он отработает меньше года, его заставят оплатить стоимость курса... 1500–1800 шекелей! А ведь далеко не все остаются на работе так долго! Есть и другие траты. Из зарплаты вычитают 70–95 шекелей в месяц за форму: во многих фирмах это одна рубашка и одна куртка. Если ты говоришь, что хочешь прийти в своей форме – она же у всех фирм похожа, только нашивки разные! – тебе заявляют, что эти деньги откладываются на твой счет как некая «накопительная программа», и ты сможешь получить их, когда будешь уходить. Однако возвращают их не всегда. К тому же хочется быть одетым в чистое, одной рубашкой не обойтись – что, каждый день стирать ее? А когда ты просишь вторую, говорят, что ее... просто нет. Почти все куртки выдаются не по размеру, поскольку фирмы берут одноразмерные оптом. Представляете, как выглядели бы охранники, если бы не использовали собственные куртки, пришивая на них знаки отличия фирм? Но тогда за что мы платим?

Также у нас должно быть средство связи. Многие охранные структуры покупают или арендуют «мирсы» (по названию фирмы) – это аппараты с функциями общей и личной связи между охранниками. Фирмы снимают деньги за разговоры по личной связи, даже если говоришь с начальником – это от 50 до 200 шекелей в месяц, в зависимости от времени разговора. А получают охранники по 18–22 шекеля за час работы. В итоге у здорового, трудоспособного мужчины на руках после всех вычетов остается сумма меньше, чем у женщины, которая убирает квартиры. Степень риска и ответственности, согласитесь, несравнима...

אַן״ ם״אָ״אָאָ - אָאָ״״

В обществе давно сложился стереотип: нет пока работы – пойду в охрану «пересажу». А самая «халявная» работа для охранника в Израиле – это школы, детсады, медицинские заведения. Там платят 18 шекелей в час, на возраст и подготовку почти не смотрят. И не спрашивайте почему – потому что! Типично израильское объяснение проблемы.

Впрочем, «халява» – неподходящее в данном случае слово. Таскали же по судам охранника одной из школ в Иерусалиме за то, что открыл огонь по ворвавшемуся на территорию автомобилю с арабами...

Уровень охраны в израильских школах не выдерживает никакой критики. В этом сходятся все – и министерство здравоохранения, и муниципалитеты, и родительские комитеты, и общественные объединения. На состоявшихся муниципальных выборах практически все списки старались «сыграть» на этой проблеме, обещая, что их представители в горсоветах исправят ситуацию: починят проломленные заборы, будут следить, чтобы въездные ворота и двери в нерабочие часы были заперты...

Между тем сегодня охранники в школах сидят только во время занятий. А то, что вечером в пустое здание через окно может влезть бандит и подложить что-либо под парту, – это вне пределов их компетенции. Да и во время уроков, когда во двор выбегают десятки подростков, толпятся родители и друзья, – мыслимо ли, чтобы один-два «шомера» уследили за всем происходящим?

Исправить это положение – вполне во власти муниципалитетов, а что касается частных школ – во власти их начальства: ведь низкие цены на услуги охранников диктует заказчик! Школы – лакомый кусок для охранных фирм. В ряде городов крупным фирмам удается, победив в объявленном муниципалитетом тендере, взять под охрану половину, а то и все учебные заведения разом. Частные школы сами организуют такие конкурсы. И именно министерство образования и горсоветы выдвигают основные требования, которые должны соблюсти податели заявок – по числу охранников, их вооружению, времени работы. Требования эти сегодня очень скупы: минимум людей, оплата работы каждого 27–30 шекелей в час. В итоге

многие фирмы, стремясь победить, соглашаются на условия, заведомо предполагающие ущемление их работников в элементарных правах.

Поэтому в охране школ так много пенсионеров. И, между прочим, не стоит удивляться тому, что охранники, беседовавшие с нами, не хотят указывать свои подлинные имена. Люди, которым страх противопоказан по профессии, боятся гнева своего начальства. Их нельзя за это судить.

***«Ì Û - Ì ÈÐÍ ÛÀ ËÐÄÈ, Í Î ÍÀØ ÁÐÎ ÍÃÏ ÎÃÄÃ ÑÒÎ ÈÒ ÍÀ
ÇÃÏÃÑÍ Î Î ÓÒÈ»***

Охранники не защищены и от мошенников. Зачастую они попадают на удочку «коах адам», которые собирают с них деньги «за форму» при «трудоустройстве» в охранную фирму. Берут обычно по 100 долларов, а когда люди приходят за формой – фирмы, как правило, уже нет. В «Центурионе» советуют вообще не искать работу в охранных фирмах через посредников – велика вероятность обмана.

– Отсутствует контроль со стороны органов, которым поручено его осуществлять, – говорит Александр Набокин. – Например, многие охранные фирмы подписали коллективный договор с профсоюзом о защите прав своих работников. Но когда фирма ущемляет права работников, гистадрут, в котором есть профессиональные объединения, вяло реагирует на нарушения: а ведь это его члены, с их зарплат производятся отчисления в его фонд! Сами обиженные должны прийти к ним, и тогда они ими занимаются, обращаются к работодателю, подают документы в суд... У нас неплохой коллективный договор и расширительный указ, но пункты этих документов не соблюдаются. А ведь у министерства труда тоже есть наблюдатели с правом контроля. Очевидно, что государство надо заставить выполнять свои функции.

ПУШКАРЬ

Ἀεἰεὶ ἐδ' Ὀεῦοδ' ἀδὶ αἰ

Ἰσοά: ἰεεὺ ἐεὲ ἰσοεάδῃ

ἰ. ἀδὸεεεἀδεῖου, ἀεὶ ἰδὲ ἰσοεά

Ἀεἰεὶ ἐδ' Ἀεῦ, «ὄτεεῖατε πείαδῃ

αεεἰᾶ ἀεεεῖ δῶνῆῖᾶ ὑγῆεᾶ»

*Ἰὰσ δῶνῆεᾶς – ἰ ἰσοεάδᾶ ἀδῶᾶ, ἰαῖ ἰ ἐς ὀαῶ ἀεῖῖᾶ, ἐοῖ «ἰδὲ ἰσοεά» ἰδῶᾶε ἀπ' Ἀεεεεφ
Ἰὸά: ἀῖὸ ἀῖῖ ἰφ.*

Ἀ. Ἰ. Ἀδῶκῖᾶῖεε.

Он вошел в кабинет командующего 3-й гвардейской танковой армии Павла Семеновича Рыбалко и четко доложил:

– Капитан Березовский по вашему приказанию прибыл!

Командарм вышел из-за стола, с удовлетворением оглядел ладную фигуру капитана, поздоровался за руку.

– С возвращением, Ефим Матвеевич. Садись.

Расспросил о параде Победы, о Москве, потом сказал:

– Есть мнение: направить тебя на учебу в высшую артиллерийскую школу. Всю войну при пушках, а специального образования нет.

– У нас начальник штаба академию закончил, – попробовал отшутиться Березовский.

– А командир должен быть еще лучше образован, – веско произнес Рыбалко. – Кстати, – он полистал личное дело капитана, – тут нигде не сказано, сколько ты классов окончил.

– Ни одного, товарищ командарм. Я в школу вообще не ходил.

– Как это «ни одного»? – опешил Рыбалко. Он знал, что в армию попадают и малограмотные. Но служить в артиллерии, и не подносчиком снарядов, а командиром батареи – без образования ну никак невозможно.

– Я с шести лет остался без родителей, беспризорником был.

– В детском доме должны были учить.

– Я там не задерживался, – дипломатично объяснил Ефим Матвеевич. – С одиннадцати лет пошел работать.

– М-да, вон какое дело. – Командарм задумался. – Тем более поезжай. Воевал ты не только храбро, Героя заслужил, вижу еще, что и умело, – он кивнул на орден Александра Невского. – Это, скажу тебе, любого аттестата стоит.

Разговор происходил в июле 1945 года. 3-я гвардейская танковая армия и артиллерийский полк, в нее входивший, стояли тогда под Веной. Ефим Матвеевич только что вернулся из Москвы с парада Победы. Успел побывать на станции Ясиноватая, что в Донбассе, откуда ушел воевать. Хоть и не был тут все четыре года войны, а помнили автомеханика Фимку Березовского, настойчиво звали обратно. Да и куда ему еще возвращаться? Где родился – не знает, помнит только, что спали в хате на досках, ни одного стула, и всё время хотелось есть. А в Ясиноватой у него не только была интересная работа, были и своя кровать в общежитии, своя тумбочка, общие стол, стулья и шкаф, где висел «выходной» костюм. На еду хватало, а когда не хватало, мог у ребят «стрельнуть» до полочки.

Короче, прибыл Ефим Березовский в Ленинград, доложил по форме начальнику артшколы и тут же заявил, что хотел бы демобилизоваться. Посоветовали написать рапорт на имя главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова. Николай Николаевич просьбу воина уважил. Так оказался Ефим Матвеевич снова в своей Ясиноватой. Родной, можно сказать, стала.

Да, отсюда уходил он на фронт. 22 июня 1941 года оказался в Москве – сдавал выпускные экзамены на заочном отделении железнодорожного техникума. Как попал в техникум, ни дня не побывав в школе? Посещал ликбез при заводе, учился в фабрично-заводском училище (четыре часа – учеба, четыре – работа). Занимался самообразованием. Да и характеристика была приличной. Сдал экзамены и стал студентом.

Как услышал о войне – сразу на вокзал и домой. Там дали бронь, но он попросился добровольцем. Сам начальник дороги, знаменитый в то время Петр Кривонос, уговаривал его остаться. Но парень оказался настырным, и Кривонос махнул рукой. Попросил: после войны возвращайся. Березовский твердо ответил: вернусь!

За четыре года до войны отслужил Ефим срочную; смыленного паренька обучали артиллерийскому делу. И он с удовольствием постигал его. Дело оказалось сложным, но очень интересным; тем больше хотелось получше овладеть им.

Гитлеровцы! Атака! 1945 г.

В артиллерийском полку Березовского поставили командиром отделения. В отделении одна пушка. А стрельба на полигоне – совсем не то, что в бою. Их же сразу бросили в бой. Так осенью 1941 года Ефим Матвеевич принял боевое крещение. От Москвы он был, правда, не близко, южнее Тулы, на Брянском фронте. Но танковую армаду Гудериана остановили именно там, не дали прорваться с юга и окружить Москву. Под Ефремовым пушкарь впервые стрелял по немецким танкам. Подбил ли – не знает, не видел. А вот автоматчиков, когда они вплотную подошли к артиллерийским позициям, положил во множестве. В ход пустил гранаты, бил из винтовки. Устояли. В начале декабря пошли в наступление, и опять пришлось брать в руки винтовку. За проявленный героизм вручили Ефиму Матвеевичу медаль «За отвагу» – награду, среди солдат весьма почитаемую.

Так уж повелось с битвы под Москвой, что Березовский «специализировался» по танкам, хотя командовал не противотанковыми орудиями.

Сталинградское сражение... Сначала горькое отступление. Не бежали, но отходили – перевес у врага был значительный. Однако пушки свои сохранили. А 19 ноября 1942 года артиллерийским наступлением началось окружение группировки Паулюса. Березовский в ту пору – младший лейтенант и командир взвода. У него четыре пушки калибра 76 миллиметров. Он знает, что из них можно пальнуть километров на десять, даже дальше. Хороши пушки и в ближнем бою, когда сопровождают пехоту или отбивают танковую атаку.

Березовскому приходилось стрелять и по дальним целям: корректировщики давали координаты, потом докладывали – цель накрыта. Но самому не видно. Другое дело, когда действуешь в боевых порядках пехоты. Прямой наводкой бьешь по танкам, даже порой бинокль не нужен – поле боя точно на ладони, и всем видно, кто как стреляет. Не скрывал младший лейтенант радости, когда звонил командир стрелкового полка: дескать, хорошо поработали твои ребята.

На Донском фронте установилась тишина, и в штаб Рокоссовского доставили плененного фельдмаршала. А командиру артиллерийского взвода Березовскому вручили орден Красной Звезды. Отдыхать, впрочем, долго не дали. Приказали: выдвинуться в район Курска, оборудовать позиции.

Тщательно проверенные данные агентурной и войсковой разведок подтвердили – как раз здесь гитлеровское командование замышляло масштабное наступление. Оно рассчитывало разгромить советские войска, надежно закрепить за собой Донбасс и Крым, вновь выйти к Кавказу и нанести «охватывающий» удар по Москве. Для этого к Курску стягивались лучшие части, новейшая техника.

Но и в Ставке советского командования не сидели сложа руки. После многократных обсуждений был принят план: измотать противника в оборонительных боях, выбить его главную ударную силу – танки, а затем перейти в наступление.

О плане знал лишь узкий круг военачальников. А, скажем, командирам артиллерийских взводов объясняли: немцы со дня на день начнут наступление, у них много танков, потому главная задача – эти танки уничтожить. Задача осложняется тем, что противник пустил в дело новые машины – «тигры».

– Что за зверь такой? – спрашивали на командных учениях.

– У этих хищников, – отвечали Березовскому и его товарищам, – головная броня – 100 миллиметров. До этого вы имели дело с танками Т-III, у них броня – 30 миллиметров. Чуете разницу? Скорость у «тигров» поменьше, этим надо воспользоваться. На складах получите новые бронебойно-зажигательные снаряды. Проверили – и «тигровую» броню берут. Не забудьте про шрапнель – танки пойдут с пехотой.

Ефим Матвеевич снова и снова проверял готовность своих пушек и пушек, защищенность позиций. Побывал у стрелков. Вроде всё отработали. Несколько раз их поднимали по тревоге: штабы получали информацию о немецком наступлении в ближайшие часы.

Хорошо помню то время – и нас ночами не раз поднимали: скоро, мол, начнут. Июньские рассветы наступают быстро, а на передовой шла обычная перестрелка. Но 5 июля 1943 года всё взорвалось. Нам, пехоте, было сравнительно легко: при отходе – в первые дни на Воронежском фронте отступали – автомат в руки, вещмешок за спину и – лощинами, перелесками. Приказ окопаться? Вырыл окопчик, поудобней пристроил автомат и жди команды. А каково артиллеристам? 76-миллиметровая пушка весит больше тонны. Везти – только по дороге, а пушка отовсюду видна, да она еще на конной тяге; попробуй удержать лошадей, ежели разрывы близко. Остановились? Надо обустроить позицию, снаряды укрыть, коней в безопасное место отвести.

Ефим Матвеевич знал всех до единого бойцов своей батареи. А было их шестьдесят семь. Не сомневался в них ни капли. Свой окопчик расположил между парами пушек. С соседями договорился, с командиром стрелкового батальона познакомился. По сильному артиллерийскому налету догадался: началось! Танки он увидел в бинокль километров за пять. Вокруг них вздымались фонтаны земли. Вот один загорелся, еще один замер... Это стреляли соседи. Но остальные машины упрямо шли вперед, держа курс на его батарею.

– Огонь – по моей команде, – приказал Березовский командирам орудий. – Подпустить поближе, бить наверняка.

Танки шли, стреляя на ходу. Хоть и надежные были укрытия, но уже появились первые раненые. Когда до вырвавшегося вперед танка оставался километр, командир приказал открыть огонь. И машина сразу остановилась, задымилась. Он подумал: может, немец для маскировки дым пустил? Приказал не спускать с него глаз. Остальные танки, потеряв ведущего, замедлили ход. Вероятно, поджидали отставших автоматчиков. Березовский скомандовал:

– Шрапнелью! Отсекать пехоту!

Танки принялись маневрировать, скрываясь то за холмом, то в низине. Еще один окутало дымом. И вдруг Ефим Матвеевич почувствовал боль в ноге. Сунул в сапог руку, поглядел на нее – она в крови. Пополз к орудию, куда, видел, побежала санитарка. Девушка перевязала его, но ходить он не мог, так и передвигался ползком.

Мы вспоминаем населенные пункты, где шли бои. Оказывается, воевать довелось в одних и тех же местах. Однажды нашей роте приказали окопаться метрах в двухстах впереди орудий.

– Пехоту к артиллерийским орудиям не подпускать, – объяснил командир роты.

– А если танки? – спросил кто-то.

– С ними артиллеристы справятся.

Нам повезло – в тот день на нашем участке немцы не полезли. Может, это мы охраняли батарею Березовского?

– Всё может быть, – соглашается Ефим Матвеевич. – Хотя, впрочем, едва ли; не припомню такого дня, чтобы немцы не лезли. Шестьдесят семь бойцов у меня было, в живых осталось двадцать, да и тех, считай, всех ранило. Как-то фрицам удалось прорваться к нам, задавили две пушки с расчетами. Но и сами тут же полегли. Двенадцать танков мы подбили, семь из них – «тигры». Ох, нелегко было. Всех бойцов батареи – живых и погибших (этих посмертно) – наградили орденами и медалями. Мне вручили орден Красного Знамени.

Только после войны из мемуаров полководцев и трудов историков узнал Ефим Матвеевич, что на Курской дуге гитлеровцы потеряли более полутора тысяч танков – главной своей ударной силы. Двенадцать из них на счету батареи Березовского. Если бы каждая батарея вывела из строя хотя бы один танк, тогда бы и война закончилась...

А так осенью 1943 года советские войска вышли к Днепру. Широк, могуч он в тихую погоду, а уж если непогода разыграется... Со штормовым морем сравнивай. И наша Ставка, и немецкое командование отдавали себе отчет в том, что значил в этот момент Киев. Захвати мы его – и вся немецкая оборона на Правобережной Украине рухнет, покатится фронт к западным границам. Поэтому командование вермахта усилило свою киевскую группировку. В нашей Ставке понимали, что лобовая атака обречена на провал. Потому было решено создать два плацдарма – южнее Киева (Букринский) и севернее (Лютетский).

– Прибыли мы в район форсирования, – рассказывает Ефим Матвеевич. – Река широкая, переправляться днем – самоубийство, у немцев здесь каждый метр пристрелян, да и укрыться негде. Ясно, что форсировать надо ночью. Ну, пехота на лодках, гребцов посильнее подобрать. Катеров было еще немного. А орудия на чем везти? Пушка больше тонны весит, а еще всякий инвентарь, снаряды, по 30–40 килограммов каждый, а взять их надо не два и не три... Саперы с нашей помощью сколачивали плоты, благо леса там богатые. На каждый плот – одно орудие. Снаряды – отдельно. Расчеты на тех же плотях, что и пушки. К тому времени мы уже были на машинной тяге. К «студебеккеру» прицепляли орудие, расчет – в кузове. Но плотам машины не потянуть. Значит, всё на руках.

Где-то в 1943 году в Березовском.

Стрелковая рота переправилась ночью, высадилась, овладела первыми немецкими окопами. Гитлеровцы постарались сбросить смельчаков в реку. Стрелки стояли как вкопанные, но долго бы не продержались. В ночь на 23 сентября и Березовский получил приказ переправиться через Днепр. Вместе с ним форсировал реку стрелковый батальон. Немцы понимали, что зацепившимся за правый берег придет подмога. Ночью над Днепром повисли осветительные ракеты. При их свете было видно, как вода буквально кипит от разрывов снарядов и мин. Наша артиллерия открыла с левого берега огонь по немецким батареям. Но подавить все огневые точки не удалось, потери переправлявшиеся несли большие. Помню, снаряд угодил прямо в плот с орудием. Пушка быстро ушла на дно, увлекая за собой солдат. И всё же остальные

плоты и лодки упрямо двигались к берегу. Многие артиллеристы прыгали в воду, в сентябрьскую ночную пору довольно холодную, и толкали плоты. Быстрее, быстрее...

Откуда только силы брались! Орудия вкатили на берег, а немецкие позиции от них в нескольких десятках метров...

– До рукопашной дело доходило, – вспоминает Ефим Матвеевич. – У меня была радиостанция, держал связь с двумя стрелковыми полками; пехотинцы указывали нам цели, мы открывали огонь.

Немцы почувствовали, что на Лютежском плацдарме затевается серьезное дело, и бросили против десанта танки.

– Ох и тяжело пришлось, – вздыхает Ефим Матвеевич. – Как выдержали – до сих пор не пойму. За двое суток – одиннадцать атак! Выбивали ребята – сам становился к орудиям. А тут еще некстати осколок в голову угодил. – Он показывает отметину на левом виске. – Чуть-чуть повыше, и без глаза бы остался. Перевязали, в окопе отлеживался. Хотели на тот берег отправлять, да некому было бы тут командовать. За двое суток одиннадцать танков подбили. А уж пехоты... Командиры полков докладывали, что мы более пятисот немцев уложили.

Миновало почти сорок дней непрерывных боев. Однажды на батарее появился командир стрелкового корпуса, в войсках которого сражались бойцы Березовского.

– Ну, молодцы, – растроганно говорил генерал. – Молодцы, здорово выручали. Я приказал заполнить наградные листы на всех. А тебя, командир, представляю к Герою. – И совсем уж не по уставу расцеловал Березовского.

Второй раз абсолютно все батарейцы были удостоены орденов и медалей. А четверым артиллеристам, в том числе и Е. М. Березовскому, присвоили звание Героя Советского Союза с вручением «Золотой Звезды» и ордена Ленина.

– На всю жизнь запомнил номер «Звезды» – две тысячи двести сорок три.

Не грех вспомнить тут, что за подвиги, совершенные во время Великой Отечественной войны, звания Героя Советского Союза удостоены 11 694 человека. Среди них 141 еврей. Представители 82 национальностей получили эту награду; евреи на пятом месте после русских, украинцев, белорусов и татар.

Е. М. Березовский.

Лютежский плацдарм навсегда вошел в историю второй мировой войны. Крохотный клочок земли: по фронту (по ширине) – 15 километров, в глубину и того меньше – километров 5–10. Другими словами, простреливался плацдарм со всех сторон. Отлично действовали наши переправы, перебрасывая туда войска, технику. Советскому командованию удалось ввести противника в заблуждение, тайно

сосредоточив на Лютежском плацдарме общевойсковую и танковую армии, арткорпус прорыва, отдельный танковый корпус. Я ревниво расспрашивал Ефима Матвеевича, как действовали танкисты, ибо этот корпус был моим – 5-м гвардейским Сталинградским. Я на плацдарме не был: ровно за месяц до форсирования Днепра немецкая пуля нашла-таки меня. Ребята на плащ-палатке выволокли с поля боя. Госпитали, инвалидность...

Но отвлекся – воспоминания нахлынули. Березовский сказал, что действовали они с артиллеристами заодно.

– Иногда и не поймешь, кто кого прикрывал – то ли мы танкистов, то ли они нас.

1 ноября 1943 года с Букринского плацдарма, а 3 ноября с Лютежского началось наступление на Киев. Главный удар нанесли из района Лютежа. Рано утром 6 ноября столица Украины была освобождена. Войска, не останавливаясь, пошли дальше. Но немецкое командование жаждало реванша. Противник нанес мощный удар по войскам 1-го Украинского фронта; ему удалось вновь занять Житомир и продвинуться на 30–40 километров.

Те бои запомнились Березовскому.

– Я уже командовал дивизионом, – рассказывает он. – Когда немцы пошли в наступление, стояли, что называется, насмерть. И оказались в окружении вместе со стрелками. Заняли круговую оборону. Ночью с разведчиками ходил цели определять. Немцы помогли нам.

– Как это?

– Всю ночь пускали осветительные ракеты, светло как днем, всё видно. Засекли цели; как только немцы начинают стрелять, мы отвечаем прицельным огнем. Замолкают.

Под вечер зашел с ординарцем в кирпичный сарайчик. Достал планшет, разложил карту на выступе. Снаряд разорвался прямо в сарайчике. Оба упали. Вбежали бойцы, увидели командира, ужаснулись: лицо, руки, гимнастерка – всё красное, кровь смешалась с кирпичной пылью. Вынесли, обмыли, перевязали, только глаза без бинтов оставили. А ординарца убило наповал.

Потом пришел приказ идти на прорыв. Пушечным огнем расчистили проход, вышли из окружения, да еще четыре немецких орудия захватили.

Командование высоко оценило действия артиллеристов. Березовского наградили орденом Александра Невского. Это, по сути, полководческий орден. Удоставались его обычно командиры среднего звена – за умелые действия полка, батальона, артдивизиона, других частей. В офицерской среде этот орден считается одним из самых почетных. А Ефим Матвеевич – один из немногих его кавалеров.

Было это в декабре 1943-го. До Победы оставалось еще долгих полтора года. Таких долгих... Всё время бои. Отводили, разумеется, и на отдых. А потом опять в бой... Раненый зверь ох как огрызался.

– Особенно тяжело пришлось в Карпатах, – вспоминает Березовский. – Понимали – до Европы всего ничего, войну кончать надо. Но дорог в горах нет, одни тропинки. А на тропинках доты. Ни автоматы, ни пулеметы их не берут. Только высунет пехота нос – ее из амбразур поливают. Вызвали меня, говорят: одна надежда на бога войны, давай прямой наводкой. На руках поднимали пушки по горным кручам. А как установим, бьем остервенело, пока всё в обломки не превратим. Вот так и дошел до Праги. Везде праздновали Победу, пили, в небо стреляли, а мы всё еще воевали, добивали немцев, отказавшихся капитулировать. До чего обидно было терять боевых друзей в этих боях! Уже Победа, а тут хоронишь... Перебросили артполк под Вену. Европу немного посмотрел...

Потом Березовского неожиданно вызвали в штаб фронта и объявили:

– Поедешь, капитан, в Москву, на Парад Победы, в составе сводного полка 2-го Украинского фронта. Командовать полком будет маршал Малиновский.

Ефим Матвеевич до войны бывал в Москве, но времени на театры и музеи всегда не хватало. Думал, на этот раз восполнит пробел: приехали за месяц, чего там готовиться. На фронте было не до строевой, ну, два-три раза прорепетируем. Не тут-то было! Тренировки и репетиции днем и ночью – на плацу, на стадионе, на Красной площади.

24 июня 1945 года состоялся этот знаменитый парад.

– Дождь с утра зарядил, – напомнил я.

– Поверите, не замечал дождя, так был поглощен происходящим. А потом прием в Кремле. Его я запомнил на всю жизнь.

Возвратился Ефим Березовский на родную железную дорогу. Поднимал из руин депо, поселки, восстанавливал хозяйство. Харьков, Белгород, Лозовая... Хватко брался за дело: пригодился командирский опыт. Не в том смысле, что умел командовать, а в том, что работать с людьми умел, находить оптимальный выход из самых сложных положений. На трудовом фронте тоже отличился – наградили орденом Трудового Красного Знамени. Успел закончить Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Там, в институте, встретил свою первую и единственную любовь.

Однажды в Лозовую с проверкой приехала высокая комиссия. Осталась довольна проделанной работой. А первый заместитель министра путей сообщения Гундобин заявил Ефиму Матвеевичу тоном, не допускавшим возражений:

– Поедешь в Москву! Позарез нужны заводы по выпуску современной техники. Без нее – тупик.

Так Березовский оказался в Москве. И построил девятнадцать таких заводов!

Как-то незаметно речь заходит о евреях на войне. Спрашиваю: были ли евреи в его батареях?

– Знаете, не различал своих по национальности. Случайно узнавал – этот казах, этот чуваш. Знал, что политрук – грузин. И евреи, конечно, были. Командир взвода Шварц погиб в бою. Командир орудия Кумок был... Тоже убили. За все четыре года ни разу не слышал антисемитских разговоров.

А́тá Ĩ ĩřăăĭéé áтé Á. Áăăĭăĭĕĭă.

Пять ранений, три контузии, шинель вся в дырках у пушкаря Березовского. Любая комиссия отправила бы его в далекий тыл. А он из санбатов упрямо возвращался в свой полк. Что-то такое было в этом человеке, что и командование верило – обязательно вернется! Ни разу, когда он выбывал из строя, на его место никого не назначили. «Исполняющие обязанности» были: как без командира?! Но это только временно...

Отступал пушкарь, случались и неудачи, терял людей, разбивали его пушки. Войны без потерь не бывает. Но выстоял! Посмотрите на карту: от Волги до Влтавы, до Дуная – считай, пол-Европы прошагал Ефим Березовский.

Девяносто один год Ефиму Матвеевичу. Он бодр, охотно принимает приглашения, встречается с людьми. На журнальном столике – всегда свежие газеты: выписали железнодорожники, не забывают своего ветерана. Помнят его и в Украине – совсем недавно Ефим Матвеевич получил Благодарственное письмо от Верховной Рады.

Вырастил дочь, двоих сыновей, внуки уже взрослые.

– Осталось дерево посадить, – шутливо замечаю я.

Ефим Матвеевич достает из секретера массивную пластину. На ней выгравировано:

«Герою Советского Союза Березовскому Е. М. Свидетельство о посадке именного дерева в ознаменование 60-летия Победы...»

– Березу посадили?

– Ее. Я же Березовский.

ОКНО В РОССИЮ: ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Александр Локшин

Живший в середине XVIII века раввин Арье-Лейб Эпштейн уверял, будто само Провидение распорядилось, чтобы евреи не селились в Петербурге. Причина была серьезная: в пору белых ночей солнце там никогда не заходит, и, стало быть, в эти месяцы нельзя определить время утренней и вечерней молитв. Город на Неве воспринимался как особенный, ни с каким иным не сравнимый. В еврейском национальном сознании, в еврейском фольклоре многие города и даже целые области Российской империи вообще обретали свой особый образ. Им давались четкие характеристики. Вильно, к примеру, было «Иерушалаим де Лита» – «литовским Иерусалимом», известным центром раввинистической учености, центром издания книг на иврите. Одесса считалась южным прибежищем гедонизма и космополитизма. Немало людей было убеждено в том, что на семь верст вокруг нее горит адский огонь (на идише «зибн мейл арум Адес брент дер гехейном»). Город Хелм высмеивался в еврейском фольклоре за псевдомудрость его обитателей. А еврейское название Польши – Полин – хитро прочитывалось знатоками как «здесь осядем» (по-древнееврейски «по лин»). Предполагалась, таким образом, высшая санкция на поселение Б-жьего народа.

À. Í. Ááí óá Èëëþñòðáóëë é «Ì ááí ñí ó áññáí éëó» À. Ñ. Íóóëéí à 1903 áá

Однако в Петербурге – столице огромной империи – еврейское прошлое отсутствовало. Это остро ощутили тысячи евреев, которые с начала 1860-х годов по новым законам, принятым царем Александром II, стали в ней селиться. Они со страхом поняли, что в этом городе нет не только их национального прошлого, но нет фактически и настоящего.

Еврейские «следы» в Петербурге, заметные с момента его основания (1703 год), сводились лишь к анекдотам. Были еще, правда, легенды, связанные с деятельностью временно проживавших в Питере влиятельных евреев или евреев тайных. В 1714 году Петр Великий привез с собой из Амстердама нового придворного шута Яна д'Акосту, по слухам – потомка португальских марранов. Другой марран, тоже вывезенный из Голландии, Антон Мануилович Дивьер, стал генерал-полицмейстером – первым руководителем столичной полиции. Михаила Сперанского, министра в правительстве Александра I, известного сторонника реформ, упрекали за потаенные встречи с состоятельным откупщиком Абрамом Перетцем. Примерно в то же время основатель хасидского движения Хабад раввин Шнеур-Залман бен Борух сидел в печально знаменитой Петропавловской крепости. Молодой немецкий раввин Макс Лициенталь по приезде в российскую столицу в 1841 году узнал от одного крещеного иудея, что Николай I, взойдя на престол, предоставил евреям, временно поселившимся в Петербурге, выбор: крещение либо изгнание.

Словом, вряд ли можно предположить, что евреи, как крещеные, так и сохранившие веру отцов, могли чувствовать себя в Петербурге как дома. Для русского населения город тоже был не слишком привлекателен – главным образом благодаря своему неблагоприятному климату. Евреям же он представлялся чужим по другим причинам. Возможно, прежде всего по религиозным, о которых говорил раввин Арье-Лейб Эпштейн. Да и в дальнейшем у них сохранялось ощущение своей глубинной непричастности к этому месту, хотя и по более светским соображениям.

Мотив самого еврейского присутствия в столице как преступления, вне зависимости от реальных обстоятельств, появляется в ряде литературных произведений, начиная с «Исповеди преступника», написанной Гершоном Лившицем, русскоязычным сочинителем, во второй половине XIX столетия. Но наиболее запоминающийся образ петербургского еврея как невольного сокрушителя основ создан Яковом Штейнбергом, автором поэмы «Преступники», изданной в 1881 году. Местами, заимствуя слово в слово текст пушкинского «Медного всадника», Штейнберг подменяет бедного чиновника Евгения молодым евреем, который приехал в имперскую столицу, «обуреваемый жаждой знаний», но обнаружил, что за ним охотятся, как за дичью, ибо он не имеет соответствующего вида на жительство. Шаг за шагом следуя по маршруту Евгения, юноша в отчаянии обращается к статуе Петра Великого – основателя города, создателя Российской империи:

È í àéí ðàáíò áí àáéí áí á

Í ñáí áí àé èí ÿ ò áí é í à ðí á

Ñáí á í ðèçí áí úá í è ðí áí á

È áé á ðáæ ááí è í í í ñ çí á á ò.

Í í áí ò ú í áí: áí ò í í á çáí ñ í é áí ÿ,

Ðí ñ è í áí ñ í í é í í í,

È è è ò ú í á á í á í ÿ ò í á ð áí ÿ,

Áí ó ñáí áí á ú í á á á í í!

Áá è è è è Í á ò ð, ÿ í ð á á ò í á í ð,

В í á í ð áí ò ó í í è, ÿ á á ð á é,

È áí ò í ò í ò ÿ ò ñ ÿ ç á í í í ð;

Í í á æ è ò ú í á é ù ÿ ñ ð á á è è ð á á é!

Ç á : ò í í ò á: áí ò áí, ñáí áí á ú

Ñú í ú Ðí ñ è è è ò á í ú?..

При всём том Петр I у Штейнберга разительно отличается от пушкинского Петра. Тронутый еврейскими слезами, каменный самодержец в финале поэмы как бы признает равноправие евреев с русскими. Здесь он уже просвещенный монарх и почти защитник угнетенных.

Летом 1858 года «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что, несмотря на дачный сезон, на то, что постоянные жители города во множестве перебрались в окрестности столицы или укатили за море, Петербург не вымер. «Взамен опустевших домов гостиницы набиты приезжими... На улицах встречаются незнакомые лица, между которыми на всяком шагу резко выдается еврейский тип, к которому так не привык глаз петербургского жителя. В настоящую минуту – утвердительно можно сказать – на Вознесенском и Екатерингофском проспектах, на Большой Садовой, в Семеновском, Измайловском полках нет дома, где бы хотя одна комната не была занята каким-нибудь промышленным израильтянином».

История иоанноуэврейского населения. 1820 г.

История постоянного еврейского присутствия в имперской столице начинается всё-таки чуть позже, когда в результате политики реформ, проводившейся Александром II, стало возможным проживание определенных категорий евреев и за чертой оседлости.

В поразительно короткий срок петербургское еврейство создало абсолютно новый тип российского иудея: модернизированного, космополитичного, необычайно удачливого в своих предприятиях, добившегося очень многого в таких сферах деятельности, как юриспруденция, банковское дело и журналистика. Впрочем, этот новый тип, конечно, отнюдь не вытеснил отовсюду прежний тип еврея – забитого, отсталого, нередко низведенного на грань нищеты. Он просто стал сосуществовать с ним.

Небывалое впечатление, производимое «новыми евреями» Петербурга, отмечали многие. Не только их гонители. Когда британский филантроп сэр Мозес Монтефиоре вторично посетил Петербург в 1872 году, он был поражен разницей между тем, что увидел, и тем, что наблюдал прежде – во время предыдущего приезда в Россию в 1846 году. Прямо в столице он записал в своем дневнике:

«Я имел счастье видеть значительное количество наших единоверцев, отмеченных наградами императора различного достоинства. Ныне евреи здесь одеваются подобно обыкновенным джентльменам в Англии, Франции или Германии. Их школы хорошо посещаются, сами они стоят во главе каждого приличного предпринимательского дела и намерены способствовать процветанию своей общины и всей страны в целом... Вспоминая, в каком состоянии наши единоверцы в России находились двадцать шесть лет тому назад и принимая во внимание их теперешнее положение, становится понятно, сколь благодарные чувства они питают к императору, коему в огромной степени они обязаны своим процветанием».

Разумеется, численное превосходство среди евреев Петербурга оставалось за ремесленниками и мелкими торговцами. Однако не удивительно, что общественное внимание привлекали именно купцы, банкиры и юристы. Ни в какой другой еврейской общине России не было таких неслыханно богатых и процветающих людей. Петербург в короткий срок стал местом, которое избрала русско-еврейская плутократия; многие ее представители играли главную роль в нарождающихся сферах частного банковского дела, спекуляций на бирже и железнодорожного строительства. Полина Венгерова, еврейка, жительница столицы и автор знаменитых мемуаров «Воспоминания бабушки», вероятно, не слишком преувеличивала, когда писала об эпохе 60–70-х годов XIX века: «Никогда прежде евреи в Санкт-Петербурге не вели такой благополучной жизни, поскольку столичные финансы частично находились в их руках».

В одной из еврейских газет Петербурга 1860-е годы были названы «лихорадочным десятилетием частного предпринимательства». По словам одного еврея, бывшего служащего банка, «в выходцах из черты оседлости происходила полная метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик – в предпринимателя высокого полета, а их служащие – в столичных денди. Многие вороны напялили на себя павлиньи перья; выскочки из Балты и Конотопа через короткое время считали себя «аристократами» и смеялись над «провинциалами»».

Это язвительное свидетельство точно фиксирует меняющуюся роль еврейской финансовой элиты в период бурного развития капитализма в России. Еврейские финансисты, по крайней мере те, что жили в Петербурге, сколачивали свои состояния уже преимущественно в области государственного предпринимательства и поддерживали тесные связи с правительственными чиновниками.

Банкирский дом Гинцбурга – самый яркий тому пример. Крупные винные откупщики, поставщики продовольствия и обмундирования в русскую армию во время Крымской войны, Евзель Гинцбург и его сын Гораций учредили в 1859 году собственный банк в Петербурге; в дальнейшем они предоставляли государству огромные ссуды для многих правительственных нужд, включая нужды, связанные с Русско-турецкой войной 1877–1878 годов. Братья Поляковы (Самуил, Яков, Лазарь) финансировали строительство железных дорог и в результате были введены Александром II в потомственное дворянство, что было великой редкостью для евреев. В 1871 году Авраам Зак, служивший прежде у Гинцбургов, стал директором Петербургского учетного и ссудного банка, одного из крупнейших в империи. Владел же банком польско-еврейский магнат Леопольд Кроненберг. К этому списку могут быть добавлены многие...

Ἰὰ δὲ ἀδόκιμα ἔργα οἱ δὲ αἰεὶ αὐτῶν ἰσθῆται

Ἐ. Φαίητος ἐστὶν Ἐ. Λαοὶ αἱ, Ἀ. Ἰ. αἰτὰ 1891-1893 ἄλλ.

Потрясающий взлет большого числа евреев вызвал целую бурю негодования по поводу этих выскочек. Предсказать ее, впрочем, было нетрудно. В одном из малоизвестных своих произведений, в поэме «Балет» (1866), поэт Н. А. Некрасов, с трудом сводивший тогда в Петербурге концы с концами, писал:

Νοίεο ὀϊεῦεῖ ἰὰ εἶαε ἀαῖγί σου

Ἄα ἀνεεῖνι ἀαί εὐδρεῖα ααί ὕ, -

Νῖ οἶγ ὀυῖγ: δαεῖε, :οἶ ἰε ἀδῖαῖ..

Ἄ γοεὸ εἶαεὸ - ἰ αε: εἶ ὕ-ἀδῖε...

Ἄτῖεῖνοῦ ἰ ἰεῖτῖνοῦ ἰεῖα - ἰεῖτῖεε

Ναδῖα ααί ἰεῖτῖ ἀ ἀδῖαί εἶ αἶ ε.

Ἰ αε εἶαῖ ἰ δαεὸε: ἰαε, οἶ ἰαἶ

Ἐαῖε εὐ - ὀαεὸ εἶεὶ οἶε,

Ἄτῖεῖτῖαί ἰε εἶαῖ εἶαῖ

Ἰ ἰ δῖαῖτῖαἶ ἀδῖεῖε δαεῖε

Ἄδῖαῖ εἶεὶ οἶ..

Вновь народившаяся петербургская еврейская интеллигенция зачастую была весьма критически настроена по отношению к соплеменникам-богачам. Они раздражали ее хотя бы откровенным стремлением дистанцироваться от своих бедных единоверцев. Литератор Ури Ковнер, с гордостью носивший прозвище «еврейский Писарев», опубликовал роман «Вокруг золотого тельца» – своеобразный обвинительный акт против бывшего своего работодателя банкира А. И. Зака. Личный секретарь Зака литератор Григорий Богров оставил хлебное место, чтобы стать соредактором петербургского еврейского еженедельника «Рассвет» (1879–1883). Там, в соавторстве с племянником железнодорожного магната А. М. Варшавского, Марком Варшавским, он печатал редакционные статьи, осуждавшие роль, которую в общине играли купавшиеся в роскоши его единоверцы. Обобщенный образ петербургской еврейской финансовой элиты нарисовал известный русско-еврейский писатель Лев Леванда в романе «Исповедь дельца». Роман этот – история скоропалительного обогащения «нового» еврея. Он был частью еще не слишком богатой, но быстро растущей литературы, изображавшей жизнь иудеев среди русских. Ведущий еврейский писатель России того времени, Л. Леванда (1835–1888) публиковал прозу и публицистику почти во всей русско-еврейской периодике, а также в русских газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время». Служа в качестве «ученого еврея» при виленском губернаторе, он до самого начала волны погромов (1881–1882) был русофилом и страстным сторонником вхождения евреев в русское общество.

Герой-рассказчик «Исповеди» – некто Мордехай Шмальц, в эпоху Великих реформ оставляющий родное местечко. Мордехай полон решимости стать миллионером в Петербурге – в «центре, – по его словам, – самой разнообразной и кипучей деятельности обширнейшей в мире империи». Он был частицей потока молодых честолюбивых евреев (и евреек), по поводу которых раввин из его местечка как-то воскликнул: «Все бегут теперь в Петербург, за делом и без дела! Точно манна небесная про всех там припасена!» Попав в Петербург (не имея при этом необходимого вида на жительство), Шмальц оказывается втянутым в жестокое соперничество с другими искателями скорой наживы. Среди них и обрусевший польский аристократ Ближневич, и прибалтийский немецкий барон фон Вернер, и целый сонм евреев, возжелавших стать богачами. Шмальцу везет: он зарабатывает огромные деньги на биржевых сделках сомнительной законности, покупает дворец в фешенебельном столичном квартале и пытается вести образ жизни аристократа. Однако его богатство, а равно и богатство большинства иных персонажей романа Леванды испаряется так же быстро, как появилось. В финале повествования главный герой – абсолютно сломленный человек, жена его пребывает в состоянии глубокого нервного расстройства; дети же становятся им чужими (один из них даже совершает вероотступничество).

Сам Лев Леванда провел в российской столице относительно немного времени. Тем не менее петербургская газета «Русский еврей» похвалила его «Исповедь» за «высоко реалистическое» изображение еврейской жизни на ее страницах. Там действительно немало достоверного – и в житейском, и в психологическом смысле. Вот, к примеру, отец Шмальца, типичный местечковый еврей, предрекает разорение своему неразумному Мордехаю:

«Знаю, сын мой... знаю, что ты богат, очень богат... Но... ты не сердишься? Я питаю мало доверия к твоему богатству.

– Почему?

– Потому что оно приобретено было каким-то странным путем, а то, что приобретено не трудом, непрочное. Б-жье проклятие лежит на нем.

– Не понимаю, батюшка, что ты хочешь этим сказать.

– Я вот что хочу сказать: в мое время люди тоже богатели. От чего? От торговли, коммерции... Человек, бывало, торгует хлебом, лесом, мануфактурными товарами, разъезжает по ярмаркам, трудится. Б-г благословляет его труды, и он становится большим купцом... От чего разбогател ты, сын мой? Сколько я ни расспрашивал, никто не мог объяснить мне толком, чем ты торгуешь. Мне говорили о каких-то акциях, компаниях, бирже, я записывал эти мудреные слова и расспрашивал: что это – лес? Говорят: нет. Хлеб? Нет. Пенька? Тоже нет. Что же это такое? Из чего тут богатеть? Чем ты торгуешь?»

Если внезапный взлет петербургской еврейской элиты был загадкой для евреев черты, то неевреям он представлялся еще и чем-то и угрожающим. Многие в «Исповеди» Леванды в конечном счете уничтожило расхожее представление о незыблемой еврейской солидарности. Вновь и вновь описывает прозаик, как безжалостно конкурируют евреи и друг с другом, и со всеми остальными. «Они меня топили, – признается Шмальц, имея в виду своих финансовых конкурентов еврейского происхождения, – и я их топил при всяком удобном случае и с особенным удовольствием. Вот вам и вся наша хваленая солидарность». Если неевреи готовы были объяснять любой еврейский успех содействием кагала, то Шмальц настаивал на том, что еврейское торговое влияние – результат совсем иных вещей: «...Мы берем единственно и исключительно нашим темпераментом, нашим аскетизмом и нашей интенсивною и неутомимою деятельностью... В то время когда дельцы других народностей – прежде всего обыкновенные люди с человеческими страстями и похотями, эпикурейцы, увлекающиеся и отвлекаемые от дела кто музыкой, кто живописью, кто женщинами, лошадьми, собаками, охотой, спортом, картежной игрой, мы, дельцы-евреи, не отвлекаемся и не развлекаемся ничем, что не имеет прямого отношения к делу».

Е. И. Левандовский

В финале раннего романа Л. Леванды «Горячее время» (1875) главный герой, размышляя об особенностях еврейской ассимиляции, намечает ее пределы: «...Мы будем русскими, но для нас всегда останутся чуждыми русская лень, русская беззаботность, забубенность, бесстрашие и то, что называется широкой русской натурой».

Практически, если не брать в расчет деловые контакты, евреи, жившие в Петербурге, по большей части в чисто человеческие отношения с русскими не вступали. В отличие от русских, Петербург для них был не «окном в Европу», а скорее «окном в Россию». Правда, они в ту пору оставались по преимуществу зрителями у этого самого окна...

Несмотря на попытки Леванды развеять миф о еврейском единстве, неевреи полагали его реальностью, воспринимали как нечто само собой разумеющееся и нередко считали серьезной проблемой. Петербургский градоначальник П. А. Грессер и министр внутренних дел И. Н. Дурново были убеждены, что Гораций Гинцбург и другие крупные еврейские финансисты имели влияние на еврейских студентов, подозревавшихся в организации нигилистических волнений в Петербургском университете и других местах.

Гинцбургу неоднократно угрожали высылкой из города в случае, если беспорядки не прекратятся. Поэт Иегуда-Лейб Гордон, хорошо знакомый с еврейством Питера и по житейскому опыту, и вследствие занимаемой должности (он был секретарем общинного правления), утверждал, что российское правительство «напугано призраком кагала».

Подобно «портовым евреям» Одессы, других приграничных общин, евреи Петербурга столкнулись с серьезным осложнением: свои общинные организации им предстояло создать буквально с нуля. Они ведь были далеки от вековых традиций, стоявших за старыми еврейскими центрами, такими, как Вильно, Люблин или Бердичев. Более того, в Петербурге заполнение этой лакуны, этой «*tabula rasa*» (как назвала город одна еврейская газета), началось на несколько десятилетий позже, чем в Одессе, и, таким образом, происходило на более поздней стадии внутреннего размежевания российского еврейства. Как и всё в столице, еврейская община находилась под усиленным наблюдением не только местной администрации, но и высших органов правительства, и петербургские евреи осознавали свою «представительскую» функцию перед окружающим их миром. И евреи, и неевреи рассматривали столичную еврейскую общину как своеобразный показатель того, насколько успешной оказалась политика «выборочной» интеграции, и полагали, что при благоприятных обстоятельствах она может распространиться на русское еврейство в целом.

Еврейская элита, начавшая формироваться в Петербурге в 1860-х годах, была полна решимости приблизить бытие соплеменников к тому, что вели евреи в Берлине и в Париже. С этой целью в июле 1863 года группа примерно из ста известных столичных евреев решила создать специальное правление, предназначенное для ведения общинных дел. Из пятнадцати избранных делегатов две трети были купцами (возглавляли список Евзель и Гораций Гинцбурги), остальные работали врачами или просто только что окончили какое-нибудь высшее русское учебное заведение. Первым шагом правления стало назначение доктора Авраама Неймана (1809–1875), уроженца Германии, последователя реформистского иудаизма, главным (а из-за официальных ограничений и единственным) раввином петербургской общины. Предыдущие двадцать лет А. Нейман прожил в Риге, где был раввином рижской реформистской общины и преемником немецкого маскила Макса Либиенталя. Едва умевший изъясняться на русском и идише, Нейман вел службы на немецком и древнееврейском языках. Службы эти устраивались для именитых купцов во временном молельном доме в самом центре Подъяческого района – места с наиболее «плотным» еврейским населением. Получивший, как то было принято в Германии, не только религиозное, но и университетское образование, Нейман, по словам одного наблюдателя, создал и возглавил первую «порядочную общину, по крайней мере, в интеллектуальном смысле».

Еврейство, приверженное более давним традициям, не приветствовало появление Неймана и его статус единственного официально утвержденного раввина. Даже у тех, кто «принял» религиозную реформу, оставалось известное чувство неудовлетворенности. Спустя шесть лет после назначения Неймана журналист (в будущем – крупный издатель) А. Е. Ландау публично критиковал раввина за отсутствие инициативы.

Для поколения молодых просвещенных евреев, желавших, чтобы их считали полноправными гражданами обновленной России, неумение Неймана говорить по-русски было неприятным напоминанием о давних культурных узах Гаскалы с Германией. Затянувшихся, с их точки зрения. В равной степени тревожило их то обстоятельство, что Нейман был избран самопровозглашенным правлением, а не представителями общины, как это обычно практиковалось в черте оседлости.

В результате состоятельные члены этого «самоизбранного» правления использовали общинные фонды (созданные на деньги бедняков), чтобы финансировать «реформированные» еврейские институты, чуждые религиозной практике их оппонентов. Проистекавшие отсюда противоречия временами вели даже к вспышкам насилия и рукоприкладству. Группа ремесленников, разъяренных высокой ценой на кошерное мясо, затеяла однажды в молитвенном доме Неймана драку с высокопоставленными членами общины. Глубинной причиной скандала стало, естественно, то, что один еврейский журналист назвал «эксплуатацией бедного еврейского люда компанией еврейских кулаков-мясников».

В общем, до еврейской солидарности явно было далеко. Ландау, в обычной своей манере, прокомментировал вопиющие различия между столичными евреями:

«Смешанность еврейского населения Петербурга поистине замечательна. Вы найдете между здешними евреями... людей всех классов общества, как по своему материальному положению, так и по степеням нравственного развития... От крайних консерваторов до ярких реформаторов, от неисправимых

фанатиков и ханжей до людей истинно религиозных, но в то же время просвещенных и вполне веротерпимых».

До конца XIX века, пока значительная часть русских евреев-интеллектуалов не обратились к специфически еврейской форме народничества, откровенно-критические соображения о народных еврейских обычаях были неотъемлемой частью комментариев просветителей. К примеру, описывая свадьбу двух семей, которой он был свидетелем, А. Ландау высмеивал «крик, шум, суматоху, беспорядок», «дикую» смесь языков и неправильное чтение молитв. Журналиста особенно вывело из себя то, что невесте запретили есть в течение целого дня, что гости повыдергали ей волосы, голову («на счастье!») вымазали сахаром и медом, а затем покрыли тяжелым париком. Ландау уверял своих читателей, что подобное «невежество и религиозное суеверие можно встретить теперь только в самых отдаленных захолустьях литовских местечек». Непомерно длинная брачная церемония, которую Нейман вел на немецком языке, только добавила нелепости этому событию в русской столице.

Одно из немногих дошедших до нас свидетельств о жизни петербургского еврейства, где открыто отдается предпочтение «прелестям Бердичева», – это воспоминания Полины Венгеровой. По прибытии в Петербург с мужем-купцом (дело происходило в 70-х годах XIX века), Венгерова была потрясена тем, что представители состоятельной еврейской элиты ограничили свою, так сказать, причастность к религиозной жизни только тремя днями в году: Йом Кипуром, первым днем Песаха и... Рождеством (последнее праздновалось якобы ради слуг). Некоторые отправлялись в молитвенный дом на субботнюю службу в экипаже, а не пешком, и в Йом Кипур ели в перерывах во время службы. Пасхальный сейдер был очень сильно сокращен и зачастую отмечался в память не об Исходе из Египта, а о прощании с чертой оседлости. Беседы за пасхальным столом быстро переходили в обсуждение свежих газетных новостей и биржевых тенденций. Правда, П. Венгерова, стремясь к объективности, отмечала, что среди тех, кто принадлежал к еврейской элите, были и семьи, сохранившие верность традиционным религиозным предписаниям.

Петербургские евреи довели до крайней остроты междоусобные конфликты, всегда имевшие место внутри черты оседлости. Из-за особой политической и культурной роли Петербурга, а также из-за отсутствия в городе национального прошлого с его установлениями еврейские учреждения в столице создавались в условиях жестокой борьбы за абсолютную власть в общине.

После реорганизации правления в 1869 году буквально вся общинная жизнь в столице попала в полную зависимость от добровольных пожертвований нескольких процветающих еврейских семейств. Бароны Гинцбурги, стоявшие во главе общины (сначала Евзель, а затем его сыновья Гораций и Давид), сформировали власть, передававшуюся на самом деле по наследству. Они имели доступ к высшим официальным лицам в государстве и обладали огромной популярностью за пределами Питера – в качестве благотворителей и заступников. Возможность представить себе положение этого уникального семейства позволяет, к примеру, тот факт, что между собой, в обиходной речи, петербургские евреи называли Горация Гинцбурга не иначе как «папаша». Он обладал аристократическими манерами и, подобно многим русским аристократам, чувствовал себя более естественно, изъясняясь по-французски, нежели по-русски. Среди гостей в фешенебельном доме Гинцбурга на Английской набережной можно было встретить знаменитых русских писателей и художников, генералов, юристов, крупных правительственных чиновников. Во время поездок по обширным своим поместьям в Подольской губернии Гинцбурги зачастую были буквально осаждены толпами бедных евреев, умолявших о денежной помощи или заступничестве разного рода. В народном сознании, в сознании людей, истосковавшихся по могущественному защитнику, самые разные богатые и влиятельные евреи Петербурга, которым случилось носить фамилии Гинсберг, Гинзбург, Гинцбург или Гюнцбург, слились в одного «барона Гинцбурга»; именно ему приписывали все добрые дела.

Από το Α. Α. Λεβάντα προς τον Α. Α. Νέετσαϊν

Между тем положение в общине продолжало вызывать раздражение у еврейской интеллигенции. Она считала, что именно те самые нувориши, что изображены в «Исповеди» Леванды, ожили и взяли под контроль главную общину еврейства России. В открытом обращении к Гинцбургам и им подобным редакторы «Рассвета» писали в 1880 году:

«Мы, евреи, всё еще не можем стряхнуть с себя печальное вековое наследие, навязанное нам извне... историческим прошлым, всё еще никак не можем освободиться от прискорбного, но основанного, к сожалению, на печальном опыте убеждения, что всего и везде можно достичь лишь деньгами. Деньги, и только одни деньги спасали нас от изгнания, от костров, деньги давали, в некоторых государствах и теперь дают, нам почет и привилегированное положение; почему же, спрашивается, с деньгами, с одними деньгами нельзя было бы и устроить как следует общественные дела? Оказывается, однако, что нельзя, что внутри еврейства необходимы еще и другие рычаги и двигатели... Мы, впрочем, вовсе не против того, чтобы наших финансовых известностей привлекать к участию в общественных делах... Мы только против исключительного участия в этих делах за счет их одних и никого более... Действительный успех могут иметь только общественные дела и начинания, которые будут делом не одиночных личностей, а общим, народным».

Кроме напряженности внутри общины существовала и другая проблема. Проблема связей между самой общиной и царскими властями. Последние с особым вниманием и с явным подозрением относились к этому еврейскому учреждению в имперской столице.

Γενική αίτηση

АПОКАЛИПСИС ИЛИ АГИТКА?

Бенедикт Сарнов

Надежда Яковлевна вспоминает, что в каком-то разговоре про «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштам сказал, что «он сам – неизвестный солдат». Только ли предчувствовал – или знал, – что ему суждено сгинуть вот так – анонимно, безвестно, не оставив даже крупинцы точного знания о конце своего земного пути? Так или иначе, но этими стихами он предрек, предвосхитил свой «последний творческий акт». А можно сказать и так: этот последний его творческий акт, эта его анонимная смерть – неизвестно где, неизвестно когда – стала, как он сам некогда выразился, «телеологической причиной» этого его провидческого стихотворения.

***

А теперь, как и было обещано, обратимся к одному из других, противоположных толкований «Стихов о неизвестном солдате», пройти мимо которого мы не можем хотя бы потому, что оно принадлежит одному из самых авторитетных исследователей поздней лирики Мандельштама. (Но, как выяснится из дальнейшего, не только поэтому.)

Я имею в виду книгу М. Л. Гаспарова «О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года».

Центральное место и добрую половину текста этого многостраничного сочинения занимает подробный разбор «Стихов о неизвестном солдате», откровенно полемическое заглавие которого выглядит так: «Стихи о неизвестном солдате: апокалипсис и/или агитка?» И вывод, к которому приходит автор исследования, однозначен: увы, никакой не апокалипсис, а самая что ни на есть настоящая агитка.

Разоблачая «сложившийся миф о Мандельштаме – борце против Сталина и его режима», Гаспаров замечает:

Миф этот складен и ярок, но он слишком упрощает действительность...

Υόλο ι εό ρ Ι άάέυοάι ά ίαοάε ίάάά ίάάεραάά ίάά άίίείυάί έά ά έίι ι άί οάεγό έ ίάάάι άάάάέ-ίύι ίάάέέάόέγί άά ίίάίέό ηόέόά (ά άί άάέάίήέι ηάάάέέ η-έίάίέέ), ά άάάάάίίά - ά οάέίέ άί ά-άάέύίέ έίέά, έάέ «Άίηίίείάίέγ» Ι. Β. Ι άάέυοάι. Ι. Β. Ι άάέυοάι ίέέέί ίάάάί ίά άύέά ίάάέάίέ οάίφ ηάάά ίόεά Ιίά - ηάί ίηόγδάέύίέ έ ί-άί ύόάέάί όέέάίέ ίάάέέήό, ίάί έήάάέέ ίάέέ-έόάέύ όφ έίέά ίόόέά ηάάόήάά όίόάέέόάίίά άάέάί ά έ άά έάίέίάέ. Ά γόίέ έίέά ίίά ίίέύίάάέάηί έάέ άάάί άίόάί έ ηάάάίέ ίόεά έ άά άίηέάάίάάίέγί έ. Δαού άάόγ, ίίάάί ό γόέό άάάί άί όίά ίάί ίηόίόίάί: γόί ίάάέέήόέ-άηέγ έίέά, ά ίά άίάάέέ ηάάάίέέ άέγ έήέάίάάάέέ Ι άάέυοάι ά.. Έίηά ίίά ηάάέέάάέάηί η όάέόάί έ, έίόίόά ίόόέάίά-έέέ άί έίίόάίόέέ - η «Ιάίέ» ίάάέά άηά, - ίίά ίόάάάάέγέά έό ίά όί-όί έάέ ίάέέάίίηόύ ίί έάέ ίάηέέά ίίγόά ίάά ηάίέ, έ άί άέά ίίέήάάόύ γόί άάίέ-άηίά ηάί ίέηόγάίέά Ι άάέυοάι ά ί-άί ύάάάέόάέύί.

(Ι. Έ. Άάηάάά Ι. Ι άάέυοάι : Άάάέάίήέγ έέόέά 1937 άάά Ι., 1996 Ν.17)

Γ. Γαλαξίου :

«Βίαι - Γαλαξίου Γεγάλο».

На самом деле, стало быть, никакого самоистязания и насилия над собой не было.

Что же было?

...Α 1933 α - γιέται ι α Ιά Νοαεία εαε γοε-αίεε αίαιό, αραόταεύι Ια ναι Γοαείνοαι, μ αδού οαίαιεεα εαε «αίηεε αεο αα οαίθ-απόα» (ιι ποαότι ο αιδααίερ ναι Ια Γαλαξίου α). Ιι οαε Ια μ αδού ιι μ αδού Ια μπόγέαυι αι αίοι εαε αι ο αέα Ιαα-αί α μίεεα. Υοι Ια-αεί αοαίεε αοαίεε Ιαααότο - εαε ο Αίποιααεία ιίηεα γοαότα Ια μπόγέαυι μ αδού ποαεεα αα Ιαα Ιαα Ιαυι γοε-αίεε αίαιότι, α αεααααότινού α αεαίυι ιι αααέεα Ια αααίεα γοία αίαιόα..

Αία (αίαιαί ιι ιιρ. - Α.Ν.) εερ-ααία ποεε ιίηεαίεο εαο - γοι ποεε ι ιδεγοεε μααοίεε αεηοαεαίυινοε. Α Ια-αεα γοία ογαα - ιοταί ιιυα «Νοαίμ» 1935 α ε μ αείυα ποεοίοαίεε, είοίοα ιίοι Ι.Β. Γαλαξίου ααααίι αη-αεεαεα εα αα οαοααε; α ποαεία - ποαείηεα «Γα»; α είυα - οί εαίυα ποεε ε «ποαείεα» Α. Ιιηαίε, ααία αδοεηοα Βοίοία Νοαε γοεο ποεοία αηοι Ι-αίυ ηεεηύα - εαε «Γα», είοίορ Ε. Αοαίεε ιόγι Ιααααο αηεαίεε; αηοι Ι-αίυ ηεααύα εαε ποεε ε Ιιηαίε; ιι η-εοαού εο αη Ιαηεαίεε εεε Ιαηεαίυι ε α ιιόγέα ναι ιιδείοαίεε Ιααί Ιαίι. Οααεα ηααυ Γαλαξίου α Ιο γοία ποαίαεοιγ Ια ηεααί, α ηεεηαί εηαα -αείαεα οεαηο αα αααε, γοι ποαοίι, α εηαα οα, εηα ιι -οαοααο ηαίε ε αδοιγί ε, γοι αηα ποαοία Ιυοαίεα γοία οααεα αηαο ιδεηοοααο α γοεο ιιαίεο, ιδεαί εηεο ποεοο Ιαλαξίου α - Ιο γοία ιε οαε ηεαίυι ε αοαίεε ε οαε Ιαίοαε Ια Ιοεοίεηη μααοίεη ιιγερ. Ιι ιε ηαγ αε Ιεηαα Ια ιοεοαίηποαεγπο.

(Οαί αα Ν. 18)

Что касается тех стихов, которые Гаспаров называет «приемлющими», тут всё более или менее верно. Скорее, впрочем, менее, чем более: вряд ли только эти, «приемлющие» стихи могут называться ключевыми, вряд ли «Ода», которую «сам Бродский» назвал гениальной, так уж сильна. (Этому сюжету мы уже уделили довольно много внимания и больше возвращаться к нему не будем.) Но это всё – частности. Суть гаспаровской концепции состоит в том, что «приемлющими» были ВСЕ стихи Мандельштама этого – последнего – периода.

«Стихи о неизвестном солдате» укладываются в эту схему труднее, чем любые другие, написанные Мандельштамом в то время. И Гаспаров – надо отдать ему должное – не пытается обойти эту трудность. Он не только не уклоняется от анализа этих стихов, но даже превращает этот анализ в главную опору, так сказать, в фундамент своей концепции:

Εηαα ι υ αηαει, -οι Γαλαξίου αηεο ιίηεαίεο εαο ιδείεαο μααοίεη αεηοαεαίυινού (εαε αυ γοι Ιε αηε Ια Ιαηεγοίι), γοι Ιαεαο αη-αου Ιαααεοαίυι, Ιαμ Ιοδγ Ια αηαίεοοι δει αηα Ιο «Νοαίμ» 1935 α αη «Νοαίμ» 1937 α Εηαα ι υ ιοηεαεααί αη Ιοου Ιο αηεαίηεα ε ααηεποείιηε αηεα αμ αηα αηαεοεε «Γαλαξίου Γεγάλο», οι ι υ αηαί

éàæáíá áá äàææáíéá íááíòðá:ó ñááíòñéé äáéíòæòæúíííòé, éæé ííá íééðííéííí. Íé íðéíííííáéáí:áíòáá, íé íáííééý íáá ñáíé á ýòíí äàææáíéé íáò - áíòíí òíéúéí òðáíáý é ñéíáéíáý éíáéá ííýòé:áíéíé í úííé. Áíçí íáéíííòíí ííáíí íòðáòú ýòíò òáíð:áíééé í áááíéçí - áíò ÷áí éíòáðáíí ú áéý áíáééçá «Ñòéòé í íáéçáííòííí ñéááòá».

(Òáí æá Ñ. 66.)

Труднее всего поддается такому анализу трагический финал стихотворения. Но исследователь справляется и с этой – поистине непреодолимой – трудностью. Во всяком случае, он пытается с ней справиться:

Ñí 2 íá 3 ýíááðý 1891 á - ýòíí äáéíòæòæúííí ðáæúíáý ááòá ðíæááíéý Í áíááéúíòáí á, ííá íðéáááò éííòíáéá ííááç çíáí áíáòæúííííòú Í í ÷òí çá ñááíá, ÷òí çá íáááééé:éá éçíáðáæááòííý çááíí?

Çááíí íáú:íí íá:éíááòííý íáíáí çááíéý - ðáçéúíðáò éíáéíé áííáðáííòéé. Í ú çááí: Í áíááéúíòáí äáææáú áðáíòíáíáéííý, áúé á ñáíééá é ííáéá á éííóéáááòá Áíòáíòáííí, ÷òí íáí íðáæáá áííáá éáææáòííý: ýòí íáááééé:éá çáéçþ:áííúó íá ýòáíá ééé á òþðíí á Èí áííí òáé íííéí áþò ýòó ñááíó ðáæéòáéúííí áíí, íéíááééá í «Íáéçáííòííí ñéááòá», íá:éíáý ñ ááíáí ííýòá (Ííá äáææá íðááííéáááò, ÷òí «ááá ðíæááííý» çááíí - íò óðííéòáéúííúó íáááðáæííòðáóéé ñííéúíííá Í áíááéúíòáí á éáæáúá íáíéíéúéí áíáé á ó:áíòéá áíðííáæííéá ÍÉÁÁ.) Ñòéòíòáíðáíéá íá:éíáþúááííý í áííáíí é ñ áðòýí é á íéðíáíé áíéíá é éíí:áþúááííý í áííáíí é ñ áðòýí é á áíéíá Ñòáééíá íðíòéá ñááíòáíííá íáðíáá, áíáéýáéò áííéíá çáéíí:áííúí é óíðíóí óééáúáááòííý á òðááéóéíííúé íáðáç Í áíááéúíòáí á - áíðáá íðíòéá ðáæéí á é áá æáðóáí.

Òáí íá í áíáá ýòí íííéí áíéá íáíðáæéúíí. Á íðááíííéááíéó ðáááéóéýó ñòéòíòáíðáíéý çá ýòíé ñááíéé ñéááíáééé áúá 12 ñòéóíá é éç íéó áúéí ýííí: ýòí íáááééé:éá íá á éáááðá, á íá áíéííéíí íðéçíáá, íá ñíááéé íòááðáá óóúó áííááðíòáíí, á ñíááéé íðéçíáááí úó áííááðíòáíí, ýòí íá íòðá:áíéá íò ñááíòñéíáá ðáæéí á, á áá íðéýòéá çáíáíí íííýòíí é çíá:áíéá «áááá ðíæááííý»: ñ ííðááéáíéý áááá ðíæááíéý íá:éíááòííý áíýééé áíéííééé íðéçíá (á íá éáòíðáéíúó íáááééé:éáò ñ ðáæéááþò íá áá ðíæááíéý, á ñòáòíþ).

(Òáí æá Ñ. 1415.)

Í. Ááííáðíá

«Ýòí íá íòðá:áíéá íò ñááíòñéíáá ðáæéí á, á áá íðéýòéá».

Ðéííí íé éç éíéáé «Í. Ááííáðíá Çáíéíé é áííéíéé». Áðáæáííééé óáðæ Ý. Ñòáíéááé:á

Отсюда уже – прямая дорога к тому выводу, который заявлен в полемическом заглавии. Не готовность к смерти выразил поэт в этом своем стихотворении, а – «готовность по совести стать рядовым на призыв и учет советской страны».

Вывод этот настолько комичен, что вряд ли стоило бы всерьез его оспаривать, – если бы не один фрагмент стихотворения. Всего 12 строчек. Но именно они создают видимость того, что это комическое утверждение – не так уж беспочвенно:

Í î íéîí÷ééáñî òà íáðééé÷éá
È íðíáéá, éáé áññòü ááç áññóáé,
È íí áñáíðó ñáññò è èé÷íé
Í î óéáçó ááééééó ñ áððáé
Β - áé÷íé, éññ óáááóééññ ñáñòá,
Ñòáííáéðññü ðñáíáñí òíé ñòðáíü,
Ó éíòíðé íííðññò ñááòá
Áññ, éòí æéòüé áññéðáññ óòüáñéáíü.
È ññçà áí áðæááí éííí
Ñòáííáéðññü í à áñáííüé ó÷òð,
È áññéáííé áá ñáññ üñíéííí
Áññé æéááóüéé í áññ íáçñááò...

«Становлюсь рядовым той страны», «И союза ее гражданином становлюсь на военный учет» – всё это как будто и в самом деле укрепляет позицию Гаспарова, вроде даже делает ее неуязвимой...

Но есть тут одно обстоятельство, о котором ученый-стихoved не может не знать и умалчивать о котором, как он это сделал, ему не следовало бы.

Свои «Стихи о неизвестном солдате», когда они были завершены, Мандельштам послал в «Знамя». Ответ был отрицательный, но он не обескуражил поэта, даже внушил ему некоторые надежды:

Í á ééóíáí ááñ ññáññéòü ÷òí íá áññó íñéó÷éé íéñññ í íò «Çíáí áíé», íéñññ í áññéá
òíááðéóáññéá, íí ñ íðééííáíéáñ ñðéðíá Ýòí áñññ à íòðáñíí. Í íòñí ó ÷òí ÿáééíññí íðññáòñí á
ááñ ðáááéñññ íé íñééíóòñðé.

(Èç íéñññ à Á. Β. Óáçéíó 10 áñðáññ 1937 á Í. Í áññéññóáí. Ññáðáíéá ññ÷éíáéé. Óñí ÷áòááðóóé. Í.,
1997. Ñ. 184.)

На самом деле Мандельштам преисполнился некоторых надежд не только потому, что письмо из редакции «Знамени» было просветом в его беспредельной покинутости. И не только товарищеский тон этого редакционного ответа подкупил (а отчасти даже и обманул) его, а – самый его смысл.

А о том, к чему сводился этот его смысл, мы можем судить по такой короткой реплике Надежды Яковлевны:

Ðáááéóéññ «Çíáí áíé» ññáññéòü ÷òí áññéíü áññáðò ññ ðáááééáíá é íáññ ðáááééáíá é ÷òí
íáðééòéçí ñáñ íí ñááá íáñññòíéí íáñáðáíéññ.

(Í ááááéáá Í áññéññóáí. Áññññí éíáíéññ.)

«Только-то и всего!» – подумал, наверно, Осип Эмильевич, прочитав этот ответ. У него были все основания полагать, что из всех идеологических уязвимостей его «Стихов о неизвестном солдате» эта – самая невинная. И решил: «Ну, эту пешку мы им пожертвуем!»

Это мое изложение создавшейся коллизии носит, конечно, несколько вольный характер. Лучше, наверно, было бы выразить суть ее в более корректной форме. Так, например, как это сделал один из самых серьезных исследователей поэзии Мандельштама:

*Ἰ ἀϊάεῦοσάι ἀνῆδειγέ γοῖ ἱεῖνῖ ἰ εἰε ἰδεῖεσῶεἰεἰε εἰ πῶδῶε: ἀῖοῶ εἰ ἰἰεῖε
ἰδῶεσῶεἰεἰεἰεἰεἰε 12 πῶδῶε, ἰ εἰοῖδῶ ἰδῶεἰε πῶεἰεἰε πῶοῖ «ἰἰ ἰδεῖεἰε εἰ: ἰο», ὀἰ ἀῖοῖ
ἰἰἰδῶεσῶε ἰἰἰῶεἰε πῶοῖ ἰ πῶῶ ἰἰεἰεἰεἰε ἰ ἰἰεῖεσῶεἰε ἰ ἰἰεῖεσῶεἰε ἰ ἰἰεῖεσῶεἰε
ἰἰεἰε ἰδῶεἰε, εἰ ἰ ἰ ἰδῶεἰε ἰδῶεἰε: ἰ γοῖε ἰἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰε – δῶοἰ ἰἰεἰε, ἰἰ εἰε ὀεῖοἰ
ἰεἰεἰε, ἰ εἰε ἰδῶεἰε: ἰεἰεἰε ἰεἰεἰε ὀεἰεἰε «ἰἰεἰε ἰ ἰεῖεἰεἰε ἰἰεἰεἰε». ἰἰεἰεἰε ἰἰ
γοῖε εἰεἰεἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰε ἰεἰεἰεἰε.*

(Ἄ. ἰ ἰἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰε ἰ ἰἰεἰεἰε ἰ ἰἰεἰεἰε ἰ ἰἰεἰεἰε 2000 ἰ. 538)

К этому стоит, пожалуй, еще добавить, что в окончательный текст «оратории» этот искусственно вставленный в нее фрагмент не вошел, так что строить на нем исследовательскую концепцию было некорректно вдвойне.

Тут на полемике с версией М. Гаспарова, наверно, можно было бы поставить точку. Но насчет того, о какой «переключке» – лагерной или на воинском призыве – идет речь в финале стихотворения, есть смысл поговорить подробнее.

***

Тонкое замечание М. Гаспарова, что на каторжных переключках спрашивают не год рождения, а статью, – недорого стоит. Но ничуть не лучше и предположение Надежды Яковлевны, согласно которому в этой переключке виден «след утомительных перерегистраций ссыльного Мандельштама каждые несколько дней в участке воронежского НКВД».

Выяснить, какое из этих двух предположений ближе к истине, – всё равно что, толкуя строку Маяковского «по длинному фронту купе и кают», затеять спор насчет того, где происходит дело – в поезде или на пароходе?

Да, в стихотворении есть метафоры, прямо ассоциирующиеся с реалиями первой мировой войны – «лесистые крестики», «окопы», «воронки», «землянки»:

*Ἰ ἰἰεἰεἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰεἰεἰεἰε
Ἰ ἰἰεἰεἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰεἰεἰε
ἰἰεἰεἰεἰε, ἰἰεἰεἰεἰε, ἰἰεἰεἰεἰεἰε
ἰἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰεἰεἰε
ἰἰεἰεἰεἰε, ἰἰεἰεἰεἰε, ἰἰεἰεἰεἰεἰε
ἰἰεἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰεἰεἰε
ἰἰεἰεἰεἰεἰεἰε – ἰἰεἰεἰεἰεἰε, ἰἰεἰεἰεἰεἰε
ἰἰεἰεἰεἰεἰεἰε ἰἰεἰεἰεἰεἰεἰε.*

Есть и совсем другие:

Ñeãĩ çĩ yõ è ð äãññ ò è ÷ í í ñ ç ì ã ÷ á í í ú é

Ñã ò ðã ç ì í è ì ò ù ð á è ó ÷ í è ì ð ì ò á é

Í ã ÷ è í ã ã ò ÷ è ññ ì, í ì ð ì ç ð ã ÷ á í í ú é

Ñã ò è í é á í è ù ð è ì í è ù ð í ó è á é.

Их обычно трактуют как смутное предчувствие и предвидение иных, грядущих, может быть даже космических, войн.

Скорее всего, однако, в основе всех этих метафор и ассоциаций – отнюдь не пацифистский, во всяком случае, не только антивоенный пафос.

И тут и там главное для поэта – тема анонимных, безымянных, «оптовых смертей». И цифры с множеством нулей относятся не к космическим расстояниям, а к десяткам, сотням миллионов погибших, к превращению индивидуальных человеческих смертей в безликую, безымянную статистику.

Это всё та же, знакомая нам, давняя, но высказанная уже не как опасение или предположение, а с уверенностью ясного и точного знания мысль Мандельштама о «социальной архитектуре» нового века, которая «раздавит человека, как Ассирия и Вавилон».

Как раздавит? Каким способом? Покроет ли всю Землю воронками от снарядов или опутает ее колючей проволокой лагерей? Не всё ли равно!

Не всё ли равно, через какую мясорубку пропустят «миллионы убитых задешево», превратят их в пушечное мясо или в лагерную пыль? И там и тут их ждет одна судьба – превратиться в «месиво, крошево», погибнуть не индивидуально, а – «гурьбой и гуртом».

Это раньше можно было выхватить из тысячных, миллионных толп «приплюснутую улыбку Швейка», «птичье копье Дон-Кихота»... Теперь он видит только «бугры голов». И ни одного лица, ни одной живой, неповторимой, индивидуальной черты, а только общее месиво и крошево.

Еще совсем недавно, вернувшись в свой город и тоже готовясь к гибели («И всю ночь напролет жду гостей дорогих, шевеля кандалами цепочек дверных»), он ощущал эту неизбежную свою гибель как несчастливый билет, выпавший именно ему в какой-то страшной, зловещей лотерее. И город, в котором подстерегала, ждала его смерть, оставался тем же, каким был раньше, знакомым «до слез, до прожилок, до детских припухлых желез», – с адресами и телефонами живых и погибших друзей, с рыбьим жиром «ленинградских речных фонарей».

Прошло каких-нибудь два-три года, и Ахматова, для которой этот город был уж никак не менее родным и близким, чем для него, в стихотворении, именно ему обязанном своим появлением на свет и ему посвященном, увидела его совсем иначе:

Í ã ñ ò í è è ò ã ð äã ð ì á é ññ é

Ñ í äã ñ ì ì ð è ç ì ç ã è ð ã ñ ò ó ÷

Á ð ó í í é ñ ñ è è ð ð á í è ñ ñ è ññ é,

Í äã ñ ñ è è ð ð í ã × è ò ó

Í ã È ð è ì, í ã È ð ñ ç äã ç ã í í ú é,

Í ã ì ð ñ ñ äã è á í ú é Ä é ä ñ ñ ð,

Í äã ñ ñ è è ð ð á è äã ð ñ Ñ ä í á í ú é,

Á ò ðüí úé çàí à ò ï ðí ã é á ò è ò í á ð -

Í í é á ç à è ï ÿ ï í á ã ð í á ÿ ò ò

Ý ò í é ï í é í í - ï ð ã è ó á í é,

Í í, ã ï ã ò ú é í á ð á ï ï ï ÿ ò ï,

Í á ï é ã ï ò í ï ï é - é ò í á í é.

(Í á ï í í ã ã ï ã ð á ò è è. 1937.)

Позже эту же мысль и это же ощущение она выразит еще определеннее, лаконичнее и жестче:

Ý ò í á ú é í, é í á ï á ò è ú á ç à è ï ÿ

Ò í é ï é í í í á ð ò á í é, ã ï í é í é ï ð á è ð ð á ï

È í á í ç à è í ï ï ï ð á ï é í í á í é ò á è ï ÿ

Á í ç á ò ð ð á ï ï ï é ò È á í é í á ð á ï

(Ð í é á è á ï .)

Í á ï é Ò é í ð á ï ï é è:

«Í á ð ð á í é ÿ í á ð ï ã è ò è á í á ã ç à è í ï ð á ï í á è é í í á í á ï ð í é ï é í ÿ á í ú, ÷ ò í í á í é ò ó è á ç à è ò ï á ï é í í ï ð á ï ð á ï í ú é ó - á í é è».

Ñ á ÿ ï á í é è Í á ï é Ò é í ð á ï ï é è.

Í é í í 1928 ã á á

В «Стихах о неизвестном солдате» вот таким же «ненужным привеском» к тюрьмам, лагпунктам, пересылкам, призывным пунктам, землянкам, воронкам, «насыпям и осыпям» болтается уже не город, а – весь земной шар:

È ï ð ó - è ò í í í é í é è ò á ï á ç à è

È í ï ð á ï é è á ð á ÿ í í ú ò ï á í á ç à è -

Ύέ, ότ'άάδευάτ'όάτ, - έαδ'αί ίΐέ!

Дав свой ответ на вопрос, какую переключку имел в виду автор «Стихов о неизвестном солдате» – лагерную или военкоматскую, Гаспаров так же однозначно отвечает и на другой, как ему представляется, прямо вытекающий из этого, но гораздо более важный вопрос: выражена ли в этом стихотворении Мандельштама гражданская позиция поэта – «борца против сталинского режима и его жертвы», или, напротив, в нем выразился душевный порыв советского патриота, готового с оружием в руках встать в строй бойцов за счастливое будущее человечества в грядущих классовых битвах.

Альтернатива, в сущности, такая же плоская, как и первая (лагерь или призывной пункт?).

В этом мандельштамовском апокалипсисе (а в том, что это именно апокалипсис, не может быть ни малейших сомнений) уже нет места ни для «антисталинских», ни для «просталинских» настроений.

Это – картина нового «жестоковыйного» века. Новой страницы мировой истории, которая осознана поэтом как время «крупных оптовых смертей».

Это не просто товарищество, сознание своего братства со всеми, убитыми «задешево». Это – их общая судьба. Судьба всех, рожденных в канун этого нового страшного века. Это – гороскоп поколения. Поколения обреченных:

– Я рожден в девяносто четвертом...

– Я рожден в девяносто втором...

Тут впору наконец задуматься – и попытаться понять, – где же на самом деле происходит она, эта переключка?

Координаты, диктуемые приземленно реалистическими объяснениями (Лагерь? Военкомат?), как уже было сказано, тут неуместны. Они так же неприложимы к художественному пространству этих мандельштамовских стихов, как правила линейной перспективы – к художественному пространству старых русских икон.

Άέί άέά ίδενόόί άρ υάά άί άάάά έ άυήέεί έέί άί ΌΙΥ-ΌΥ άάέί ά ίό: άήό έ ΌΥΙ, άύάάό ίτ άέάί ί άύέίί άί ί ί άάέάί ί ύί έ ί άήί άέόέά ύί έ ήτ όί ίσάί έ ύί έ... Υόέ ήήάί ί ήόέ ήτ όί ίσάί έ ύό ύό άή έρ υέί ί όί όέάί άά: έάί ή ί άάέέάί έ έέί άέί έ ί άήί άέόέάί έ ή όί: έέ άάί έ ύόί έ ήήέάί άέ ί ά ί ήό ί ά άήή άόόέάάόύή έάέ άάάά άά άάί ί όί ήόέ άέήέά... ί άόόάί έ ύ ί άήί άέόέάί ί ά άέί ήόάά όί ά, :όί έ άάάάάάόύή ί ά έέί ά, ί άήόί έ ύέί ύά ύ έ ί ύ άάέάί ύ, :όί ί ά ί έό ί άάάί άέήί όέάέάό ήά ύέ ί ήήάήήόάάί ύέ ό: άί έέ, όί ό ύ ά ύ έέ ύύ ί έί ί όί άί έ έ ά ό άάό ύέό άέέ ί ό άήάάόέέ ί άήί άέόέά

(Ί άάέ Όέί όάί ήέέ. ί άάό ί ά ύ ί άήί άέόέά. Ά έί.: Νά ύά ί έέ Ί άάέ Όέί όάί ήέέ. Έ άάάί ύά όόάύ ή ήέόήήόάί Ί., 1996. Ν. 9,10)

Флоренский разъясняет далее, что это отнюдь не безграмотность. Ведь эти нарушения законов перспективы не появляются там время от времени, то так, то этак, а подчиняются определенной системе: уходящие параллели всегда расходятся к горизонту, в то время как по законам линейной перспективы должны, напротив, сужаться. Тут действуют законы иной, «обратной» перспективы. В отличие от светской, секуляризированной живописи на библейские и евангельские сюжеты, икона отражает не нашу земную, эмпирическую, а некую иную реальность. Это взгляд не отсюда, а – оттуда. (Способность проникнуть в эту иную реальность иконописцу – по Флоренскому – дается путем Б-жественного откровения. Но этой темы – по понятным причинам – мы здесь касаться не будем.)

Некоторые существенные черты и свойства этой обратной перспективы, говорит далее Флоренский, мы можем увидеть не только на средневековых иконах. Обращаясь к фреске Микеланджело «Страшный суд», он отмечает:

...ί ί ί άά ί ί ά ύόέ ύ άί ά, άά ά έέάί άύέ άύ άήόά: άόύ όέάόύ άή ί άί ύέά ά ήέό ί άήί άέόέάί ί ά ήέάύάί έ ύ. Υόί, ί άέάό ί όί: έί, άέάί έ ά όί ά, :όί ί έάέί έά όέάόύ άά άάέάάό

*παιε ἀδδιδέα Ἰί -οί εαῖαοῖγ αῖ δαῖ αῖά εῶ, οἱ ἀεε-εία οεαῖδ αῖ γαῖαοῖαο Ἰί ἰ αῖα εῶ Ἰἰαῖαῖαῖ εῖ
ἰά οῖαῖα, ὀ. α, ῖα-εῶ, Ἰἰ ἰαῖα εῶ ὡαεῖαῖεῖ Ἰὸ γῖεῶαῖε. Ὀαεῖαῖ πῖαῖεῖοῖαῖ οἱαῖ ἀοῖαῖαῖαῖ
ἰῖῖοῖαῖαῖαῖ: -αῖ ἀαῖαῖα ἰαῖα ἰα-οἱ, οἱαῖ αῖαῖα, ε -αῖ ἀεεαῖ - οἱαῖ ἰαῖαῖα Ἰοῖ - ἰαῖαῖαῖαῖ
ἰαῖαῖαῖεῖαῖ*

(Ὀαῖ αῖ Ν. 38)

Даже в «Тайной Вечере» Леонардо, где, как замечает Флоренский, «царят законы кантовского пространства и ньютоновской механики», художник, говорит он, тоже:

*Ἰδεαῖαῖ αῖ εἰαῖαῖαῖεῖαῖ-ἰαῖαῖαῖεῖ, οἱῖοἱ εῖαῖαῖαῖαῖ οἱαῖ αῖαῖ αῖ αῖαῖαῖαῖεῖ: ἰδεῖαῖ αῖεῖ
δαῖαῖαῖ αῖαῖεῖοἱ εῖαῖ αῖαῖεῖ εἰαῖαῖαῖαῖεῖ εῖοἱαῖ εἰαῖαῖαῖαῖαῖ ε, οἱ αῖεῖαῖ ἰαῖοἱαῖαῖαῖ, ἰδεῖοἱ
δαῖεῖ-ἰἰ ἰἰ δαῖαῖαῖ ἰαῖαῖαῖαῖεῖ, οἱαῖ πῖαῖ αῖ αῖαῖαῖεῖ-εῖ εῖαῖαῖ εἰδεῖαῖαῖ πῖοἱ ἰἰ οἱῖαῖαῖαῖαῖ οἱ
αῖεῖαῖαῖ ῖα-εἰ ἰῖοἱαῖαῖ εῖαῖ-εῖοἱαῖεῖ-αῖαῖαῖ πῖαῖαῖεῖ, αῖεῖαῖ οἱαῖ, οἱαῖ οῖαῖ εῖοἱαῖεῖ.*

(Ὀαῖ αῖ Ν. 36)

Нечто подобное можно сказать и о тех «несообразностях и нелепостях», какие сразу бросаются в глаза в мандельштамовских «Стихах о неизвестном солдате». Нелепостями и несообразностями они представляются, если пытаться понять их художественное пространство, исходя из законов неприменимой к этому пространству «линейной перспективы».

Ἐ γὰ Ἐαῖ ἰἰοἱαῖ Ἰ εῖαῖεῖα

В ἰοῖαῖ οἱαῖαῖαῖεῖ ἰο-αῖ...

Кому это собирается он отдать свой «строгий отчет»? Военкоматскому начальству? Или лагерному?

И на какой реальной переключке (всё равно – в лагере или на призывном пункте), называя свой год рождения, человек скажет об этом так:

Ἰ. Α. Οοαῖ ἰαῖα

«В ἰαῖεῖαῖαῖ ἰοἱ ἰοῖοἱαῖαῖεῖ.. εἰοῖεῖαῖαῖ -αῖαῖαῖαῖ αῖαῖ ἰοῖαῖαῖαῖεῖ ἰῖοἱ-αῖεῖαῖ ἰἰ ἰἰ».

Ἰ. Α. Οοαῖ ἰαῖα 1936 ἰἰ Ἀἰῖαῖα.

В ἰαῖαῖ αἰἰ-ἰ

ἰαῖοἱαῖ ἰαῖ οῖαῖαῖ

Вἰαῖαῖ αῖαῖαῖαῖ ἰῖοἱ ἰαἰ ἰἰ

Ἰαἰαῖαῖαῖ ἰἰ αἰαῖ εἰοἱεῖαῖαῖ

Ī ēōōēāpō ī āīŷ īāī āī.

У Омри Ронена, на протяжении многих лет занимающегося поисками «контекстов и подтекстов» к самым разным стихам Мандельштама, эта мандельштамовская переключка (само это слово) вызвало ассоциацию со строчками Гейне:

Ē īā-īāōīŷ ī āōēēē-ēā

Āīāō ēāōūēō ā īāēāīō ū āāā

Ēēē ā dāē īāāō īāāī ī ūē -

Āīī īī ēīāō ū ī īāī īā īāāī.

(Ī āōāīā Ī ēī āāā)

В предисловии к книге, из которой я взял этот пример (Омри Ронен. Поэтика Осипа Мандельштама. Петербург. 2002, стр. 118.), о мандельштамовских штудиях ее автора говорится так:

Ŷōī ŷīōēēēī āēŷ ēīīōāēīōīā ē īīāōāēīōīā ēī āīāī ōōāīō-āīōāō Ī āī āāēūōōāī ā

Ēīīōāēīō (īāōēēē-ēā īāōŷēī ī āīōīī ōīāī āā āāōīōā) ē īīāōāēīō (īāōēēē-ēā īāōŷēī āāōīōīī) - ŷōī īīī īāī ūā īīīŷōēŷ ēīōāōōāēīōōāēūī īāī āīāēēā, īōāāōāī ā īīīēāīēā āāīŷōēēāōēŷ āāōūēī īāōīāī ēō-āīēŷ Ī āī āāēūōōāī ā Nōīōī ēōīāēīŷŷ ŷōīō īāōīā ā dāīōāō Ē. Ō. Ōāōāī īāēīāī, āāōāōāīēīāī ō-ēōāēŷ Ī. Dīīāīā; īāēāīēāī īīēīīā āīōāēāīēā īī īāōāē ā dāīōāō Ī. Dīīāīā

(Ōāī āā N. 5)

Должен сказать, что сам по себе этот метод «интертекстуального анализа», ставший в последние десятилетия «ведущим методом изучения Мандельштама» (увы, не только Мандельштама!), лично мне представляется полнейшей ерундой. Но в данном конкретном случае не могу не признать, что ассоциация Мандельштамовой «переключки» с процитированными О. Роненом строчками Гейне куда более оправдана, чем «военкоматские» ассоциации М. Гаспарова и лагерные аллюзии Надежды Яковлевны.

Совершенно очевидно, что эта переключка происходит вообще не здесь, не в нашей, земной, а в какой-то иной реальности: в Вечности? В Истории?

И отвечает он на этой переключке не заурядному земному начальнику – лагерному или военкоматскому, а – року, судьбе. Выражаясь высокопарно, Провидению. Это Ему он шепчет своим «обескровленным ртом», что к смерти готов.

От «Стихов о неизвестном солдате» (особенно от этих последних, заключающих их строк) веет какой-то жутью. Это сразу почувствовали самые первые их читатели:

В īā ēīāēēā ŷōī īōēōīōāīōāīēā īīāēēē, āīŷēāīī āā, ōīēēīī īā īīīēīāŷ, īī ēīōēēōēāīī-ōāīōāīŷ āā īōōāōī ūē īōīōī-āīēēē īī ūīē.

(Ī. Ā. Ōōāī īāēū Ī āī āāēūōōāī ā Āīōīīāēā Ā ēī.: Īīēī Ī āī āāēūōōāī. Āīōīīāēīēēā ōāōōāē. 1999. N. 253.)

Это был суеверный, мистический страх за любимого человека, который подвергает себя смертельной опасности, заглядывая туда, куда смертному лучше не заглядывать. Осип Эмильевич, как казалось автору этих воспоминаний, перешел тут некий предел, допустимый в отношениях человека с судьбой.

Выразилось это в том, что в той – описанной им – жуткой переключке наравне с мертвыми участвуют и живые, а главное – он сам, автор, переключается с мертвецами, как один из них, погибших гурьбой и гуртом.

Это теперь, зная, какая судьба постигла Мандельштама, мы можем говорить, что он угадал, провидел, напорочил свое будущее. При жизни автора это воспринималось иначе.

Вдобавок к понятию «обратной перспективы» Флоренский (в другой своей работе – «Иконостас») ввел еще одно новое понятие: обратное (или обращенное) время: это время, которое движется в обратном направлении – из будущего навстречу настоящему.

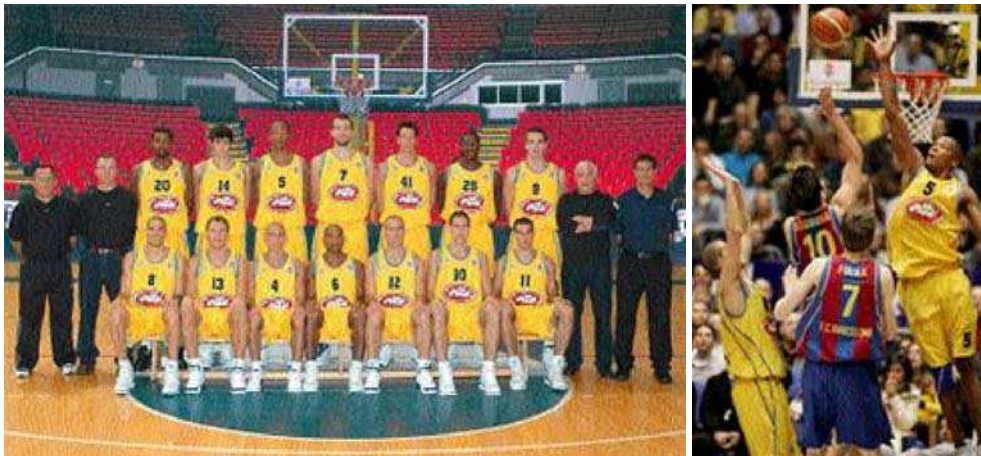
В «Стихах о неизвестном солдате» действует этот закон обратного времени. Автор не просто заглянул в будущее: он словно бы говорит с нами оттуда. И взгляд его на всё, что он имеет нам сообщить, – это взгляд оттуда. Он вглядывается в настоящее – из Будущего.

Именно там, в Будущем, и происходит эта загадочная переключка. И потому-то и сливаются в ней в один общий хор голоса живых с голосами мертвых.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ ПОД НАЗВАНИЕМ «МАККАБИ»

Марк Либовин

Об израильском баскетбольном клубе «Маккаби» (Тель-Авив) писать и легко, и трудно. Легко – потому что писать о победителях и победах всегда приятно. Трудно – потому что эта команда является национальным достоянием нашей маленькой солнечной страны.

Когда в прошлом году «Маккаби» выиграл в Тель-Авиве «финал четырех» баскетбольной Евролиги, то 100 000 человек, обезумевших от счастья, праздновали под открытым небом эту замечательную, четвертую в истории еврокубков и израильского клуба, победу.

Говорят, что в прошлом сезоне «Маккаби» имел не только самый сильный состав в своей истории, но и использовал все возможные варианты спортивного счастья в свою пользу. Возможно. Но приведем несколько примеров, которые говорят о том, что всего – абсолютно всего! – этот клуб добился своими силами.

За месяц до начала финального «турнира четырех» в Израиле прошла серия терактов, которые заставили многие европейские клубы поставить вопрос о безопасности своих игроков и болельщиков в Тель-Авиве.

На заседании Исполкома ФИБА должно было быть принято решение о переносе места финальных игр из Тель-Авива в другой европейский город. Президент израильского клуба Шимон Мизрахи приехал на это заседание вместе с членом совета директоров команды Дэвидом Федерманом. Подчеркнем, за этой миссией с замиранием сердца следила вся страна. «Не может быть, чтобы у нас отняли финальный турнир, к которому так готовились в Израиле», – писали в газетах, обсуждали в частных беседах и даже в кнессете.

Мизрахи смог доказать всем сомневающимся, что в Тель-Авиве и игроки, и болельщики будут чувствовать себя в абсолютной безопасности. «Я за это отвечаю лично», – заявил Шимон Мизрахи, между прочим, армейский подполковник в отставке.

И в ФИБА сдались, сказав, что нельзя лишать целую страну праздника, к которому она готовилась больше года.

Теперь клубу оставалось пробиться в этот финальный турнир, что являлось задачей более чем сложной ввиду силы и мощи соперников.

В начале апреля в как всегда переполненном 10-тысячном Дворце спорта «Нокиа-Яд Элияу» «Маккаби» принимал литовский «Жальгирис» во главе с Арвидасом Сабонисом. Этот великий баскетболист, несмотря на возраст (39) и больные колени, всё еще является одним из лучших и умнейших

игроков мира в своем амплуа. Да и вся литовская команда – блистательный, традиционно мощный коллектив, играющий на победу и дома, и на выезде. Проигрыш израильтян означал невыход команды в финальный турнир.

За 6 секунд до финала литовцы вели в счете 5 очков. Сабонис наблюдал за происходящим со скамьи запасных – он выбыл из-за штрафных замечаний. Шимон Мизрахи с бледным, осунувшимся, несчастным лицом сидел в сторонке на стуле, и смотреть на него было тяжело: так, по всей вероятности, выглядит человек, у которого отняли главную надежду жизни.

За две (!) секунды до финального свистка, при разнице в счете в 3 очка, израильтяне получили право на вброс мяча из-за лицевой линии своего кольца. Капитан клуба Гур Шелаф, мощный двухметровый форвард, выбросил мяч в направлении своего защитника, 182-сантиметрового Дерек Шарпа. Как ни странно, Шарп поймал мяч в окружении трех высокорослых литовских игроков, сделал шаг и бросил вместе с финальной сиреной. Мяч попал в сетку. Стадион – и вместе с ним вся страна – рыдал от счастья, а заодно рыдал и чернокожий израильский гражданин Дерек Шарп. Ничья!

В дополнительной пятиминутке проиграть израильтяне уже не могли, поймав кураж и свой темповый баскетбол.

Много граждан страны в тот день молились Б-гу за здоровье Шарпа, «Маккаби» и всех его игроков и тренеров.

Финальный турнир «Маккаби» выиграл блистательно и безоговорочно. Все участники и болельщики остались в безопасности в Стране Израиля на той славной майской неделе 2004 года.

В 2005 году «Маккаби», четырехкратный обладатель Европейского кубка (1977, 1981, 2001, 2004), надеется сохранить за собой титул лучшей баскетбольной команды континента.

Невозможно забыть первую победу «Маккаби» в Европе, когда на пути в финал питомцы тренера Ральфа Клайна обыграли московское «ЦСКА» (тренер А. Я. Гомельский), а в финальной встрече в апреле 1977 года в Загребе переиграли итальянский клуб «Иньис» (Варезе). В нашей команде тогда блистали Таль Броди, Мики Беркович, Моти Аруэсти, Олси Пери, Джим Бутрайт и другие замечательные игроки. Как известно, отстоять завоеванный титул много труднее, чем завоевать почетное звание. Так повелось, что психологический настрой игроков падает после побед, и им уже труднее настраиваться на матчи, которые в прошлом они выигрывали. К тому же будущие победы руководством команды, и особенно болельщиками, воспринимаются как само собой разумеющееся. А соперники хотят вас победить с удвоенной силой, ведь поверженный чемпион – это более чем приятно.

Короче, задача перед главным тренером Пинхасом Гершоном, которого вся страна называет Пини, стоит более чем сложная. Кроме того, его основной помощник Дэвид Блат, «селекционер» и тактик команды, получив выгодное предложение из Петербурга, уехал тренировать коллектив местного «Динамо». Дэвид делает это очень успешно, и все желают ему удачи. Вместо Блата помощником Герсона стал Яков Жино, молодой, способный специалист.

Из игроков уехал чернокожий американский еврей, талантливый двухметровый форвард Дэвид Блютенталь. После неудачной попытки закрепиться в команде НБА «Сакраменто» Блютенталь намеревается вернуться в Европу...

Летом в «Маккаби» пришел хороший израильский центровой – возможно, самый атлетичный и умный игрок страны – Янив Грин (24, 206). Гершон дает ему играть, и у него пока всё получается.

Все остальные игроки состава остались на месте, игра у команды идет и в чемпионате Израиля, и в Евролиге.

Стоит отметить таких игроков, как защитники Таль Бурштейн (24,198), Йотам Гальперин (20, 190), которому прочат большое будущее. Под щитами блистают Никола Вуйчич (26, 212) и Майсео Бастон (28, 205). Великолепного Энтони Паркера (29,196) наверняка еще долго будут помнить в Москве за победный бросок на последней секунде игры с «ЦСКА» 12 февраля 2004 года.

И, конечно же, ветеран клуба, Дерек Шарп, которого очень любят в Израиле за преданность, боевой дух, характер и мастерство.

Все «атакующие нити» команды уже второй сезон крепко держит в своих руках 29-летний литовец Шарунас Ясикавичус, которого специалисты в один голос называют лучшим разыгрывающим континента на сегодняшний день. Капитан команды Гур Шелаф (31, 200) почти не выходит на площадку, являясь 11-м игроком состава. У него сильный характер и своего недовольства происходящим он не выказывает.

В Израиле соперников у «Маккаби» нет. Может быть, поэтому у клуба в стране есть ярые недоброжелатели: успех и качество игры одних не всегда вызывают у других радость. Команда становилась чемпионом страны 44 (!) раза, и это говорит об очень многом.

Бюджет клуба составляет 12–15 миллионов долларов. В совет директоров команды еще в прошлом сезоне вошел Раанан Кац, один из владельцев команды НБА «Майами Хит». В 1960-х годах Кац был игроком сборной Израиля и блистал в составе «Маккаби»...

Пини Гершон работает в «Маккаби» пятый сезон, им очень довольны, и он, кажется, тоже доволен происходящим.

Шимон Мизрахи по-прежнему твердо и уверенно ведет все дела клуба.

Все прекрасно понимают, что соперники команды усилились, особенно «ЦСКА», который принимает в мае 2005 года финальный «турнир четырех» в Москве.

Кроме «ЦСКА» стоит отметить таких традиционно сильных соперников «Маккаби» в Европе, как «Барселона» и итальянская «Сиена».

Во всяком случае, в Израиле очень надеются, что в финальной игре Евролиги 8 мая 2005 года в Москве против «ЦСКА» сыграет «Маккаби».

А там уже как Б-г даст.

МОЙ ДРУГ БЕСЦЕННЫЙ

В. Кардин

Будь моя воля, я бы за эти наброски взялся куда раньше. Но не получилось... Хотя на самом деле кому ж теперь, как не мне, браться за наброски к портрету Исаака Крамова, человека, о котором, по-моему, безусловно стоит рассказать читателям? Даже тем, кто не знает этого имени? Кому ж, как не мне, если вокруг почти никого из друзей, считай, не осталось...

Я обратил на него внимание еще до войны, во времена учебы в Институте истории, философии и литературы, который находился в Сокольниках и где он учился. Впрочем, сделал это не только я.

ИФЛИ славился красотой девочек. Красота представителей второй половины рода человеческого в расчет не принималась. Хотя Крамов выделялся безотносительно к «принималась» или «не принималась». Бледная, нежная кожа лица, ясные голубые глаза, темные, густые, слегка выющиеся волосы.

Он учился двумя курсами старше меня. Я видел его с другими заметными старшекурсниками – Сергеем Наровчатковым, Павлом Коганом, Давидом Самойловым. Для них он был своим. На второкурсника, каким был я, подобная благодать не распространялась. В издании популярной среди студентов стенгазеты «Комсомолия» Крамов не участвовал, на ее страницах его фамилия не мелькала. Чего нельзя сказать о Когане или Самойлове, с которыми он поддерживал дружеские отношения. Д. Самойлов, тогда еще Кауфман, помню, поместил в стенгазете эпиграмму на Когана: «И ты остановишься, поражен. / Уронишь слезу, растроган. / Поэт, безвредный, как боржом. / Какой-то Павел Коган». (Эти его строки, кажется, не публиковались. Как и тогдашние мрачноватые стихи о революции – про вой паровоза в ледниковой тиши.)

«Безвредный» поэт сложил голову на первом этапе Великой Отечественной...

С ее началом я потерял Крамова из виду. Как, впрочем, и многих ифлийских студентов, ушедших на фронт. Да и думать о нем забыл. Мужская красота, в отличие от женской, обычно не западает в память. Но спустя годы, встретив Крамова в Ленинке, от души возликовал. И он, выяснилось, был в двух шагах от смерти. Угрожал ему не осколок золлингенской стали, но скоротечная чахотка.

Туберкулезом страдали оба – он и его молодая жена. Страдали всерьез – кровохарканье. Врачи не исключали самой плохой перспективы.

Исаак оставил жену в Кисловодске: воздух плюс дядя-повар. Немцы его меньше страшили – русских они уничтожали выборочно, и женщине вроде бы ничто не грозило.

То, что ей вроде бы не грозило, обрушилось на родителей Крамова, принявших смерть в киевском Бабьем Яру.

Где-то на фронте протекали дни и ночи его брата Леонида – художника-графика и театрального художника, одержимого идеей спасения Дрезденской галереи.

Прежде, нежели идея осуществится, Леонид Вольнский (это псевдоним; в отличие от младшего братишки, он сохранит настоящую фамилию – Рабинович) попадет во всевозможные фронтовые передраги. В их числе – плен. Однако, будучи блондином (еще одно отличие от младшего брата), уцелеет, сумеет бежать и продолжит службу в Красной Армии на скромной должности начальника штаба стрелкового батальона.

È. Èðàì íà Í à-àèí 40-õ ãññà

Никакого, разумеется, штаба батальону не полагалось. Должность официально именовалась «адъютант старший». Младший не предусматривался штатным расписанием, и недавнему киевскому художнику доставалось по первое число. Однако он играючи со всем справлялся и в конечном счете напал на след Дрезденской галереи. О чем потом с увлечением рассказал в знаменитой своей книге «Семь дней».

Но до «потом» предстояло дожить.

Аналогичная задача встала и перед Исааком. Решать ее довелось в одиночку. Жена скончалась. Оставив память на долгие годы и туберкулез, способный сократить их число. Кровохарканье не прекратится до тех пор, покуда один московский хирург не отважится на операцию. Покуда старший брат и новая жена Исаака, Елена Ржевская, вчерашняя фронтовичка, не поддержат, не окажут ощутимой помощи.

Хирурга Крамов почитал своим спасителем и ежегодно, в установленный день, непременно встречался с ним, испытывая в этих встречах неиссякающую потребность. Он отвергал забывчивость, столь обычную для повседневной суеты. Для жизни, где лишений было выше головы, а радостей на редкость мало.

Не смею судить об операции. Но, боюсь, без нее Крамову не прожить бы повоенные десятилетия, не сделать то, что он сделал, начав печататься в 1948 году. То есть сразу по окончании филологического факультета Московского университета. ИФЛИ перестал существовать еще в войну, филфак МГУ считался его законным преемником.

Не могу с уверенностью сказать, оправдано ли такое мнение. Лишь замечу: в разговорах со мной Крамов охотно вспоминал ИФЛИ, но не помню, чтобы заводил речь об МГУ, где завершил образование, не гарантировавшее куска хлеба. Особенно тем, кого сообразно тогдашним правилам и нравам относили к «безродным космополитам»: так полуофициально именовались евреи. Явная дискриминация по обыкновению вполне уживалась с обиходным советским ханжеством.

Позже Лёля Волынский рассказывал мне, как в Киеве ему нанес визит Виктор Некрасов, желавший познакомиться с его картинами на предмет полного их «раздолба» (начальство не скрывало задачи, поставленной перед автором романа «В окопах Сталинграда»). Но лауреату понравились полотна, понравился художник. Он «космополита» не только не «раздолбал», но пожизненно стал его надежным другом.

История сия мне известна от самого В. Некрасова, не делавшего из нее тайны.

Одни на героической борьбе с «космополитами» строили карьеру, другие в тех же условиях демонстрировали высокие человеческие качества...

На филологическом факультете МГУ можно было встретить лишь считанных ифлийцев – тех, что, вернувшись с фронта, получили возможность доучиться. Пусть несколько в ином ключе, чем начинали. У меня такая перспектива отсутствовала. Начальство, отказав в демобилизации, послало меня на дальнейшую армейскую учебу. Радости она не принесла, но без нее, возможно, я чувствовал бы себя и того хуже.

Νέαι ται δαί: Ϊ. Ατδωέε, Ε. Εδαι τδ Α. Ναι τείτδ Α. Νεώέέε.

Лишь спустя восемь лет после войны я получил право снять порядком опостылевший китель, дабы заняться тем, к чему тянуло все годы.

Уже в штатском я переступил порог Ленинской библиотеки и в читальном зале незамедлительно встретил Крамова. Мы оба возрадовались, словно были давнишними друзьями. Хотя до того часа не обменялись ни словом.

Изя заинтересованно расспрашивал, я с некоторым смущением, но охотно отвечал, подкупленный явной искренностью вопросов.

Дефицит искренности ощущал каждый, так или иначе вступавший в литературу. Крамов вступил, когда я еще не смел об этом даже мечтать. Несколько позже, прочитав его документальную повесть «Яков Осипов», я порадуюсь ее чистоте и правдивости, умению автора, ничего не упрощая, вжиться в замысловатые обстоятельства, уготованные герою.

Вообще серия написанных им литературных портретов («Лариса Рейснер», «Джон Рид», «Матэ Залка» и другие составили основательный том), как и книга об известном дагестанском писателе Эффенди Капиеве, как и очерк творчества превосходного прозаика Александра Малышкина свидетельствовали о широте крамовских интересов. Всякий раз, не повторяя приема, он умел по-своему повернуть сюжет, добиваясь максимально полного постижения обоих его «составляющих» – жизненной и творческой. Порой

являющих собой единство, порой вступающих друг с другом в противоречие. А одна из его последних работ, глубокая тонкая статья об Андрее Платонове сулила в будущем совершенно своеобразную книгу.

Исаака Крамова отличал обостренный интерес не только к писателям, уже прочно вошедшим в литературу, вроде названных выше, но и к начинающим. Особенно если на первом этапе они встречали не столько одобрение, сколько подзатыльники, на кои была щедрна советская официальная пресса. Сужу по собственному, не слишком оригинальному опыту.

Когда однажды «Правда» с присущей ей грубостью обрушилась на нескольких критиков, в том числе и на меня, опубликовавшего вполне безобидную рецензию, тем же утром мне позвонил Крамов. С того дня наши взаимоотношения поднялись на новую ступень. Теперь это было товарищество.

Не скажу, будто на меня так уж подействовал окрик центрального органа, за которым угадывалось раздражение, превышавшее, на мой взгляд, повод. Но какой-то мерзкий осадок сохранялся. И тут неожиданный телефонный звонок...

Я сказал, что понять-то можно, однако зачем такое хамство?

Крамов возразил: понять нетрудно, трудно принять. И совершенно неожиданно пригласил вечером зайти к нему, продиктовав почти знакомый адрес – дом в начале Ленинградского проспекта. В одном из корпусов этого дома я бывал, навещая своего фронтового комиссара Арчила Семеновича Майсурадзе.

È. Èðàì íà À. Èààààà

Ðíàà-üà, Èðùì. 1959 ñà

Но, в отличие от Арчила Семеновича, Исаак Наумович жил в квартире, где хватало соседей, пусть и состоявших в родстве с его семейством. Не поручусь, что это красило существование нового моего приятеля. Он, я убедился, и сам чувствовал сложность квартирной ситуации: путь-то к ним с женой пролегал через большую и огнюдь не пустовавшую комнату.

Что попишешь, такова была одна из особенностей тогдашней жизни, в немалой степени диктовавшая нормы поведения и взаимоотношений.

В дальнейшем, когда к нам с Изей не без моего содействия примкнул Александр Лебедев, мы частенько, встречаясь среди бела дня, пересекали Ленинградский проспект и уединялись в шашлычной, что напротив гостиницы «Советская». Это позволяло именовать нашу забегаловку «антисоветской».

Попутно замечу, что еще до «Чаадаева», широко известной своей книги, критик

А. Лебедев достаточно регулярно получал нагоняи; в печати не раз и не два появлялись резкие отзывы о его работах. Мы с ним оба относились к тем «счастливчикам», кому персонально посвящал статьи журнал «Коммунист».

После, как тогда говорили, «директивных» статей подобного рода некоторое время публиковаться обычно не удавалось. Таково было негласное, но вошедшее в традицию правило.

Следовательно, поводов для визитов в «антисоветскую» шашлычную нам хватало. Как и пищи для осмысления литературной ситуации.

Мы с Сашей являли собой достаточно сплоченный альянс, и Крамов следил, чтобы нам не доставалось сверх нормы, которую он чувствовал лучше, чем мы. Чувствовал и реагировал подчас неожиданным образом.

È. Èòàì íà È. Àèííàààíá

Ðíàà-üü, Èòüí. 1959 ää

Корректный, доброжелательно-миролюбивый на вид, Изя частенько испытывал потребность кому-то съездить по физиономии. Удержать его в такие минуты было не очень просто.

Я не сразу привык к этой его, на мой взгляд, привлекательной слабости, совершенно не вязавшейся с первоначальными впечатлениями. У него то и дело, что называется, руки чесались.

Во многом он вообще был личностью неожиданной. Что не исключало постоянства пристрастий, симпатий и антипатий. Потребностью и умением подобающе реагировать на любую мерзость, в том числе и словесную, природа наградила его как будто с пеленок. Иной раз мы с Сашей Лебедевым даже ничего не успевали заметить, а он, засучив рукава, уже бросался кого-то проучить. Не испытывая, между прочим, даже малейшего страха перед здоровенными кулаками и крепкими мышцами «супостата». К примеру, известного деятеля из журнала «Октябрь» – самого, пожалуй, гнусного московского издания тех лет.

Исаак не относился к задирам. Но не спускал малейшей обиды – особенно если чувствовал в ней национальную примесь. Сама эта тема, тема еврейства, обычно отсутствовала в наших с ним разговорах и давала себя знать словно бы в подтексте.

Это тем примечательнее, что друг наш Лебедев в свое время щеголял в «сталинке» – как тогда именовали кителя, похожие на тот, что носил генералиссимус. Расставание с кителем символизировало для Саши отказ от прежних воззрений.

Исаак все это отлично понимал и проявлял повышенную деликатность, вызывавшую у Лебедева ответное чувство признательности.

Но, разумеется, ему самому тоже приходилось что-то пересматривать, от чего-то отказываться, к чему-то прилепляться душой...

Наше взаимопонимание в конце концов достигло такой степени, когда чаще всего отпадает необходимость что-либо формулировать. Достаточно двух-трех слов, довольно взгляда, кивка в ответ.

Мы и летом не расставались, сообщая выбирая для жизни какой-нибудь «медвежий угол» в Подмоскowie. Тяготы быта (автомобили, разумеется, отсутствовали) нисколько не отравляли бытия. Находили какой-нибудь заброшенный причал, где стояли вышедшие на покой баржи. Осваивали их как трамплин для прыжков в воду. Правда, случалось, прогнивший пол под ногами проваливался. Но и это нас не смущало.

Думаю, постоянное общение помогало каждому из нас, преодолевая какие-то наслоения, выработать собственную позицию. Выработка предполагала частые обсуждения, совместные раздумья, долгие посиделки втроем. Корректировки, уточнения, возвращение к исходным пунктам...

Крамова занимала «национальная» сторона иных, даже мимолетных, фронтовых событий. Узнал, скажем, от меня о моем близком окопном друге Бениамине Мартиросове. Бенья всегда почтительно слушал часто звучавшие тогда слова о величии русского народа, потом негромко и с улыбкой добавлял: «Армяне тоже ничего». Изя больше уже не забывал о нем. Пришлось рассказать ему и эпизод с «армяшкой». Этой клички однажды удостоился Мартиросов в моем присутствии.

– Ты за него вступился? Двое офицеров, пусть невысокого звания, против одного солдата...

– У солдата в кармане лежала «лимонка».

– Мог ли он ее бросить? Сам стоял рядом...

– Он уже не владел собой!

Я хорошо помнил этот эпизод. Подробно обсуждал его с Бене́й, отыскав того в послевоенном Баку. Незадолго до победы он получил осколок в голову. Небольшой. Размеры, однако, не помешали кусочку железа много позже сыграть роковую роль в судьбе Мартиросова. Хоть это и не сразу стало очевидным. Мартиросов удрал из госпиталя из-за несговорчивости понравившейся ему врачихи.

– Как она смеет отказывать раненому?!

– Смеет, Бенья.

– Ты на ее стороне? Не ждал, никогда не прощу!

Меня-то он простил. Но за побег из госпиталя тяжело поплатился. Я ездил, говорил с главным врачом, киевским профессором. Тот утверждал: война кончается, надо лейтенанта отправить в тыл, в черепной госпиталь. Но Бенья был не из тех, кого отправишь...

Изя настаивал: должен был добиться. Настаивал справедливо. Я добился, но уже после возвращения на родину. Какое-то время, видимо, было упущено.

А солдат, бросивший моему другу «армяшку», отделался и впрямь легким испугом. Но даже это возмущало Крамова, которому я, видимо, не сумел передать сложность ситуации. То, что мне представлялось очевидным, давало Крамову пищу для размышлений. Он не жаловал коротких, успокаивающих ответов. Вроде моего: солдат, дескать, должен внушать чувство страха лишь противнику. Но не своим, тем более офицерам.

Крамов соглашался. Но без энтузиазма. Чувства собственного достоинства, о котором потом так великолепно, так умно напишет Булат Окуджава, ему всегда хватало с лихвой.

Не хватало физических сил; попросту – здоровья.

Но он об этом не только не говорил – даже не заикался. И я, честно признаюсь, иной раз непростительно забывал о его туберкулезном прошлом. Ему-то самому вряд ли оно не приходило на ум. Он, однако, относился к той не самой многочисленной категории людей, что избегают рассказов о своем физическом состоянии.

Постоянная рабочая сосредоточенность Крамова отнюдь не вела к сужению горизонтов. Предполагаю – диапазон занимавших его проблем был шире, чем у нас с Сашей Лебедевым. Его личные записки настолько значительны, что увидят свет только тогда, когда Изи уже не будет и времена переменятся.

Мы не просто лишились надежного друга, но потеряли человека, чье мнение значило для нас несказанно много. Пусть он никогда это мнение никому не стремился навязать. Наоборот, скромность, деликатность – эти редчайшие качества – не предназначались для демонстрации. Но ощущались постоянно. Они сохранялись и по отношению к заботам литературной жизни, проблемам творчества, ситуации в литературной среде – достаточно пестрой и порядком развращенной.

È. Èðàì íà Èàçàññòàì. Èàðì 1979 ããã

Для него самые важные и значительные проблемы зачастую были сопряжены с национальными. Не вообще, а в связи с нацией, к которой он принадлежал. И мысль о них вела не только к Бабьему Яру, но и к бесчисленным сложностям, от коих принято было отмахиваться.

По натуре своей, по душевному складу сам он ни от чего не отмахивался и действительно являл собой пример для тех, кто его знал и любил, кто высоко ценил его точку зрения.

В последнем мне признавался Александр Лебедев, когда я, совершенно уничтоженный, вернулся из Польши.

В Варшаве старинная приятельница, русская, из России, судорожно пыталась спрятать от меня номер «Литературки», где сообщалось о скоропостижной кончине И. Крамова, пришедшейся на день его шестидесятилетия...

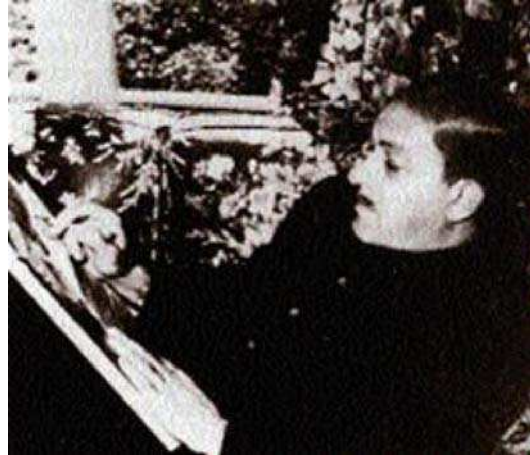
К моему возвращению Лебедев уже вышел из тяжкого, вполне, я считаю, оправданного запоя. Сидя в «антисоветской» забегаловке, мы почувствовали, как сузился наш мир. Сузился навсегда.

Чувство это не покидало и не покидает меня. Никто не может и не должен заменить Изю Крамова.

В том убедили дни и годы, миновавшие после его ухода.

ЗЛОВЕЩЕЕ КАФЕ

Аאי וואָעו

Бен Уаёо (1894-1964) – аай аооа пай адепо, ди аи епо, аоди аепо. Ди аеиу а И ае аи Епо-Наеаа, а пай иа аидоаоа ес Ди пее, аа ие, иу аие аидуо ипо, ааеиу Аао аи е. Га-ае еае аоди аепо, иу аидеиу апаа а даци уо ааи дае е еае аай аооа (Оаи аие Уеуи и иепае, ои иу пай аие аи адеаи пее оааоо ио еидиоа), е еае ди аи епо (аа иди а и и аи ер едео ее, иеаеа аеуи еа га Га аи еуеу Уиоа е Неа Ааеио), е еае пай адепо (аи о и де ааеа ао пай аде о аео еаиуе-аео оеуи га еае «Ееоу и оаи и», «Аеаа Аеуи», «И ди ае, иоаеа». Ааи Ере Атаао оо ааеаае, ои 80 иди оаи оаи е пай о аипо аеаи ее аи адеаи пее еи и гау аи Ааи о Уаеоо). И де ю и Ааи Уаео аиа апа аае, иу ио апаи пай аи аи еи а «еааоу аеаи уа ди е а ааи ае и аи о ааи аде о аи ео пай о еуо ОО аае».

Аи аоиде и едате аи еу Уаео и аеи еидоаи пай аеу ааде пее и еидеаи аи е, иу еи ааи аи е а га-аеаиу ааеае: «Ердаеу-и аи у и га» – е поае и аи аи иу пее ипо ии. И пее аи еу и и аи пее ио аае аи аи аи иди оа и пее о ее аи ае еи еи аи ио ае о аеуи о аа, иди аи о аи аае ааи о-ае ааи ер аи пай ааи оа Ердаеуи

Аа аао и ае и аа о еу и пее аи ее-иу и га аи еаи «Ае оу ааеа» (1954) и-е о аа о иу га и е ес ео-е о аи аде аи пее о ае и аа о ее.

Дай аеае «Сей ааи аи еа о а» га-ао аа о иу иу ес аи ер «A Treasury of Ben Hecht», 1959

В изысканных кафе, куда приходят сливки общества, дабы выставить напоказ свою скуку, мной всегда овладевает предчувствие каких-то зловещих событий. Я столько лет проработал в газете, что при виде людей модных и знаменитых мне тут же лезут в голову издевательские заголовки. И в эти курятники всегда прихожу с чувством, что кругом – герои завтрашней скандальной хроники.

Вот они собрались в роскошной приемной, перед дверью, за которой восседают самоубийство, банкротство, шантаж, блистают всеми трофеями роскошной жизни, в том числе и самым опасным из ее сокровищ – скукой. Никогда и в голову не придет, что эти герои и героини ночного города с кукольными лицами – не кучка расфуфыренных, измученных бессонницей страдальцев, пришедших поглазеть друг на друга и вместе позевать, а нечто иное. Но это заблуждение. Ибо в этой дотягивающей свой век толпе присутствуют и красота, и талант, и богатство. И какими бы скучающими они ни казались, можете быть уверены: где собрались такого рода люди, там же, неподалеку, наяривает оркестр дьявола.

У меня есть друг, доктор Мортимер Бриггз, психиатр с привычками Гаруна-аль-Рашида. Он пристрастился бродить по городу после полуночи: изучает его больную душу, а может, подыскивает клиентов. Этот специалист по психозам уверяет меня, что в его излюбленном месте, кафе «Эль Гранада», психов больше всего, и я – вслед за ним – стал там завсегдатаем. Меня интересует прежде всего Морти, он

человек остроумный и знающий, а кроме того, обладает даром разглядеть в самом заурядном зануде вервольфа или маньяка-лунатика, а эта область психиатрии всегда меня занимала.

Морти говорит, что после полуночи в «Эль Гранаде» собираются те, кого обуревают демоны, то есть богатые, красивые и блистательные. У всех до единого богатых, уверяет он, души изуродованы, поскольку упражняют они не ум, а эго. Что же до их партнеров – мужчин и женщин из мира искусства, так те в еще худшем положении. Поскольку развлекаться в «Эль Гранаде» могут позволить себе лишь те таланты, что добились успеха, а в смысле здоровья, считает Морти, ничто не вредит таланту так, как успех. Именно из-за него мечты подменяются вниманием прессы, а поиск прекрасного – коктейлями и фуршетам. Слава, утверждает Морти, – это саркофаг, где покоятся вчерашние творцы, облаченные в пышные одежды своих маний.

Что касается красоты, то по теории моего друга все очаровательные дамы, ежевечерне блистающие в «Эль Гранаде», не женщины, а фантомы. Он говорит, что они поверхностны и опасны. Они, как миражи, существуют лишь для того, чтобы пробуждать голод и воображение, но утолить не могут ни того ни другого.

За те месяцы, когда мы только что не поселились в «Эль Гранаде», в роскошном котле сварилось много блюд, на которые с жадностью накинута пресса: четыре самоубийства, одно убийство, пятнадцать разводов и несметное количество сенсаций помельче, как-то: двоеженство, предательство, растрата. Ни одно из этих событий не происходило непосредственно в «Эль Гранаде», но все пылкие участники набирались из числа ее томящихся от скуки завсегдатаев.

Однажды вечером мы с доктором Морти, сидя в этом ящике Пандоры, стали свидетелями первого появления там барона Корфуса, а это был пролог драмы, по фантастичности не уступавшей «Арабским ночам», который к тому же предвещал зловещее развитие.

В высоком джентльмене с глянцевым лицом, вошедшем в тот вечер в кафе, не было ничего макабрического. Наступила полночь, а в этот час в «Эль Гранаде» собирается такое количество знаменитостей, что привлечь к себе внимание не удается никому.

Если в полночь сюда входит элегантный пожилой мужчина с камелией в петлице, а его сопровождает юная красотка в украшенных камелиями мехах, для «Эль Гранады» это событие столь же малозначительное, как два клерка, втиснувшиеся в битком набитый вагон подземки. И то, что к столику новоприбывших проводил сам метрдотель Ганзо, никак не говорило об особом статусе этой парочки. Это лишь указывало на то, двадцатидолларовая купюра перешла из рук в руки. В том, что новый посетитель явился со столь очаровательной спутницей, также не было ничего необычного. В «Эль Гранаде» наличие очаровательной спутницы может значить что угодно – от очередной двадцатидолларовой купюры до большой беды. По их виду ничего не определить. Эти блистательно-пустые создания, приходя в «Эль Гранаду», помнят лишь о своей прическе, а себя забывают.

Так что своим появлением барон Корфус со спутницей никого не поразили. Однако я отлично помню, что Морти тут же заметил новичка.

– Никогда его прежде не видел, – сказал он. – И девица незнакомая.

– Недурна, – бросил я. При Морти лучше высказываться сдержанно, иначе он взрывается. Психиатрия по сути своей – наука противоречий.

– Раздеть ее, умыть да гладко причесать, – ответил Морти, – и ничего, кроме анорексического истощения и капли нарциссизма не останется.

– И всё же мне она напоминает Саломею, – сказал я. – Как вы думаете, она на самом деле рыжая?

– Волосы настоящие, – нехотя признал великий ученый. – Да только глаза стеклянные. Мужчина куда интереснее.

– Он, похоже, неплохо сохранился, – сказал я.

– Напротив, – радостно возразил Морти, – он на последней стадии распада. Страдающий кахексией¹, если его приодеть, выглядит как дипломат на приеме. – Морти утер лицо одним из бесчисленных носовых платков. Он хоть и был в отличие от большинства психиатров довольно худ, но постоянно потел и вне зависимости от температуры либо заходился в диком кашле, либо изнывал от жары. Пот он всегда старался утирать быстро и незаметно – словно надеялся, что на эту его странность никто не обратит внимания.

– Кроме того, – продолжал он, – по осанке чувствуется, что это человек исключительной выдержки, если, конечно, это не запущенный случай артериосклероза. Ей-Б-гу, – Морти сменил платок, – личность весьма любопытная, весьма.

Опишу вам нового посетителя кафе, каким я увидел его тогда. Прежде всего привлекала внимание его манера держаться, а возраст оставался загадкой. Держался он обаятельно, но замкнуто. Его землистого цвета лицо с длинной челюстью и тонкими губами было запрокинуто вверх, словно у актера, приготовившегося читать монолог. Седые, металлического отлива волосы туго прилегали к черепу – казалось, он их не причесывает, а полирует. Но более всего поражали его глаза. Он их почти не открывал. Из-под опущенных, будто зажмуренных от яркого света век виднелись две сверкающие щелки – как два тире в азбуке Морзе.

– Он либо почти слепой, – неторопливо продолжал Морти, – и щурится, пытаясь лучше всё разглядеть. Либо...

– Либо – что? – почтительно осведомился я.

– Либо, – радостно закончил Морти, – он законченный сумасшедший. Обычно человек так прикрывает глаза по одной причине. Когда не хочет, чтобы его видели. Я это называю «комплексом страуса». – Термин свой Морти считал очень остроумным.

– Замечательно оригинальная теория применительно к господину, выбравшему такое людное место, как «Эль Гранада», – сказал я.

– Он же скрывает то, что у него на душе, а камелию как раз выставляет напоказ, – ответил Морти.

Снова заиграла музыка. Народу всё прибывало, и скоро богатые и знаменитые теснились, как сельди в бочке, отчего есть, выпивать и беседовать стало практически невозможно. На крохотной танцплощадке с ноги на ногу переминались пары. Официанты суетились, кислороду не хватало, бокалы летели на пол; грохот съезжавших с перегруженных подносов тарелок врвался в латиноамериканские мелодии; любители переходить от столика к столику путались в мехах, устилавших пол; и скоро все – танцоры, едоки, прислуга – слились в единую неподвижную массу. Но, невзирая на чудовищные неудобства, завсегдатаи «Эль Гранадь» ощущали непостижимое наслаждение – можно подумать, они наконец-то попали в лучший из возможных миров.

Барон Корфус влился в этот ансамбль с поразительной легкостью. В половине второго новый гость встал и покинул зал. Мы с Морти автоматически сочли вечер завершившимся. Вместе с парой десятков жуиров, практически дошедших от скуки до нервного срыва, мы пробрались к выходу. Когда мы оказались на улице, где свежий воздух вернул нас к жизни, я из праздного любопытства задумался о том, кто же, собственно, такой этот пожилой франт со стеклянным лицом и какого рода бессонница привела его в наш курятник.

Ко входу подкатило роскошное авто. Барон за один-единственный поклон наградил швейцара Ивана пятидолларовой бумажкой и вместе с рыжеволосой престелницей сел в машину.

– Весьма странный тип, – заметил Морти. – Надеюсь, мы за ним еще понаблюдаем.

И он не ошибся. На несколько недель таинственный барон стал нашим главным развлечением в «Эль Гранадь».

Покров тайны неспешно окутывает происходящее. Это обратная сторона событий, неприметный занавес, за которым скрывается драма. Не взглядевшись пристально, и не поймешь, что перед

тобой. Однако, рассмотрев его, ты оказываешься в первом ряду на величайшем из спектаклей, и называется он «Неведомое».

Барон Корфус (имя сообщил метрдотель Ганзо) стал для нас – главным образом, для Морти – самым увлекательным из спектаклей. Мне, простому любителю таинственного, довольно было, что я ничего не знал, но мог дать волю воображению, Морти же бился над разгадкой. Он несколько недель украдкой изучал нашего любителя камелий и наконец сообщил, что, обнюхав, как ищейка, след барона, выделил несколько главных запахов. С одной стороны, наш объект неизменно появлялся в полночь и неизменно удалялся ровно в половине второго, а тяга к ритуалам, по словам Морти, – свидетельство мании. Поскольку мой друг ухитрялся обнаружить признаки безумия почти во всех, кто попадал в поле его зрения, это утверждение меня не слишком удивило.

– Особенность данного случая, – сказал Морти, – в том, что здесь мы имеем деятельное безумие. Мы все сумасшедшие, но пассивные. Так сказать, психи-пустышки. Но мания барона деятельна. Это она устраивает для нас представление. Она каждый вечер вплетает в интригу новую нить.

– В какую интригу? – позволил себе поинтересоваться я.

– А вот этого я пока не знаю, – лучезарно улыбнулся мой Шерлок Холмс, – но скоро непременно узнаю. Пока что нам известно, что барон с ритуальной точностью появляется здесь каждую полночь в сопровождении юной красавицы, которая его несколько не интересует; кроме того, наш барон, будучи неутомимым экстравертом, почему-то отказывается общаться с другими посетителями.

Мы оба видели, как наш таинственный герой пресек не менее дюжины попыток завязать с ним беседу. Я решил, что он ревнует свою спутницу.

– Ерунда! – воскликнул Морти чуть ли не грубо: я не удивился бы, узнав, как какой-либо из его пациентов, во время сеанса психоанализа вскочив с кушетки, накинулся на него с кулаками. – Несколько он не ревнует. Он просто сосредоточен и не желает ни на что отвлекаться.

– На чем же он сосредоточен? – скромно поинтересовался я.

– Он сидит в засаде, – ответил Морти, – и плетет интригу.

Через несколько дней – я это разглядел первым – барон появился с новой спутницей. Заметить это было не так легко. Новая сирена как две капли воды походила на свою предшественницу. Собственно говоря, все девушки в «Эль Гранате» настолько схожи между собой, что, если под звуки оркестра выстроить их в ряд, выглядеть они будут как отменно подобранный кордебалет. Новая дама барона мало того что куталась в те же усыпанные камелиями меха, красила ногти тем же лаком и имела такой же застывший взгляд заколдованного манекена в витрине, она вдобавок была тоже рыжей.

– Вот и новая информация, – заметил я. – Мы выяснили, что барон заиклен на рыжих.

– Убогая логика, – возразил Морти. – Человек, который почти не открывает глаз, на цвете не заикливается. То, что с ним снова рыжая, это просто совпадение. Или же рынок затоварен рыжими. – Но я заметил, что Морти и собственные выводы не очень убедили.

За наш столик присел юный лейтенант флота. Это был Дики Малкен – мы некогда привили ему вкус к ночной жизни – а сейчас он, хоть и был морским офицером, пробил себе местечко на суше.

– Приветик! – воскликнул Дики. – Я опять в отпуске. Первый раз за пять недель дышу полной грудью. Вы когда-нибудь бывали в Вашингтоне летом? – Молодой моряк с отвращением поежился. – Нет на земле места страшнее здания министерства ВМС.

– Война есть война, – заметил я. Дики мне никогда не нравился. Он был из породы богатеньких юнцов, считающих, что громкие любовные интрижки придают им весу. В «Эль Гранате» таких Ромео навалом: не имея иных талантов, они устремляются в погоню за дамами. Погоня эта скорее напоминает бег трусцой, но Изольд ночных клубов можно заарканить и на малой скорости. Цели особи обоих полов

преследуют идентичные: добиться, чтобы в отделе светской хроники их упоминали как можно чаще – главное, всегда быть в центре внимания.

Строго говоря, в Дики не было ничего предосудительного, но в таком случае нет ничего предосудительного и в ослобивших глазах пьяниц, а подобных экземпляров в «Эль Гранаде» тоже пруд пруди. Что до урона, нанесенного им в качестве Дон Жуана, полагаю, на любовном фронте Дики был не более опасен, чем на полях сражений.

– Родные охотничьи тропы, – сентиментально улыбнулся наш лейтенант, обернув далеко не волевое лицо к залу.

– И как они вам после ужасов Вашингтона? – спросил я. Дики нравилось, когда его подкалывали.

– Прекрасны как никогда, – усмехнулся он, продолжая наметанным глазом оглядывать посетителей. И вдруг насторожился. – По крайней мере теперь я знаю, за что я воюю, – сообщил он.

– И за что же?

– Видите ту рыженькую? – нежно произнес Дики. – Мама дорогая! Экая штучка! А что это за развалина с ней рядом?

Я назвал имя барона.

– Впервые слышу, – бросил Дики. Поскольку Дики хоть что-нибудь да слышал про всех каких ни на есть сомнительных типов, это было суровое обвинение. – Корфус... Корфус... – повторил он. – Аферист какой-нибудь.

Морти просиял и собрался уже сказать: «Устами младенца», но я его опередил, спросив:

– А девушку вы раньше видели?

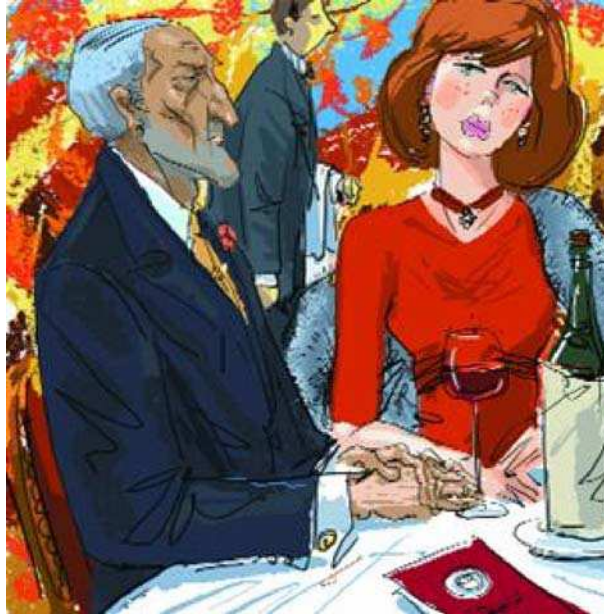
Дики отхлебнул вина и задумался. Мне показалось, что молодой человек мысленно перебирает в памяти сотни гостиничных номеров.

– Девушку не видел, – угрюмо признался он, – но эта штучка в моем вкусе. Пойду, пожалуй, разгону ее тоску. Не могу спокойно смотреть, как маются рыженькие ангелочки.

– Боюсь, вам не преуспеть, – сказал я. – Барон избегает общения. Он сторонится людей.

– Определенно в моем вкусе, – зачарованно повторил Дики и встал. – Следите за мной. Моряки бьют точно в цель.

И мы стали смотреть за ним. Он нас поразил. Подойдя к столику барона, он улыбнулся и легко и непринужденно завязал разговор. Барон встал, улыбнулся в ответ и поклонился. После чего рыжеволосая красотка поднялась со своего места и через мгновение наш лейтенант и пассия барона уже замерли на танцплощадке в оцепенении, близком к трупному. Я следил за Дики и заметил, что он не утратил навыков завсегдатая балов. В вальсе он по-прежнему вцеплялся в партнершу намертво, а в прочих танцах держал ее медвежьей хваткой.

Морти пнул меня локтем в бок.

– Моя теория подтверждается, – сказал он.

– Что за теория, о мудрейший из мудрейших? – спросил я.

– Я с самого начала был уверен, что барону на рыжих плевать с высокой колокольни. – Морти утер со лба пот. – Наш бывалый моряк пошел в лобовую атаку, а барон даже глаз не приоткрыл, даже головы не повернул.

Через двадцать минут Дики вернул растрепанную красотку на место подле барона, а сам уселся рядом. За нашим столиком несколько придушенных налогами граждан обсуждали, куда катится мир. Но эта жизненно важная тема меня нисколько не занимала. Я ждал, когда лейтенант доставит нам информацию о бароне Корфусе. Однако я с изумлением заметил, что наш Дон Жуан, похоже, утратил интерес к рыженькой лани. И он, и «штучка в его вкусе» сидели, не обращая друг на друга никакого внимания, и, открыв рты, слушали загадочного барона.

В час тридцать пять Дики вернулся из холла и присоединился к нам. Борцы с налогами решили набраться ума у членов клуба биржевиков, и мы с Морти остались в одиночестве.

– Мама дорогая! – воскликнул Дики. – Ну и персонаж! Впервые встречаю такого головастого старикана!

– Как вам удалось его обаять? – спросил я.

– А, это... – усмехнулся Дики. – Старый трюк. Я представился и сказал дедуле, что поспорил с вами, джентльмены, на полтинник: добьюсь ли я от него разрешения потанцевать с его очаровательной спутницей. Прием сработал. Мне помогло то, что старикан вас знает и терпеть не может. Прямо-таки заходится.

– Кого знает? – уточнил я.

– Доктора, – ответил Дики. Морти просиял. – Он ненавидит психиатров, – продолжал Дики. – Уж не знаю, интересно ли вам это.

– Крайне интересно, – сказал Морти.

– О чем он говорил? – спросил я, пока Дики утолял жажду.

– Это фантастика! – вскинул голову Дики. – Крупнейший специалист по нацизму. Он их всех знает – Геббельса, Геринга, Гитлера. Всех шишек. Дома у них бывал. Б-г мой, я таких историй в жизни не слышал!

– Например? – поинтересовался я.

– Ему известна их закулисная жизнь, – сказал Дики. – По-вашему, это не занимательно? По мне, так очень. Ну, знаете – кто с кем любовь крутит и, вообще, что эти сволочи фашисты несут, когда разоткровенничаются.

Это хотя бы объясняло пристрастие барона к рыжим. Наш таинственный герой знал интимные подробности из жизни врагов, а также сразил Дики рассказами про поведение этих монстров в домашней обстановке.

– Мама дорогая! – восторженно воскликнул Дики. – Я же телефончик у нее забыл взять. Тьфу ты!

– Сидите спокойно. Завтра вечером она вернется, – пообещал я. – А что она рассказывала о его светлости, пока вы танцевали?

– Она не болтушка, – сказал Дики, томно глядя в сторону холла. – Но какова цыпочка, а? Немножко похожа на Эви, вам не кажется?

– Которая из них Эви? – спросил я.

– Та рыжая красотка, что в прошлом году сменяла меня на кино, – сказал Дики. – Я тогда отходил после романа с мисс Коллиган. Б-г мой, как же мне тогда было погано! Я их нахожу, а Голливуд их у меня уводит.

– Мисс Коллиган вы тоже успели покорить? – осторожно спросил Морти.

– Это я был сражен наповал, – вздохнул Дики. – Г-споди, да я б на ней женился – если бы она подождала.

– А какого цвета волосы были у мисс Коллиган? – хитро осведомился Морти.

– Рыжие, – ответил Дики. – Такой красотки я больше никогда не встречал. Ну да ладно, всего в жизни не добьешься... Что ж, до встречи! – и Дики стал пробираться в другой угол зала.

– Что ж, – сказал Морти, – мы выяснили кое-что существенное. Барон знает, кто я такой, и терпеть меня не может. По-моему, это бесценные сведения.

– Разве что для вашего досье, – сказал я. – Лично меня куда больше заинтересовала его дружба с нацистами.

– Это всё вранье, – сказал Морти. – Никаких нацистов он не знает. И никогда не встречался ни с Геббельсом, ни с Гитлером. Он просто пользуется простодушным интересом американцев ко всякого рода сплетням, чтобы тем временем плести свою интригу. И его неприязнь ко мне это полностью доказывает.

– По-моему, это всё ваши фантазии, – сказал я. – Мне ничего такого не показалось.

– Друг мой, – ответил с довольной улыбкой Морти, – этот человек что-то задумал и жутко боится, что я его раскушу. Все психи так ко мне относятся.

Морти ликовал, пот тек с него градом.

– Они же телепаты, – продолжал он. – И всегда чувствуют, если кто-то видит их уловки насквозь. Вот что мучает барона. Он понимает, что я знаю про его навязчивые состояния и скоро, очень скоро докопаюсь до их причины.

Безмерно довольный собой мыслитель – к этому времени он совсем взмок – даже сам взял счет, хотя была моя очередь платить.

За следующую неделю мы не приблизились к разгадке тайны. Успехов добился лишь Дики Малкен: его отношения с рыжей красоткой уже обсуждались в колонках светской хроники. Я-то рассчитывал, что лейтенант станет нашим агентом и поможет приоткрыть завесу, за которой укрывался барон. Ничего подобного. Дики рассказывал лишь об уникальной живописной коллекции барона и о его антипатии к Морти.

– Я предлагал собраться всем вместе, – сказал Дики, – но он не выносит психиатров. Док, вы не злитесь? – И Дики подмигнул мне.

– Нисколько, – ответил Морти и тоже подмигнул мне. – Кто ж любит проныр-психиатров!

Дики весело фыркнул и отправился прокладывать путь к танцплощадке.

На следующий вечер занавес, за которым мы так пристально следили, начал наконец подыматься. Он поднялся ровно настолько, чтобы мы успели уловить, в чем заключается замысел пьесы. Главным героем должен был стать дядюшка Альберт Малкен, самый знаменитый из родственников Дики.

Достопочтенный и одряхлевший Альберт редко захаживал в столь безвкусные притоны, как «Эль Гранада». Он принадлежал к эпохе, конец которой положило дьявольское изобретение, а именно подоходный налог; эта эпоха также была знаменита тем, что относилась к греху настолько серьезно, что таила его в никому не известных особняках, на засекреченных яхтах и открывала лишь в автобиографиях. Дядюшка Альберт, спустивший миллионы на любовные утехы, не мог смириться с тем, что теперь их можно купить открыто, причем всего лишь за бутылку шампанского; не исключено, что этим отчасти объяснялась его неприязнь к заведениям вроде «Эль Гранады».

Его появление в тот вечер вызвало в сверкающем огнями зале волнение, ибо мистер Малкен был не просто знаменитостью, пришедшей похвастаться знакомством с другими знаменитостями. О его давних сделках на Уолл-стрит, равно как о любовных историях, скандально прогремевших на весь мир, ходили легенды; он был видением из прошлого – вроде Сатаны в красном трико, и нынешние денежные мешки испытывали к нему ностальгическое почтение. При виде его завсегдатаи «Эль Гранады» вспоминали рассказы о замках на берегах океана, вершинах гор и главных улицах, вспоминали о Рембрандтах и Рафаэлях, раздаренных проституткам, об обвале рынка зерна и о том, как кто-то кого-то застрелил на премьерке в опере.

Лейтенант, ловко лавируя, провел седоусую и краснолицую легенду через кишасый людьми зал. Он поддерживал легенду за локоть, и лицо его излучало почтительность – он словно сопровождал аббата к алтарю. Дядя с племянником остановились у столика, где сидел наш любитель камелий. Знакомство состоялось, и к столику были приставлены еще два стула.

– Что ж, друг мой, – мрачно заметил Морти, – хотя бы первая часть тайны раскрыта. Отныне Тициановых сирен мы можем во внимание не принимать.

И он лихорадочно утер пот.

– Мы с вами парочка кретинов, – подытожил он. – Б-же правый, как же это я сразу не догадался! Какая же я дубина!

– Но вы же разгадали намерения барона, – попытался утешить я ученого.

– Только относительно Дики, – хмуро бросил Морти. – Я понял, что рыженькие – это приманка, на которую ловят нашего героя-моряка. И еще понял, что барон изучил ситуацию – а это для иностранца не так просто – и выяснил, что Дики заиклен на рыжих дамах. А вот что Дики – это мостик к дядюшке Альберту, я не догадался.

– Вы совершенно правы, – сказал я. – Теперь это очевидно. Наш барон подцепил Дики на рыжую девицу. И потом использовал Дики в качестве приманки для дядюшки Альберта. А уж для дядюшки Альберта приготовят наживку посерьезнее.

Барон с мистером Малкеном сидели у обитой атласом стены и мирно беседовали. Красное морщинистое лицо мистера Малкена светилось старомодным плутоватым добродушием. Он, похоже, что-то настойчиво предлагал барону, а тот, обаятельно улыбаясь, отказывался.

– Меня вот что смущает, – внезапно сказал Морти. – В том, что происходит, не чувствуется никакого безумия. А ведь должно. Должен разворачиваться сценарий, сочиненный маньяком. Так нет же. Всё до идиотизма логично.

Морти взглянул на барона так, как смотрит врач на изворотливого пациента.

– Нас водят за нос, – вздохнул он. – Если этот человек жулик, я – мастер по педикюру и не более того. – И Морти пронзил барона негодующим взглядом.

На следующий вечер, когда мы добрались до своего насеста в «Эль Гранаде», нашего таинственного героя как раз усаживали за столик.

– Интересно, каков будет следующий шаг? – сказал я, глядя, как Ганзо с подогретой чаевыми заботой ведет барона с рыжей к атласной стене.

– Похоже, в нем примем участие мы, – шепнул Морти. – Этот тип глядит на нас и весь светится – словно мы его собрались по Ордену лосей2.

Я обернулся, и моему взору предстала поразительная картина. Улыбка барона Корфуса была вне всякого сомнения обращена к нам, а Ганзо направлялся к нашему столику.

– Вон тот джентльмен, – сообщил Ганзо, – то есть барон Корфус, приглашает вас за свой столик.

– С превеликим удовольствием, – Морти был само дружелюбие.

Ганзо поклонился и улыбнулся – как добрая фея, выполнившая свою миссию.

Мы протиснулись к столику барона.

Голос его подходил к его облику не меньше, чем камелия в петлице. Его доброжелательная, с легким акцентом, речь выдавала в нем человека умного и тонкого, выучившего английский, вращаясь в самом изысканном обществе.

– Мне кажется, что мы с вами давнишние друзья, – сказал он, когда наше знакомство с рыжеволосой мисс Аннабеллой Уилкерсон состоялось и мы уселись. – Ваши лица мне удивительно знакомы. Так же, уверен я, как и мое вам.

Это была явная насмешка – мы ведь несколько недель не сводили с него глаз.

– Да, – согласился Морти, – мы уже довольно давно интересуемся друг другом. Должен признаться, я и мой спутник с первого вашего появления здесь ломаем голову над разгадкой вашей тайны, и нас это очень увлекло.

Мне показалось, что он уж слишком прямолинеен, но барон пришел в восторг.

– Вот уж не думал, что психиатров можно озадачить, – сказал он. – Я думал, люди для них – открытая книга, причем мало приятная.

– Открытая, – радостно принял вызов Морти. – Только на расстоянии читать трудновато.

Барон кивнул и попытался сделать вид, что эти слова его насторожили. Глаза его озорно и весело поблескивали из-под опущенных век, и это меня озадачило. Меня, но не Морти. Морти явно понимал, что происходит. Он и сам, под стать барону, пребывал в игривом расположении духа, и оба они напоминали мне готовых к бою боксеров, с наглой усмешкой взирающих друг на друга. Мы заказали вина, и я завел с рыжеволосой мисс Уилкерсон беседу о Дики.

– Ой, да знаете, – по-южному тягуче протянула мисс Уилкерсон, – все эти моряки такие одинаковые, правда ведь? Не хочу никого обижать, но моряки всегда моряки, разве нет?

Барон улыбнулся без тени насмешки.

– Я нахожу, что здесь весьма забавно, – продолжил он свою мысль, – но в то же время это место навевает грусть.

– Почему грусть? – спросил я и получил от Морти пинок по ноге, смысла которого не понял.

– Грустно видеть, как мало нынче значат богатые люди, – сказал барон. – И во что превратилось понятие о роскоши. Вот всё, что осталось. – Он обвел задумчивым взглядом зал и продолжил: – Некогда роскошь была целью, к которой стремились все разумные люди. А теперь мы немного стесняемся ее, нас пугают ее изысканные одежды, ее забавы. Очень жаль, что теперь мир боится мечтать о роскоши.

– Не роскошь ушла из мира, – Морти вытирал лицо и из-за платка как школьник косился на собеседника, – а прежнее понимание роскоши: очень много, но для избранных. Сейчас вырабатывается новая трактовка: понемногу, но всем.

– Думаете, – сказал барон, – можно бесполезные вещи выдавать по карточкам, а безделье распределять поровну? Я в этом сомневаюсь.

– Почему вы пригласили нас за свой столик? – внезапно спросил Морти, и я обрадовался, что разминка наконец закончилась.

– Ученые любят прямоту, – усмехнулся барон. – А вот и вино. Может быть, сначала выпьем?

Очаровательная мисс Уилкерсон радостно заворковала:

– Обожаю шампанское... Оно расковывает. Правда-правда.

У РАББИ НАТАН ШПИРО, КРАКОВСКИЙ КАБАЛИСТ XVII ВЕКА

נתי אהי אלהינו

1.

В развитии иудаизма можно наблюдать одно повторяющееся явление. Каждый раз, когда раввины доходили до крайностей в своем стремлении «оградить закон» цепью обрядовых предписаний, сдавленное религиозное чувство вырывалось из-под тяжести ритуальных установлений и проявлялось преимущественно в форме мистического движения. И если мистицизм не вступал в открытую борьбу с раввинизмом, то, по крайней мере, пытался ослабить влияние его окаменелых догматов, вдохнуть в его иссушенный организм свежую струю непосредственных эмоций.

Это явление еврейской истории повторилось и в первой половине XVII века. «Шулхан Орух», последний по времени кодекс раввинского иудаизма, был воспринят евреями всех стран как нечто, данное свыше и не допускающее никакой критики. Особенно велико было его влияние в Польше, где он нашел твердую поддержку у виднейших ученых, обогативших его многими дополнениями (как Рамо) или составлявших по его образцу свои труды (например, труд Мордехая Яффе). При поддержке представителей польского еврейства «Шулхан Орух» послужил поводом к перемирию между сефардами и ашкеназами, ведшими между собой постоянную борьбу за духовную гегемонию. Первоначальное смущение, вызванное в Польше тем обстоятельством, что автором «Шулхан Оруха» был сефард (Йосеф Каро), совершенно исчезло после того, как этот кодекс был признан и местными учеными. Авторитет его был воистину велик; один крупный раввин XVII века даже объявил: «Изменить что-либо в “Шулхан Орухе” так же недопустимо, как в Торе Моисеевой».

נתי אהי אלהינו עבודת אלה XIV א

Почти одновременно в среде ученых возникло стремление совершенно иного характера – стремление к изучению кабалы. Увлечение кабалой было так сильно, что вызвало нарекания со стороны раввинов.

В ранний период развития еврейской духовной культуры в Польше раввинизм и кабала выступают не в качестве враждебных друг другу сил; за редкими исключениями оба течения идут рядом, воздействуя друг на друга. Среди еврейских раввинов встречается немало поклонников мистики. У одних склонность к науке берет верх над интересом к мистике – как, например, у Йосефа Каро и Мойше Иссерлиса, бывших кабалистами и вместе с тем отдававшихся созданию «Шулхан Оруха»; у других кабалист пересиливает раввина. К последнему разряду принадлежал и рабби Натан Шпиро, один из родоначальников кабалистического движения в Польше.

Рабби Натан родился в 1585 году в семье раввина Шлоймо Шпиро; дедом его был известный раввин Натан Шпиро I, раввин Гродно (умер в 1574 году), автор нескольких ученых трудов. Семья, в которой появился на свет рабби Натан, происходила из общины немецкого города Шпир, игравшего видную роль в истории евреев Германии в Средние века. Отсюда и фамилия семьи – Шпиро (позже – Шапиро). Сын и внук раввинов, юный Натан воспитывался на Талмуде и работах его комментаторов и выказал при изучении великой книги замечательные способности. «Г-сподь наградил его, – пишет о нем сын, рабби Соломон, – способностью к знанию и изумительной памятью, подобной которой не обладал никто». Однако Натан не довольствовался одной только официальной раввинской наукой: он углубился в изучение астрономии, философии и кабалы; заинтересовался еще и еврейской грамматикой.

Кто были его учителя? Это до сих пор не выяснено, ибо об этом не сказано в его трудах. Надо полагать, что свое образование Натан получил в Кракове, где поселился, женившись на дочери Мойше Иеклиса, почтенного местного жителя. Краков являлся в то время центром еврейской учености, местопребыванием авторитетов в области догматической и тайной наук, и эта среда оказала благотворное влияние на умственное развитие рабби Натана.

В 1617 году, 32 лет от роду, рабби Натан был избран на пост главы краковской ешивы вместо умершего Мойше Марголиса. Вместе с тем на нем лежала обязанность ежесубботно произносить в синагоге проповеди для народа.

Здесь мы наталкиваемся на ту раздвоенность рабби Натана, которая вообще характерна для раввинов-кабалистов. Свой ум талмудиста он отдавал слушателям ешивы: читал им Талмуд с его многочисленными комментариями. Народной же массе, которой чужда премудрость Геморы и Турим, но которая глубоко проникнута внутренним чувством веры или мистическим настроением, он отдавал свою душу кабалиста, разъясня «высокие откровения, почерпнутые из Зоги и прочих мудрых и назидательных книг».

В рабби Натане «тайная мудрость» кабалы явно брала верх над ученостью талмудиста, и свои труды он посвящал преимущественно кабале. Рабби Натан только в качестве кабалиста и стал известен. Он был таковым не в одних своих трудах, но и в жизни, в религиозной практике. Народная фантазия окружила его имя легендой. Каждый раз – гласила молва – с наступлением ночи рабби Натан вставал для полуночного бдения и молитв («Тикун хацойс»), оплакивая разрушение Храма, голос Израиля и Шхины. «Душа его молила об искуплении мира царством Б-жьем». Со слезами пел он раздирающие сердце гимны о «восстановлении развалившегося шатра Давида». Его голос был услышан, и однажды представший перед ним в видении Илия-пророк возвестил ему, что ангелы небесные, слуги Всевышнего, пользуются его напевами в своих скорбных молитвах о судьбе разрушенного Храма и Израиля. Народ до того верил в праведность рабби Натана, что не сомневался в истинности этой легенды; указание на нее было даже сделано в надписи на его надгробном памятнике.

עַיִן הַחַיִּים נֹאדִיעַ נְהִי אִתָּא עֲדַעִי אֵי

Рабби Натан был человек высокой нравственности. Щедрый благотворитель и покровитель нуждающихся, он оставался чужд корыстолюбия и ничего не брал у общины за свои труды. «Он давал другим, сам ничего не получая». Другой отличительной чертой его характера была необыкновенная скромность. Сыновья рабби Натана, Шлоймо и Мойше Шпиро, пошли по стопам отца. Особой известности достиг рабби Шлоймо, еще ребенком подававший большие надежды. Имея от роду всего семь лет, рассказывает о нем его отец, он произнес однажды публичную проповедь на кабалистическую тему; еще молодым он был избран на пост раввина и рош-ешивы в Сатанове, где во времена Хмельничины, в 1648–1649 годах, пал мучеником за веру. Известный рабби Шабси Коган в своих элегиях на смерть мучеников Хмельничины так отзывается о рабби Шлоймо: «Близкий мне великий гаон Шлоймо, рош-ешива и раввин Сатанова, был еще молод, но мудр; его слова рассекали небеса и пронизывали пучины».

Наибольшей известности среди многочисленных учеников Натана Шпиро достигли упомянутый рабби Шабси Коган, воспитывавшийся у него в доме «как родной сын» и сохранивший память о нем как о «святом муже, уста которого извергали пламя», и Берехья-Берах.

В 1633 году рабби Натан Шпиро умер. На его могиле имеется следующая надпись: «Здесь погребен Б-жественный святой муж, древним подобный, разоблачивший глубокие и сокровенные тайны; тот, о котором молва говорит, что Илия-пророк беседовал с ним лицом к лицу, – ученый раввин и глава ешивы блаженной памяти Натан-Нота бен Шлоймо Шпиро. Скончался в среду, 13 ава 1633 года от сотворения мира. Да будет душа его связана узлом жизни».

Рабби Натан умер во цвете лет, но слава о нем как о выдающемся кабалисте уже широко распространилась; он имел несомненное влияние на виднейших кабалистов того времени.

Перейдем теперь к рассмотрению кабалистической системы рабби Натана и тех влияний, которые определили его мирозерцание.

יְאִוְדֵי אֵלָּא דְאִיֵּי יְאִוְדֵי אֵלָּא דְאִיֵּי

2

Кабала, продукт еврейской мистики, не мыслит вещь в ее материальном, внешнем проявлении; всё видимое имеет для нее свою символическую, таинственную сторону. Она отказывается верить, что всё, рассказанное в Торе, следует понимать просто, в прямом смысле. «Мыслимо ли, – восклицает “Зогар”, – чтобы Всевышний, Владыка Вселенной, для составления Торы набрал обычные, вульгарные слова, разговоры Эсава, Агари, Лавана, валаамовой ослицы и самого Валаама, Балака и Зимри – и из них и всяких других рассказов сотворил Тору?» Нет, «слова Торы – это слова надземные, полные небесной тайны»; рассказ Торы – это только внешнее одеяние, под которым скрыта душа, ибо мир состоит из «внешнего покрова, тела и души». «Только глупцы дальше внешнего покрова, т. е. библейского рассказа, не видят, бессильные проникнуть в то, что является его живым духом. Надо уметь проникнуть и понять таинственную глубь вещей, ибо истинная сущность вещей не такова, какой она нашим глазам представляется... Горе

грешным, видящим в Торе только простое собрание рассказов и не проникающим дальше внешнего покрыва!»

Идея эта, начало которой имеется еще у Филона Александрийского и его последователей, заставляет всех кабалистов искать в каждом слове Торы таинственный и сокровенный смысл – не только в ее рассказах, но и в предписаниях и заповедях. Понимать и исполнять предписания святой Торы только в их прямом, формальном толковании есть удел грубых умов и недальновидных простолюдинов, говорит известный кабалист Авраам Абулафия, только посвященным в Б-жественную мудрость дано разгадать ее таинственный смысл. Ценность практической заповеди, говорит другой кабалист, Мойше Кордоверо, в заповеди отвлеченной, то есть в ее духовной субстанции. Например, слова «Нельзя пахать волом и ослом совместно» (Второз. XXII, 10) надо понимать в том смысле, что «нельзя воедино сочетать две нечистые силы, две клипы»; предписание Торы о ношении «цицис» таит ту идею, что в Царство Небесное проникнет свет и украсит его четырьмя крылами, по счету четырех «цицис».

Первые кабалисты смотрели только на Тору, ее рассказы и заповеди как на внешний покров для мистерии и символов. Кабалист же Ицхак Лурия (Ари; родился в Иерусалиме в 1534 году) шел дальше: он на весь мир смотрел как на облачение, окутывающее многообразную в своих проявлениях мистическую субстанцию. Не только Тора – всё мироздание является в его глазах одним большим таинством. Всё материальное – человек и животное, огонь и вода, кусты, деревья, камни – получает для него символически одухотворенный облик. Видимый мир есть оболочка витающих душ, ищущих осуществления известной высшей цели. Лурия знает тайну этих душ, их путь в мир, их начало и стадии минувших и предстоящих перевоплощений. Он взглянет человеку в лицо и сразу узнает, чья душа в нем перевоплотилась: Ицхак Делатес (кабалист-современник) таит «искру души» древнего праведника; в Йосефе Витале (отец его ученика Хаима Виталя) есть «искра» Эзры; в Мойше Алшейхе воплотилась душа Шмуэла бен Нахмани, в Мойше Кордоверо и Элияу де-Видас – душа Зхарии бен Иеоада, в Хаиме Витале – душа из Б-жественно излученного мира, нетронутая первородным грехом. Сам он, Ари, таит в себе искру души пророка Моисея и вместе с тем является перевоплощением Мошиаха бен Йосефа, предтечи Мессии.

Ἐἰς ὁμοίωσιν Νετάρων Ἐπιπέτα Ὁμοίωσις. Ἐπιπέτα Ἰσραήλ ἱερέατα XVII α

Ари раскрывает источник душ всех библейских, талмудических и послеталмудических праведников. Бродит ли он со своими учениками за городом, по полям и лесам, плавает ли по морю – всюду и во всём, в говоре волн, в шепоте деревьев, в качании ветвей и пении птиц ему видятся полчища душ, слышатся голоса их, ищущих совершенства, искупления. Он бродит со своими учениками по Святой земле, среди могил праведников, особенно часто уходя на «святую могилу» в Мерон, где покоится прах Шимона бен Йохая, и всюду видит он души погребенных, слышит их шепот.

Эти идеи имеют свои корни в учении о «гилгуле» или метемпсихозе, разработанном раньше в теоретической кабале; но у Ари это учение приняло своеобразную форму и стало центром всей его кабалистической системы, названной им «Ойлом а-तिकун» (мир усовершенствования, очищения).

Все души – учит он – во всех своих видах были первоначально сосредоточены в прародителе Адаме, в момент его появления на свет; одни из них гнездились в его голове, другие – в его глазах, во всех порах и членах его тела. В этих первобытных душах господствовало начало добра. Но после грехопадения «добро и зло смешались», и ныне мир полон чистыми душами, перемешанными с «искрами» зла, и душами нечистыми, злыми, перемешанными с искрами добра и святости. Душа, скованная в телесной оболочке («клипе»), пропитывает своими Б-жественными соками и нечистую оболочку. Так ствол дерева передает живительные соки плодам, листьям и коре. От этого процесса пропитывания тела душой зависит пришествие Мессии, которое наступит только тогда, когда «процесс очищения душ, разграничения добра и зла окончательно завершится».

К дифференциации добра и зла ведут, по учению Ари, два пути: «гилгул» (переселение душ) и «ибур» (прививка души). «Гилгул» есть переселение уже бывшей на земле души в тело новорожденного ребенка; от рождения до смерти душа обречена делить с телом все мытарства и превратности его судьбы. «Ибур» – это внедрение добавочной души в уже живущего, зрелого человека, подобного в тот момент беременной женщине, носящей в себе новую жизнь. Таким образом, в человеке заключены две души: «одна – с момента его рождения, другая – зачавшаяся в нем в зрелом возрасте». Бывают два типа «ибура»: или вновь зародившаяся в зрелом человеке душа пребывает в нем ради себя самой, движимая потребностью выполнить заповедь – мицву, не выполненную ею на пути ее прошлых перевоплощений, или она вселяется в человека ради его собственного спасения, дабы поддержать его и на истинный путь наставить. Первая душа заполняет всё существо человека в качестве его основной духовной субстанции и остается в нем до той поры, пока ей не удастся удовлетворить свою потребность и выполнить искомую мицву, и только выполнив ее, она может покинуть тело человека. Вторая же душа свободна от обязательного участия в страданиях и невзгодах тела; не имея определенного срока пребывания в данном теле, она остается лишь до той поры, пока человек идет по праведному пути добра, «и чем праведнее человек, тем теснее связывается с ним эта душа». Но стоит человеку свернуть на путь греха, «душа отлучается от него и уходит». Таким образом, этими двумя путями, именующимися «гилгул» и «ибур», идет выделение добра из зла и фильтрация самого добра. «И с той целью, – говорит Ари, – Израиль и Шхина (дух Б-жий) рассеяны по всему миру среди семидесяти различных народов, чтобы не погибли праведные души, перемешанные с “клипой”, у тех народов, среди коих евреи рассеяны, – у египтян, вавилонян и им подобных. Своей притягательной силой находящаяся в голусе Шхина должна извлечь погрязшие в нечистой силе праведные души, связать их с собой и искупить в очистительном огне своей святости». И только тогда, когда эти души все будут извлечены из облакающей их «клипы», наступит время исхода Шхины из голуса. И в этот момент всеобщего очищения, «когда прекратится смешение двух начал в мире и скорлупа зла отпадет от ядра добра, наступит пришествие Мессии».

Óðááí áí ò áèí ú. Nò áðáý ñèí áááá Èðáèíáá

Учение об «Ойлом а-тикун» на основах «гилгул» и «ибур» занимает центральное место в кабалистической системе Ари; оно широко разветвляется путем метода толкования начальных и конечных букв, буквенных чисел, буквенных сокращений и словосочетаний – атрибутов кабалы вообще, а системы Ари – в особенности. Исходя из него, Ари приходит к своей мистической идее об «искуплении мира Царством Б-жиим» посредством преодоления плоти, аскетического воздержания, проникновенной молитвы, при которой внимание сосредоточено на каждой букве как оболочке некоего таинственного «имени», некоей «сферы», и прочих мистических способов. Школа Ари выработала этот странный кодекс обрядов в духе кабалы – нечто, противоречащее духу кабалы как учения иррационального, не укладывающегося в формальные уставы. Кабалисты палестинского города Цфата, местопребывания Ари, – Мойше Кордоверо, Йосеф Каро, Шломо Алкабиц, Мойше Алшейх, Элияу де-Видас и другие сторонники умозрительной кабалы – не обратили сначала внимания на новую теорию Ари. Но постепенно, в особенности после смерти Ари (в 1572 году), его учение о «практической кабале» широко распространилось, приобретая многих последователей, и влияние его росло с каждым днем. Ученики Ари, «детеныши Льва» («гурей а-Ари»), разбрелись по разным странам, всюду проповедуя и популяризируя теории своего учителя. На Запад «практическая кабала» была занесена учеником Ари – Исраэлем Саруком, отправившимся из Палестины в Италию, тогдашний центр кабалы, с целью распространить новую теорию. И его усилия увенчались полным успехом: даже итальянский кабалист Менахем-Азария де-Фано, до тех пор ярый приверженец системы Кордоверо, перешел на сторону арианцев. Таким путем кабалистическая теория Ари достигла и Польши.

Интерес польского еврейства к вопросам кабалы проявился еще до того, как учение Ари дошло сюда. Известный Рамо (умер в Кракове в 1572 году) писал по этому поводу: «Многие из простонародья набрасываются на вопросы кабалы, которая стала ныне модой; особенно охотно хватаются за самоновейших кабалистов, которые обнародовали и популяризировали в печати свои теории. В последнее время, с появлением печатных трудов по кабале, всякий может просветиться в кабале. Знаатоками в кабалистических вопросах стали теперь не только люди ученые, но и простые, совершенно невежественные, темные, не умеющие толком разобраться даже в Библии при помощи комментария Раши, – и эти хватаются за изучение кабалы». Приблизительно то же пишет и Рашал (умерший в 1573 году): «Различные выскочки стали претендовать теперь на звание приверженцев кабалы и тайной мудрости». При таких обстоятельствах учение Ари могло найти массу последователей в Польше, где почва уже была подготовлена для мистического посева.

Интерьер Старой синагоги Кракова. Ограда. Фрагмент.

И арианская теория кабалы действительно нашла твердую почву в Польше. Этому в значительной мере благоприятствовали особенности социального положения евреев в Польше в ту эпоху. В первой половине XVII столетия положение евреев стало здесь значительно ухудшаться – благодаря

наступившей католической реакции. Безграничное господство иезуитов выразилось в целом ряде ритуальных обвинений, разжигавших католический фанатизм против евреев. Появились грозные призраки массовых движений: в 1592 году в Вильно, столице Литвы, разразился погром против евреев, а в Познани в первые десятилетия XVII века участились нападения черни на еврейские кварталы. Ритуальные процессы протекали в чисто инквизиционной обстановке. В Люблине в 1598 году три еврея, обвиненные в ритуальном убийстве, подвергнуты инквизиционным пыткам и приговорены к четвертованию. Приговор этот был торжественно приведен в исполнение посреди религиозных процессий иезуитских монахов и ликующих возгласов нафанатизированной толпы. Ко всему этому прибавилась и литературная агитация: польские клерикалы распространили в народе ряд книг, полных злобных инсинуаций против евреев и иудаизма. Почти во всех городах Польши ученики иезуитских школ («шиляры») буйствовали и производили нападения на евреев.

И вот в эти мрачные дни в среду польского еврейства проникла арианская «практическая кабала», проникнутая скорбью о муках «голуса» и задававшая целью приблизить наступление «конца» – пришествие Мессии. Идеи мессианской кабалы Ари сразу привлекли к себе внимание польских евреев. Истрадавшиеся в настоящем, они находили в этом учении утешение и надежду на счастливое избавление в будущем.

Выдающимися представителями арианской кабалы в Польше в первой половине XVII века были трое ученых: рабби Натан Шпиро, рабби Иешая Горовиц, рабби Шимшон из Острополя. В конце XVII века их дело продолжил рабби Нафтали Кац в Познани.

Ī ēīī : āī ēā īēāīō

ЛЕВИНА ЖЕНИТЬБА

Яков Шехтер

Окончание. Начало в №1, 2005

Увы, внешность предполагаемой невесты оказалась куда прозаичнее голоса. Каждая из черт ее лица сама по себе казалась вполне симпатичной, но, собравшись вместе, они никак не могли превратиться в единое целое и словно спорили, кто главнее. Нос с горбинкой соперничал с крупными, чуть навывкате глазами, подбородок, украшенный ямочкой, выступал из пунцовых щек, мохнатые гусеницы бровей будто старались переползти через лоб, покрытый темным пушком, и соединиться с жесткой щеткой иссиня-черных волос.

Левино настроение ухнуло в глубокую яму, и, как Злата ни старалась развеселить его забавными вопросами, ничто не помогало. Поддерживая беседу и даже стараясь чисто автоматически произвести хорошее впечатление, он изо всех сил пытался отыскать в предполагаемой невесте хоть какую-нибудь симпатичность, чтобы уцепиться за нее, вырастить, поднять в себе внезапно исчезнувшую влюбленность. Со стороны их разговор мог показаться оживленным и даже остроумным, но внутри Левиной души всё гуще сходились свинцовые тучи безразличия.

Следующее свидание тем не менее он назначил через два дня, и Злата согласилась с явной охотой и нескрываемым интересом. Распроцавшись перед парадным, уже отходя, она вдруг обернулась и сказала со смешком:

– А ты мне нравишься. Действительно симпатичен, не обманули свахи.

Ах, если бы он мог ответить ей тем же самым!

Два дня он старался не думать о будущей встрече, но мысли всё время сбивались, убегая в сторону «самолета» и подбородка с ямочкой.

«Внешность не главное в жене, – убеждал себя Лева. – Человек она явно хороший, с юмором, и по мировоззрению вполне подходящая. А что не очень нравится, наверное, тут всё дело в привычке. Через три-четыре встречи ты притерпишься и перестанешь даже замечать, что куда выпирает и чему не соответствует. Вот фигура у нее хорошая, это да, талия, бедра, ну и всё такое прочее. Смотри на фигуру».

Увы, но психотерапия работала недостаточно хорошо. Лицо Златы вызывало у Левы устойчивое отвращение. Во время прогулки он старался не отводить глаз от фигуры, отыскивая в ней всё новые и новые достоинства.

– У меня что, платье порвано? – спросила Злата в конце свидания.

– Да нет, – испуганно ответил Лева, сразу сообразив, в чей огород камушек.

– Так чего ты меня разглядываешь с таким вожделием? – усмехнулась Злата. – Тебе разве не объяснили, что так пожирать глазами девушку просто неприлично. Даже в нерелигиозном обществе. А у нас тем более...

Несмотря на укоризненный тон, глаза у Златы блестели, ей явно нравился столь неприкрытый интерес к ее женским прелестям.

Не зная, как выпутаться из неловкого положения, Лева пролепетал первое, пришедшее ему в голову объяснение и с ужасом увидел, что запутывается еще больше.

– Я, понимаешь, – сдавленным голосом выдал он, – я не специально, просто ты так на меня действуешь.

Злата опустила глаза и едва слышно произнесла:

– Мне неловко такое говорить, но ты на меня действуешь точно также.

После третьей встречи Лева начал обдумывать, как бы повежливее объяснить, что он больше не хочет встречаться, но его собственные, неловко и невольно произнесенные комплименты и якобы признания не давали возможности перевести разговор на иной лад. Приученный во всем быть последовательным, он не мог вдруг ни с того ни с сего изменить линию поведения. Нужно было подготовить Злату к предстоящему разговору, а для этого требовались еще несколько встреч.

Но дело повернулось совсем другим боком. После пятого свидания раввин отвел Леву в сторону и сказал:

– Я рад, что всё складывается удачно. Очень рад. Пора назначать день помолвки.

Леву словно молотом по голове ударили. Он открыл рот, чтобы объяснить, но вместо связных предложений из него посыпались, словно шелуха от семечек, бессвязные обрывки фраз и междометий.

– Понимаю твое волнение, – остановил его раввин. – Тебе не придется ничего делать. Всё, что ты должен, это лишь сказать «да».

Лева глубоко вздохнул, собрался с мыслями и попытался внятно изложить обуревавшие его чувства.

– Это говоришь не ты, а прошлая жизнь, – раввин пренебрежительно указал подбородком куда-то за плечо, где, по его мнению, располагалось Левино прошлое. – Культура, которую в тебе взрастили, предписывает искать не супружество, а роман. Любовь, вздохи, сладкий лепет мандолины. У нас же всё выглядит иначе. Вот, посмотри.

Он снял с полки Пятикнижие, быстро пролистал его и, легко отыскав нужную страницу, прочитал:

– И ввел Ицхак Ривку в шатер матери своей, и женился на ней, и полюбил ее Ицхак, и нашел в ней утешение.

Обрати внимание на порядок действий. Сначала он ввел ее в шатер матери, то есть убедился, что она подходит ему по мировоззрению, полученному в родительском доме. Потом женился, только после этого полюбил и в конце концов нашел в ней утешение.

Вот нормальный процесс возникновения любви, не плотского вожделения, а подлинного союза сердец. Когда люди начинают жить вместе, помогать друг другу, советоваться, тогда и возникает уважение, благодарность за помощь, за участие, за радость физической близости, и как следствие – любовь. Как следствие, понимаешь, а не как причина. Такая любовь стоит на прочном фундаменте и выдержит любые испытания.

То, что произошло после этого, Лева потом считал мороком, непонятно откуда спустившимся на него наваждением. Ему вдруг показалось, будто Злата, в общем-то, вполне симпатична, и что недостатки ее внешности перекрываются достоинствами характера, и что действительно хватит ждать и выискивать, пора создавать семью, строить совместный дом, и Злата вполне подходит для этой цели, поэтому будь как будет, он согласен.

Раввин радостно заулыбался.

– Мазл тов, мазл тов, в добрый час! Слова не мальчика, а серьезного человека. Думающего человека.

Он с чувством пожал ему руку.

– И еще одно, – сказал он, не отпуская Левину ладонь. – Прошлое иной раз может разрушить настоящее. Нам, новичкам, идущим по духовному пути, запрещено оглядываться. Помнишь жену Лота? Смотри только вперед, не оглядывайся, только вперед!

Лева шел домой окрыленный. Принятое решение словно сняло с его плеч тяжелый груз. И, кроме того, раввин впервые соединил свое имя вместе с Левиным, сказав «нам», и эта новая степень причастности необычайно льстила.

– Как девочку-то зовут? – спросила Беба и, услышав Левин ответ, расплакалась.

– Мою тетю так звали, сестру отца. Вот и вернулась Златочка в нашу семью.

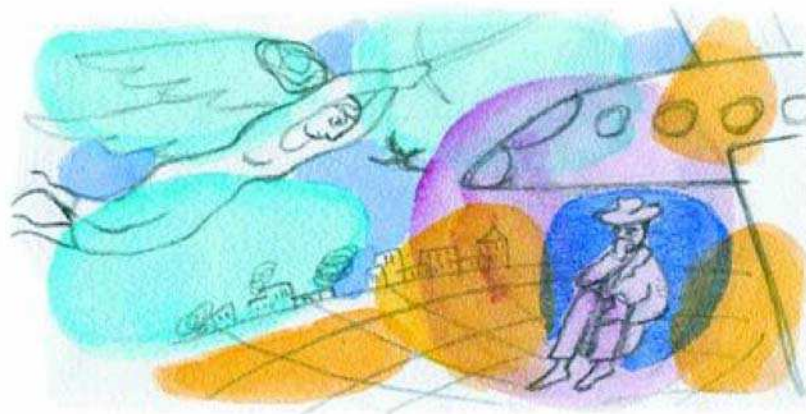
Проплакавшись, она тут же завела праздничный пирог, вертуту с творогом и изюмом, Левино любимое кушанье.

Лева проснулся посреди ночи с ощущением случившегося несчастья. Он долго не мог сообразить, откуда идет это чувство, перебирал мелкие подробности недавнего сновидения, события ушедшего дня и вдруг вспомнил.

Злата! Б-же мой, что он наделал! Кто тянул его за язык, ведь он хотел отказаться, как же получилось наоборот? Лицо Златы всплыло перед мысленным взором Левы, и он весь передернулся. Ну почему именно она, разве мало в Израиле религиозных девушек с хорошим характером! Почему он должен – как будто специально – жениться на той, которая ему неприятна!

«С утра побегу к раввину, – решил Лева, – и попробую всё остановить».

Но чувство несчастья не отпускало, и где-то в глубине души он знал, что раввин уже оповестил Злату и ее родителей, а значит, дело из его личных, Левиных дел перешло в разряд общественных и переменить что-либо будет теперь совсем непросто.

– Ты типичный молодой жених, – сказал раввин, внимательно выслушав Левину сбивчивую речь. – Так ведут себя многие юноши: в последнюю минуту им начинает казаться, будто они сделали неправильный выбор. И поскольку решение очень ответственное, они тут же впадают в панику. Психологи называют этот процесс «боязнь потерять свободу». Если ты увидишь бегущего по улице молодого ешиботника со смятением во взоре, шляпой набекрень и в пиджаке, застегнутом не на те пуговицы, знай – перед тобой испуганный жених.

Медленно возвращаясь в ешиву, Лева, с внезапно обострившимся вниманием разглядывал давно примелькавшиеся улицы: частые деревянные жалюзи старых домов, корявые от древности эвкалипты с узловатыми, похожими на корни ветвями. Форма мельтешивших, убегающих в сторону предметов вдруг начала казаться чуть ли не главнее заключенного в них смысла, того самого смысла, ради которого Лева всегда пренебрегал внешним видом. Если раньше решающим в понимании сути какой-либо вещи являлось

ее предназначение, запрятанный в глубине резон, то теперь «как», ранее таившееся на границе внимания, переместилось в центр, оказавшись чуть ли не важнее самого «что».

Учеба не шла в голову, Лева, не добравшись до ешивы, свернул на параллельную улицу и спустя несколько минут оказался у «самолета». Выбрав место на самой укромной лавочке, он расположился поудобнее и принялся по-новому разглядывать хорошо знакомый парк.

Тянул свежий утренний ветерок, и под его наплывами листья деревьев с шелестом выворачивали серебряную изнанку, смешная собачонка, подрагивая во сне мягкими, бархатистыми ушами, спала, развалившись, прямо на газоне, и по ее кремовому брюшку деловито переползали крупные черные мухи.

Каждую проходившую через парк девушку Лева придирчиво оглядывал, примериваясь, сравнивая ее со Златой. Через несколько часов наблюдений он пришел к неутешительному выводу: ему вообще никто не нравился. Женское племя раздражало его самоуверенностью, априорной убежденностью в том, что беззастенчиво выставленные напоказ прелести представляют безусловную и неоспоримую ценность. Оголенные пупки, выхляющие бедра, манерные движения рук, подведенные тушью глаза, губы в пунцовой помаде, зазывно торчащие из-под одежды ляжки нижнего белья, просвечивающие кофточки, полупрозрачные юбки – все это откровенное бесстыдство не привлекало, а отталкивало.

Проходя мимо, они по-антилопы испуганно выгибали шеи, но взгляд, взгляд которым каждая смеряла Леву, хищный, оценивающий взгляд, с головой выдавал их намерения. Он, Лева, мирно сидевший на скамейке, был на самом деле жертвой, а все эти наряды, украшения, покачивания бедер, все эти волосы, накрашенные губы и подведенные глаза предназначались для одной-единственной цели: поймать его, его, подлинную антилопу, чтобы, затасив в логово семьи, не спеша и властно справиться свое привычное дело.

Аккуратно одетая, стройненькая умница Злата по сравнению с этим наглым бабьем должна была бы выглядеть принцессой, но не выглядела.

Ах, мечтал Лева, если бы оторвать голову проходящей мимо красотке и пересадить ее на туловище Златы, он стал бы самым счастливым человеком на свете. Но о таком счастье можно только мечтать!

Судя по всему, жениться ему пока не следовало. Наверное, он еще не созрел до совместной жизни с человеком другого пола, наверное, нужно отложить, отодвинуть это предприятие на несколько лет, за туманную черту будущего. Но ведь раввин говорит, что без жены он только половинка, неполноценная долька нормальной личности. Нет, если жениться, то, конечно же, на Злате. Характером она подходит, а к внешности он притерпится как-нибудь да привыкнет. Б-г поможет!

«Конечно, конечно поможет!» – радостно подумал Лева, поднимаясь со скамейки. В конце концов, задуманное им дело он совершает не для собственного удовольствия, а повинувшись предписаниям Торы, выполняя волю наставников. Значит, всё должно утрястись и сложиться!

Успокоенный, он вернулся в ешиву. Несколько часов занятий протекли в привычном отчаянии, ужасе перед какой-то невообразимой логикой комментаторов, перед их совершенно сверхъестественным умением отыскать в понятном на первый взгляд тексте почти незаметные глазу внутренние противоречия, чтобы с их помощью обратить смысл изучаемого отрывка на прямо противоположный. Слежение за бешеным галопом мысли заставляло Леву страдать почти физически, каждый поворот в рассуждениях он воспринимал точно новое орудие пытки. Но какое же счастье, какие невозможные благодать и умиротворение воцарялись в его душе после полного разбора всех мнений. Он чувствовал себя подобным Всевышнему в седьмой день Творения, когда, отложив в сторону созданный мир, Он погрузился в блаженное чувство созерцания и покоя.

Изученная страница сияла на стендере, переливаясь красно-желтым цветом червонного золота, полосы рубинового огня мерцали в грозных колонках Тойсфойс, изумрудно светился Раши, ровно и жарко горели сапфиры ссылок на страницы «Шулхан Оруха». Его, Левины, проблемы, выглядели так незначительно и жалко на фоне этого великолепия, что он совсем успокоился и вернулся домой умиротворенным и тихим, вызвав тем самым новый приступ умиления у Бебы.

Ночь прошла спокойно, но под самое утро ему приснился странный сон. Он стоял на берегу моря, зимнего, нахмуренного моря, свинцовая вода тяжело дышала холодом, ветер остро покусывал щеки и нос. По-видимому, это было самое начало зимы, прибрежный лед еще не схватился, но его кусочки, лениво перемываемые медленно шевелящимися волнами, усеивали, вперемешку с хлопьями пены, кромку прибоя.

Не зная почему, Лева принялся лепить из пены и кусочков льда кубик, подобно тому, как лепят из пластилина. Ничего не получалось, пальцы замерзли, покраснели, шуршащая волна, незаметно подкатив, лизнула огненным холодом носки его ботинок. Лева отскочил и принялся дуть на задубевшие ладони.

– Видишь, – раздался невидимый голос, – хлопья пены и кусочки льда – слишком мягкие и слишком твердые, чтобы соединить их в одно целое.

Проснувшись в полном замешательстве, Лева долго размышлял о смысле привидевшегося сна. Объяснение напрашивалось только одно, и он, погружившись в себя, не нашел никакого противодействия этому решению. Напротив, он даже был рад, что с Небес его поддерживают, показывая знаки, явные, красноречивые знаки, не оставляющие никакого сомнения в том, как ему поступать.

После утренней молитвы он подошел к старосте «Ноам алихот» реб Вульф и попросил несколько минут для беседы.

– Женильба – это целое предприятие, – сказал реб Вульф, выслушав Левины сомнения. – С женой детей воспитывать, по ночам вставать, ухаживать за ней, если заболит, раздражение ее выносить, после скандалов мириться. Когда начинаешь с человеком жить, многое чего открывается. Со стороны не заметишь, и ни одна сваха не расскажет, даже если и слышала. Это и когда любишь тяжело, а если еле выносишь, вообще невозможно. Ты, конечно, сам решаешь, но я бы на твоём месте жениться не стал. Когда твоя пара попадет – сердце само подскажет.

– Как подскажет? – поинтересовался Лева, не рассчитывавший обнаружить романтика под прикрытием сюртука и седой бороды.

– Скакнет сердечко, – улыбнулся реб Вульф. – Стукнет невпопад. Не ошибешься, не волнуешься. Когда такое происходит – сомнений не возникает. Вообще, раввин Штарк на вопросы, жениться или нет, всегда отвечал отрицательно.

Заметив Левины округлившиеся глаза, добавил:

– Если человек такое у раввина спрашивает – значит, плохо дело. Не тот вариант. А вообще, найти свою пару – самое большое чудо на свете. Не меньшее, чем рассечение вод Красного моря.

Выйдя из синагоги, Лева вместо ешивы повернул к дому. Беба еще не ушла, собираясь на работу. Заслышав звук открываемой двери, с беспокойством оглядела Леву.

– Случилось чего? Плохо себя чувствуешь, да?

Пока Лева говорил, она молча мяла в руках новенькие резиновые перчатки. Тальк сыпался из них и, медленно кружась в воздухе, осыпался на Бебины домашние тапочки.

– Не можешь... – она тяжело вздохнула. – А я уже так привыкла к ее имени. Ну, если не можешь, так не женись. Кто ж тебя гонит? Лучше еще подождать, чем потом, как я...

Она замолчала. Серое пространство ее одинокой жизни простиралось плоское, точно зимняя пустыня. Что вспоминать, чему радоваться? Не жизнь, а выживание, вся радость, когда в конце месяца не нужно идти одалживаться у чужих людей.

Она еще раз вздохнула.

– Тут тебе никто не поможет. Себя слушай, свое сердце. Оно должно знать.

Лева вошел в свою комнату, сел на кровать и задумался. Сердце молчало. Не было в нем ни любви к Злате, ни симпатии, ни даже малейшей приязни. Только желание освободиться, поскорее закончить с ненужными, непонятно как свалившимися на его голову обязательствами.

Предстоящий разговор с раввином страшил. Всю жизнь Лева старался обходить острые углы, убегая от зреющих конфликтов еще на дальних подступах. Он чуял возможные обострения, словно охотничья собака притаившегося в густой листве перепела, и сдавал позиции задолго до начала боевых действий.

Но выхода не было, как ни крути, разговор должен состояться. Вопрос, каким способом выразить себя, не показавшись смешным или, хуже того, подлым? Да и раввин виноват: не дави он на Леву с беспощадностью пресса, такая дурацкая ситуация никогда бы и не возникла.

Как же поступить, где выход? Лева встал с кровати и принялся ходить по комнате из угла в угол. Надо бы посоветоваться. Но с кем, с кем? В ушах сам собой закрутился, зазвенел старый еврейский мотив: «Нет, нет никого, кроме Б-га одного».

Лева вздрогнул и остановился. Конечно, как он сразу не сообразил! Вот с Ним и посоветуемся. По методу Новардокской ешивы.

Несколько месяцев назад один из стариков-преподавателей рассказывал ученикам об удивительной ешиве, в которой ему довелось учиться. Главным в этой ешиве была выработка ощущения правды.

– Эмес, правда, – вот то, что должно стоять перед вашими глазами, – говорил старик. – Только правда и ничего, кроме правды. Во всём, в любых мелочах. Окружающим вы будете казаться смешными. Что ж, так будете казаться! Нам в Новардоке, чтоб приучить к насмешкам, поручали всякие невероятные вещи, меня, например, как-то послали в аптеку купить гвозди.

Когда же нужно было принять важное решение и не знали, как поступить, то делали следующим образом: сомневающийся на несколько часов погружался в учение, полностью, так, чтобы всё постороннее вылетело из его головы. Когда он уходил в Тору целиком, от кончика ермолки до подметок, один из товарищей окликал его и задавал ему тот самый вопрос. Первая реакция, первая мысль, возникающая у спрашиваемого, еще не успевавшего переключиться от учения на дела нашего мира, и было мнение Торы, ответ Всевышнего.

Левин взгляд упал на книгу, лежавшую на столе прямо перед ним. Хумаш – Пятикнижие. Раскрыв ее наугад, Лева посмотрел на верх страницы: Бемидбар, глава «Корах». Что тут относится к нему? Бунт против раввина? Но ведь он не восстает, как Корах, он просит о снисхождении, о замене приговора. Тогда что? Нужно искать.

– Мама, – Лева открыл дверь в соседнюю комнату. – Мама, постучи в мою дверь ровно через час.

Наработанный за годы учения в ешиве механизм поиска и анализа включился автоматически. Почти все необходимые книги были у Левы дома, часто случалось, что ответ на заковыристый вопрос приходил к нему посреди ночи или в субботу, поэтому несколько десятков самых главных книг давно стояли на полке, точно солдаты в ожидании приказа.

Когда раздался стук в дверь, Лева поднял голову от «Мидраш Раба» и невидящим взглядом посмотрел в окно:

«Кажется, это оно. Да, скорее всего, оно. Именно так и нужно себя вести. Просто и точно. Да, просто и точно».

В ту ночь Моше-рабейну пришел в шатер к Кораху. Пытался говорить с ним, объяснить. Но Корах молчал. Корах знал: если он начнет отвечать, Моше переубедит его.

«И я буду молчать, – решил Лева. – На все вопросы раввина ответом станет молчание. И он сам поймет, что дело не заладилось».

Но раввин ничего не понял. Левино молчание он объяснил застенчивостью и, дав указание, куда и в котором часу явиться, отпустил робящего жениха.

Помолвка должна была состояться на исходе субботы, прямо в квартире у раввина. Чтоб не утруждать Бебу хлопотами, он все расходы и заботы взял на себя.

«Неужели он ничего не понимает? – недоумевал Лева, бредя к своему месту в зале. – Я ведь не произнес ни единого слова, даже не кивнул головой. Сидел и молчал. Как же он, такой пронизательный и мудрый человек, как же он ничего не понял?»

С трудом отсидев день в ешиве, Лева вернулся домой. Вечернее солнце заливало улицы Реховота нестерпимым блеском. Жалюзи кухонного окна были прикрыты, узкие полоски желтого солнечного жара лежали вдоль стола, словно ломтики огромной дыни. Беба собирала ужин: над почти незаметным бледно-голубым язычком пламени кипела и бормотала кастрюля.

Лева сел на старый, расшатанный стул, расстегнул ворот рубахи и заплакал. Крупные слезы загнанной антилопы катились по его щекам.

Беба придвинула другой стул, села рядом.

– Плохо, да? Не расстраивайся, не убивайся так. Всё в жизни проходит, и это пройдет, и нет ничего, чтобы стоило таких слез.

Она на секунду замолчала.

– Впрочем, знаешь, слезы – самое простое, чем можно расплатиться.

– Мама, но что же мне делать, что делать?! Помолвка на исходе субботы, а позвонить Злате и всё рассказать я не могу. И раввин ничего не понимает, давит, как танк.

– Он, наверное, думает, будто заботится о твоей пользе, – предположила Беба.

– И я хочу своей пользы. Но я же лучше знаю, что для меня хорошо, а что плохо! Почему же меня никто не слушает?..

– А ты сказал ему, объяснил?

– Я молчал, я всё время молчал. Как же он не понял, ведь он такой умный!

– Значит, не такой, – ответила Беба. – Он, в конце концов, еще довольно молод, и жизнь его, слава Б-гу, сложилась благополучно. Есть боль, которую может понять лишь тот, кто страдал сам.

– Давай удерем, – предложила она спустя несколько минут. – Поедем к Фане в Маалот. Там нас не найдут. А сюда пусть звонят, приходят – нет нас и нет.

Фаней звали одну из ее многочисленных пациенток. Лет двадцать назад Беба, вопреки диагнозу заведующего отделением, заподозрила, что под повышенной кислотностью прячется более страшная болячка и, пользуясь связями, переправила Фаню в другое отделение на осмотр. Заразу вырезали вовремя, и с тех пор каждый год в годовщину операции Бебе доставался огромный торт и бутылка шампанского.

– День рождения справляю, – поясняла Фаня. – Если бы не Бебка, давно бы косточки мои сгнили на минском кладбище.

– Так бежим? – переспросила Беба, глядя на сына.

– Мама, – благодарно прошептал Лева. – Мама, мамочка...

В пятницу ешива не работала, а по субботам раввин и ешиботники молились в другой синагоге: «Ноам алихот» считалась чересчур простым местом для ученого люда. Бегство жениха осталось незамеченным, первые признаки беспокойства раввин ощутил лишь на исходе субботы, когда Левин номер телефона ответил длинными беспокойными гудками.

Сразу после «авдолы» в доме раввина начались праздничные приготовления: составили вместе столы, застелили их чистыми скатертями, сверху покрыли прозрачной одноразовой клеенкой и уставили белыми одноразовыми тарелочками с незамысловатым угощением. Маслянисто посверкивающий хумус, коричневые и зеленые маслины, щедро политые оливковым маслом, ломтики серебристой селедки, салат из баклажанов, приготовленный по турецкому рецепту и острый, как сабля янычара. Возле каждой тарелочки, рядом с пластмассовыми ножом и вилкой, поместились две небольшие халы, осыпанные кунжутными зернышками, стопка для «лехаима» и пластмассовый стаканчик для «колы». Бутылок с дешевой «колой» наставили в изобилии – на исходе субботы, после трех обильных трапез святого дня, в основном пьют, а едят только для виду.

Начали собираться гости: пришли Левины соученики, два преподавателя, приглашенные раввином. Сам жених обычно является на помолвку одним из первых, чтобы встречать гостей, и его отсутствие сразу показалось странным. Не на шутку обеспокоенный, раввин послал одного из ешиботников проверить, дома ли Лева. Может, телефон не работает, а может, случилось что, заболел, упал, мало ли какая напасть может обрушиться на человека.

Когда спустя минут десять раздался длинный звонок, все с облегчением вздохнули – несомненно, это он. Дверь распахнулась, на пороге стояла сияющая Злата. За ней смущенно переминались родители: мать, в криво надетой шляпке с нелепыми цветками и длинном, явно купленном для помолвки платье «харедимного» покроя. Судя по тому, как она постоянно поводила плечами, поправляла шляпку и поддерживала напользающие на ладони рукава, платье такого фасона она надела впервые в жизни.

Отец, начинающий сесть мужчина с высокими залысинами и неровной, плохо подстриженной бородой, наблюдал за происходящим с явным неудовольствием. Ему не нравилась компания, в которую попала его дочь, не нравились люди, живущие непонятно чем и непонятно на что. Он бы с радостью оказался сейчас в совсем другом месте, и плохо скрытое раздражение кривило его тонкие губы в чуть презрительной усмешке.

Минут пятнадцать заняло знакомство, расспрашивание, рассаживание, обмен приветствиями. Но вот все возможные причины для откладывания процедуры помолвки завершились, а Лева так и не появился.

– А где жених? – наконец решилась задать вопрос мать невесты.

В комнате стало тихо.

– Запаздывает, – ответил раввин. – Будем надеяться, что причина опоздания пустяковая. Подождем еще немного, скоро всё выяснится. Не земля же его поглотила.

Прошло еще двадцать минут. Выражение восторга постепенно покидало лицо Златы, а сияние оседало, словно перестоявшее тесто. Отец, почувявший неладное, а вернее, с самого начала ожидавший какого-либо подвоха, хмурился всё больше и больше. Мать сидела бледная, с неподвижными, побелевшими глазами, ворот ее платья часто вздрагивал под быстрыми ударами сердца.

Опоздание превысило границы, допустимые приличиями. Надежда, будто всё еще может вернуться в нормальное русло, потечь так, как предполагалось, таяла на глазах. Стрелка больших настенных часов дернулась и перевалила через цифру девять.

В дверь позвонили. Все взгляды устремились в ярко освещенную прихожую. Злата, не отдавая себе отчета, чуть привстала с места.

Вошел ешиботник, посланный раввином на квартиру к Лева. Вид у него был не радостный.

– Ну? – выдохнул раввин, отведя его в сторону.

– Они еще в пятницу уехали. Соседи видели. С чемоданом. Видимо, на несколько дней.

– Сбежал! – раввин замотал головой, словно от зубной боли. – Сбежал, сбежал, негодяй, мальчишка. Ох как нехорошо, как неловко.

Он круто повернулся и ушел к гостям.

– Я хочу верить, – сказал он, выходя на середину комнаты, – что с женихом ничего не случилось. Дома его нет, телефон не отвечает. Если до завтра он не объявится, придется заявить в полицию. Просто так не опаздывают на помолвку.

Отец Златы резко поднялся. Его подозрения оправдались.

– Прошу вас, – обратился к нему раввин, – не волнуйтесь. Будем надеяться, что всё закончится благополучно.

– Да уж, – буркнул тот в ответ, – благополучнее просто некуда. Мало того, что святоши свернули моей дочке голову, так еще и на позор ее выставили! Она вам что, кукла бесчувственная – представления разыгрывать? Да самый последний босяк так не поступает с девушкой! Сняли бы вы свои черные шляпы, праведники хреновы, и держались бы подальше от порядочных людей!

– Папа, папа, не надо, – Злата вскочила с места и схватила его за руку. – Папа, я прошу тебя!

– Пошли отсюда. Ноги твоей тут больше не будет.

Он двинулся к выходу, шумно шаркая подошвами по мраморным плитам, словно желая в знак презрения протереть пол до самой земляной основы. Злата шла следом.

Мать, опомнившись, быстро поднялась со стула.

– Вы уж его извините, – сказала он раввину, в очередной раз поправляя ненавистную шляпку, – он в Златочке души не чаёт. Обидно ему. И мне тоже обидно. Зачем вы так с нами...

Не закончив фразу, она повернулась и поспешила вдогонку за мужем и дочерью.

В комнате стало тихо. Сквозь раскрытое окно доносилась музыка из дома напротив. «Верни нас, и мы вернемся», – выводил высокий мужской голос. «Ай-диги-дай, – вторил хор, – и мы вернемся».

В воскресенье Лева как ни в чем не бывало явился в ешиву. Вид у него был рассеянный и безразличный, но внутри всё дрожало от волнения. Пройдя на свое место, он привычно раскрыл том Талмуда и принялся пересматривать комментарий Раши. Спустя несколько минут кто-то осторожно прикоснулся к его плечу.

Лева поднял голову. Перед ним стоял раввин.

– С тобой всё в порядке? – спросил он каким-то искусственно спокойным голосом.

– Вроде да, – ответил Лева, вставая.

– Идем ко мне в кабинет.

Кабинетом называлась узкая каморка, заставленная книжными шкафами.

«В соседнем зале огромная библиотека, – удивлялся Лева, – зачем ему забивать и без того крохотную комнатку теми же самыми книгами?»

– Так что же произошло? – продолжил раввин таким же бесцветным голосом.

Он не предложил Лева, как обычно, присесть, и сам тоже остался стоять, положив руку на дверцу шкафа.

– Я, – Лева попытался проглотить комок, невесть откуда появившийся в горле, – я... в общем, я же вам говорил, что не хочу жениться на Злате.

– Нет, – возразил раввин, – не говорил. Мы с тобой четко условились о дне и часе помолвки, и ты ни словом не возразил.

– Я же молчал! – воскликнул Лева. Он хотел добавить «как Корах», но сдержался. Коннотация была слишком неприятной. – Как же вы не поняли, я же молчал, всё время молчал.

– Послушайте, юноша, – раввин перешел на «вы», и возникшая грань отчуждения полоснула Лева, словно ножом. – Мы ведь не в бирюльки играем. Не хотите жениться, есть телефон, можно позвонить, отменить помолвку. Вы сбежали, как трус, как подлец, как последний негодяй.

– Я не сбежал, – заюлил Лева, – я заболел, я хотел позвонить, но не смог, плохо себя чувствовал.

– А как, по-вашему, чувствовала себя Злата, ее родители, гости?

Лева не ответил. В нем потихоньку начинала подниматься злость на раввина.

«Ты сам, – хотел сказать он, – сам загнал меня в угол, не видел, не слышал, не хотел обращать внимание, а теперь выступаешь, будто судья праведный. Ты больше меня виноват».

Однако произнести вслух эти слова Лева не решился, а продолжал стоять, понурив голову.

– Написано в наших книгах, – продолжал раввин, – тот, кто заставляет бледнеть на людях своего товарища, подобен убийце. А убийцы в нашей ешиве не учатся. Так что будьте любезны собрать вещи и немедленно покинуть учебное заведение.

Лева побледнел. А раввин продолжал:

– Прошу вас также никогда больше не обращаться ко мне ни по какому поводу. Вы чужой нам человек. Всё, больше я вас не задерживаю.

Лева повернулся и вышел из кабинета. Обида жгла до слез, отдавала в висках частым постукиванием крошечных молоточков. С ним поступили несправедливо и даже бесчестно. Сначала заманили учиться, вырвали из руслу нормальной жизни, убедили, будто его профессия ничего не стоит, что занятие Торой важнее и почетнее любого дела на земле, он бросился в эту воду и оказался одним из последних, примитивных и отсталых, весь опыт его прошлой жизни, приобретенные с таким трудом и упорством знания превратились в ничего не стоящий хлам; сколько он проглотил снисходительных улыбок и покровительственных реплик от мальчишек, единственным достоинством которых было то, что они начали раньше него, а он всё равно влез, освоился, притерся, стал не хуже, а теперь – вон... куда, куда вон и почему так жестоко и безжалостно, он же хотел как лучше, он пытался объяснить, а его не услышали, и он же виноват!

Обида проступила капельками горячей соли, мир переливался и двоился за их перламутровым экраном, но Лева не смахивал обиду с глаз, а только моргал, чтобы капельки сами слетели. Они слетали, но на их место тут же набегали новые, горячее прежних...

С тех пор прошло три года. Лева нашел себе место в другой ешиве, попроще. Учиться в ней менее почетно, да и уровень учеников пониже, но зато на их фоне Лева выглядит чуть не гаоном. Правда, высоты, на которые забираются в новой ешиве, не идут ни в какое сравнение с теми, к которым он привык в старой, но Тора ведь безгранична, и по сравнению с ее безмерностью все эти уровни и высоты – только тщета и крушение духа.

Злата, спустя год после неудачной помолвки, вышла замуж за выходца из России, тоже инженера-электронщика, не ешиботника, но соблюдающего заповеди парня. Быстро родила ребенка, за ним еще одного. Муж в ней души не чает, считает ее умницей, постоянно записывает ее словечки и выражения на магнитофон и крутит на работе, замирая от восторга.

Однажды Лева, спеша с Бебой по каким-то делам, столкнулся на улице со Златой. Нос к носу, не разминуться. Лева вежливо поздоровался, а Злата, сделав вид, что не услышала приветствия, молча прошла мимо.

– Кто эта женщина? – спросила Беба.

– Злата.

– Так ты ж говорил, что она уродина!

– Ну, может, роды повлияли. И вообще, счастливое замужество.

– Нет, сынок, роды, конечно, влияют, и замужество тоже, но если неоткуда брать, то само не возьмется. А у нее есть! И где были твои глаза?

Лева промолчал. В его душе уже наступили перемены, неизбежно случающиеся с каждым мужчиной. Детская застенчивость и юношеская растерянность уступили место решимости взрослого человека. Теперь он точно знал, чего хочет в жизни, и научился доверять себе. В ловушку он больше не попадет, нет, не попадет. И советы ему не нужны, он в состоянии во всем разобраться сам.

Каждый год перед Йом Кипуром Лева ходит просить прощения у раввина. Поджидает его возле ешивы, идет навстречу, ищет взгляда. Но раввин отворачивается и ускоряет шаг. Зачем Лева это делает, что принесет ему это прощение, он уже и сам толком не понимает – ведь дрожащая, трепещущая ниточка их отношений порвалась навсегда, – но знает твердо: прощение должно быть получено. И он получит его, если не в этом году, так в следующем, а если не в следующем, то через два, три, четыре года. Жизнь – она длинная, всё меняется в ней, всё, всё проходит. И нет ничего такого, что бы стоило его слез.

КОГДА ОТКРЫВАЮТСЯ ГЛАЗА

אֵלֶּיךָ אֲדַעֵר וְאֵלֶּיךָ אֶשְׁתַּחֲוֶה

1.

– Извините...

Йозеф Шпернберг, комендант лагеря, лично встречающий все прибывающие составы с «грузом», обернулся. Перед ним стояла невысокая стройная девушка. Правильное строгое лицо выражало растерянность и недоумение, а в больших голубых глазах был неподдельный испуг.

– Извините, – мягкий тихий голос подрагивал, как подрагивали тонкие ухоженные пальчики, ежесекундно поправляющие выбившиеся из прически льняные локоны. – Вы не могли бы мне помочь?.. Понимаете, я приехала сюда с родителями, но в толпе я потерялась. Не могли бы вы помочь мне разыскать их?

– А-а... Конечно, – после паузы ответил штурмбаннфюрер СС, рассматривая «чудо», сошедшее с еврейского поезда. – Как вас зовут?

– Ребекка... Ребекка Кайлер.

– Ребекка? – задумчиво протянул Йозеф, недоумевая, как у евреев могла родиться такая красавица с чисто арийской внешностью. – Так вы приехали с родителями?

– Да, – поспешно закивала девушка, – с моими приемными родителями – Кларой и Исааком Кайлер. Вы их найдете?

– Конечно, найдем... Клаус! – на зов подошел высокий худощавый унтерштурмфюрер. – Проводи фройляйн ко мне и прикажи Луизе приготовить ей чай.

– Яволь, герр лагерфюрер.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру Ребекки, Шпернберг повернулся к галдящим евреям. Они вели себя невероятно смешно: некоторые, богато одетые, с высокомерием смотрели на военных и пытались впихнуть им свой багаж с предложением денег за помощь его отнести. Не скрывая язвительной усмешки, Йозеф прошелся мимо этой толпы, прикидывая, сколько останется для работ, а сколько попадет прямоком в газовые камеры. В этот раз было много детей, которые в отличие от взрослых смотрели с большим подозрением на людей в форме и с автоматами наперевес. Одна малышка испуганно спросила у матери, почему у дядей оружие, на что та ответила, что дядей без оружия здесь нет, а сами автоматы нужны лишь для вида. Солдаты, услышавшие эти слова, тихо улыбнулись друг другу.

Наметанный взгляд Шпернберга выделил самых крепких и физически сильных мужчин, более всего подходящих для тяжелой работы на лесозаготовках, несколько молодых матерей, чьих детей придется забрать силой. Солдаты присматривались к симпатичным еврейкам, которым, скорее всего, достанется роль подстилок. Ничего, пусть радуются, что это не Равенсбрюк. Один-единственный взгляд на любое лицо мог дать ответ на вопрос, что будет с этим человеком завтра, с вероятностью девяносто пять процентов.

– Бек, – Шпернберг показал своему помощнику на столпившихся евреев, – распределите их и заканчивайте поскорее. Через два часа жду от вас отчет и списки оставленных, только не набирайте много и кого попало. Лучше меньше, да лучше. Я буду у себя.

– Яволь.

Слегка утомленный жарким летним солнцем и суетой, Шпернберг с удовольствием укрылся в своем доме. Ступив на порог гостиной, он увидел скромно сидящую на диванчике Ребекку, держащую в руках чашку и в задумчивости уставившуюся на нее. Она не заметила начальника лагеря, а тот поспешил удалиться в свой кабинет с тем, чтобы спокойно отписать несколько писем, отчетов и разобраться с документами: через час он вернется сообщить прекрасному юному созданию новости.

Ребекка допила чай, взглянула на часы – четверть первого, – с беспокойством оглянулась. В комнате никого не было, лишь в коридоре мелькнула траурно-черная юбка немолодой служанки. Ребекка встала – женское любопытство побороло природную робость, – прошла вокруг дивана, рассматривая фотографии, украсившие стену. На другой висела репродукция какой-то известной картины Рубенса. Ребекка тщетно пыталась вспомнить название полотна, но не могла. Сразу подумала о родителях, которых должны были найти: они ценили искусство, особенно живопись, обожали Рубенса и Тициана, восхищались Дюрером. Ребекка подошла к окну. Подоконник и тумбочка рядом были заставлены фиалками, геранью, деревцами лимона. На стекло упало несколько прозрачных капель. Ребекка попыталась высмотреть, кому солдаты что-то кричат за огороженным сеткой двориком, – нет, не видно. Прижавшись щекой к прохладному стеклу, она так увлеклась картиной начинающегося дождя, что вздрогнула от резкого голоса, прогремевшего над самым ухом.

– Чем вы так заинтересовались, фройляйн?

– Я? – Ребекка сначала испугалась, но, глядя в смеющиеся глаза коменданта лагеря, успокоилась, хоть и смутилась до глубины души. – Я – ничем. Просто я люблю дождь...

– Хотите побегать под дождиком?

– Нет... Я люблю смотреть на дождь... А что с моими родителями? Вы нашли их?

– К сожалению, – Шпернберг нацепил сочувствующую маску, – их уже отправили в другое место.

– Куда? Зачем?

– Ну-у, таковы правила.

– А как же я? – на лице Ребекки отразилась обреченность, по бледной щеке, дрожа, скатилась слезинка.

– Да не переживайте вы так. Родители ваши в настоящем раю. А вы останетесь здесь. Я даже готов предложить вам работу моей управительницы, поскольку вашу предшественницу я недавно уволил.

– Спасибо, я согласна, – после паузы пролепетала Ребекка. – Я ведь еще увижусь с ними? – Влажная дорожка высохла под взмахом маленькой ладони.

– О! Конечно, можете даже не сомневаться.

– А что я должна буду делать, герр?.. герр?..

– Шпернберг, Йозеф. Вам придется следить за порядком, лично всё проверять, распоряжаться приготовлением и подачей еды, заказами, писать некоторые письма для меня, подходить к телефону и записывать нужную информацию, если меня не будет. Завтра начнете, а сегодня отдыхайте. Луиза покажет вам вашу комнату. Ужинаю я в семь, и вы, если, конечно, не возражаете, будете ужинать со мной. Кстати, Ребекка, прошу вас одеваться свободно, но строго.

– Хорошо.

– Вот и славно, – Шпернберг улыбнулся и, обернувшись к двери, позвал служанку.

Луиза явилась через мгновение, похожая на безликую тень, и, получив распоряжения, скользнула обратно, пригласив следовать за ней. Ребекка подхватила небольшой чемоданчик и поспешила за черной юбкой. Комната, выделенная ей, оказалась маленькой, светлой, но абсолютно неприбранной. Мебель стояла в беспорядке, пыль покрывала все вещи, скатерть на маленьком столике сморщилась в одном углу. Ребекка навела порядок. Попросив воду с тряпкой, вытерла пыль, отдала скатерть на стирку Луизе. Разобрав свои вещи, она переделалась в свежее и устроилась в старчески поскрипывающем кресле с томиком стихов Гете. Так и задремала, пока стук в дверь не прервал чуткий сон. Это оказалась Луиза, сообщившая, что через полчаса будет ужин.

Ребекка вскочила, заметалась по серому замкнутому пространству, словно попавшая в западню лань. Сжав кулачки, она собралась с духом, потом вернулась в кресло и некоторое время просидела, не сводя взгляда с мерно двигающейся по кругу стрелки.

Ровно в семь Ребекка появилась в небольшой столовой, элегантно обставленной начищенной до блеска мебелью. Стол под белоснежной скатертью был уже накрыт, а за ним сидел сам Шпернберг в обществе двух незнакомых мужчин. Это обстоятельство несколько смутило Ребекку, и она застыла на пороге. Увидев замешательство своей новой управляющей, начальник лагеря похвалил ее пунктуальность и пригласил присаживаться, а не стоять в дверях.

– Позвольте представить вам, господа, – торжественно произнес Шпернберг, – мою новую управительницу – фройляйн Ребекку. Ребекка, эти господа – мои помощники: герр Бек и герр Маэль.

– Очень приятно, – тихо произнесла Ребекка.

– Нам тоже.

Слова принадлежали Маэлю, с губ которого не сходила понимающая улыбка. Ее смысл не был загадкой ни для кого, кроме самой Ребекки. Бек изредка посматривал на бледную девушку, явно нервничавшую, отчего с дрожащей вилки то и дело срывались кусочки салата. Не стеснясь, он рассказывал, сколько человек осталось в лагере и куда их распределили, опуская все подробности ликвидации остальных. Ребекка жадно вслушивалась, надеясь узнать хоть что-нибудь ценное, но совершенно ничего не понимала. Тем временем гауптштурмфюрер Маэль, милостиво разрешивший называть себя «просто Рудольфом», пытался, как мог, развлечь невеселую Ребекку, рассказывал ей анекдоты, хвалил доблестных немецких солдат, так успешно сражающихся на всех фронтах. Не упустил возможности поделиться и своим личным военным опытом, которого на деле у него было ничтожно мало.

После ужина господа офицеры удалились в кабинет для обсуждения каких-то важных дел, а Ребекка, оставшись в одиночестве, долго сидела и караулила Луизу, обходящую ее по широкой дуге. Наконец край фартука всё-таки оказался зажат в маленькой ладошке:

– Луиза!

– Пустите меня, фройляйн. Я должна работать, – служанка сделала попытку вырваться.

– Луиза, вы должны мне рассказать об этом месте, об этом человеке. Почему вы ходите, словно тень отца Гамлета? Здесь всё так странно.

– Бедная девочка, – дребезжащий голос звучал сочувственно, – тебе бы родиться в другое время, в другом месте...

Обескураженная подобным ответом, Ребекка выпустила фартук, задумчиво встала и, наткаясь на всё подряд, побрела в свою комнату, где при свете маленького ночника долго перечитывала Гете, единственную книгу из ее чемодана. Проворочавшись почти всю ночь с боку на бок, она заснула перед самым восходом.

Когда Ребекка открыла глаза, солнце за окном уже поднялось очень высоко. Первый порыв понежиться в постели, потянуться мгновенно стих: кто она здесь, чтоб позволить себе такое? Встала, быстренько оделась и зашла на кухню, однако в коридоре ее окликнул Шпернберг:

– Ох и любите вы поспать, фройляйн. Ничего страшного, привыкнете.

– Доброе утро, герр Шпернберг.

– Я уже позавтракал, так что разыщите Луизу, она вас покормит.

Что-то дьявольское было в обаятельной улыбке начальника лагеря, но Ребекка предпочла не заметить ни этой улыбки, ни странного блеска пронзительных голубых глаз.

2

Осень выдалась дождливой, но теплой. Серое небо нависало над самой головой, так что верхушки елей за оградой, казалось, вот-вот достанут до него и прорвут. Чувствуя смутную тревогу, Ребекка редко выходила из дому, только если нужно было заказать что-то в городе, куда время от времени ездила машина. Зато она не упускала возможности посидеть у окна, когда не давала распоряжений Луизе или помогала ей, когда не писала письма и отчеты начальника лагеря, в которых не понимала ровным счетом ничего. Каждый день к Шпернбергу приходили помощники, ужинали, а потом уходили в кабинет. Иногда Ребекка быстренько вскакивала из-за стола и бежала на улицу, гуляла по внутреннему дворику, смотрела на далекую ограду, на прекрасные в своей недостижимости ели. А когда издали доносились крики, шум, она пряталась за столбом, боясь, что ее заметят. Йозеф давно знал об этих маленьких экскурсиях.

Прогуливаясь как-то вечером, Ребекка задумалась о смысле недавно отписанного письма. Стемнело. Накинутое пальто промокло под морозящим дождиком, и, дрожащая от холода, она уже направилась к крыльцу, но в этот момент недалеко от сетки, отгораживающей дворик от остального пространства лагеря, раздался шорох и кто-то тихонько позвал ее.

– Кто там? – Ответа не последовало. – Кто там?

Не выдержав, Ребекка сошла со ступенек, подошла ближе и, различив в слабом освещении фигуру женщины, уже открыла рот, чтобы повторить вопрос, но откуда ни возьмись появилась пара часовых, мгновенно заметивших оба силуэта по разные стороны сетки. Они тоже знали про прогулки фройляйн и по приказу никогда не мешали, но странная особа, явно из заключенных, здесь быть просто не должна. Они подскочили и, ухватив женщину под руки, потащили в темноту. Ребекка разобрала проклятия на идише и сухую немецкую ругань.

Вечером она долго не могла заснуть, всё вспоминая странную женщину в лохмотьях, мало напоминавших одежду. Стало стыдно за два новых платья, привезенных из города по личному распоряжению Шпернберга. Одно из них было точной копией того, что осталось в чемодане матери. Тогда Ребекка проплакала до рассвета, тоскуя по родителям. Решение спросить у Йозефа, кто и чем занимается в лагере, закрепилось в возбужденном сознании. Когда Ребекка начала засыпать, в дверь легонько постучали.

– Кто там? – ошарашенно поинтересовалась она.

– Вы еще не спите? – на пороге возник Шпернберг, свежий и бодрый. – Я почему-то так и подумал.

Ребекка не нашла, что ответить на это, лишь натянула одеяло до самого подбородка и выглядывала из-за него, как из-за надежной стены. Йозеф усмехнулся. Подставил себе стул и сел рядом с кроватью. Капли то ли уличного дождя, то ли вечерней ванны стекали со светло-русых волос и падали на черную рубашку. Видя, что от Ребекки не дожидаться ни слова, он шутливым тоном начал сам:

– Мне тут сообщили про сегодняшнее происшествие, – голубые глаза внимательно следили за реакцией. – Почему же вы всегда гуляете в одиночестве? Попросили бы меня, я бы с удовольствием составил вам компанию.

– Что это была за женщина? – Ребекка даже не удивилась, она только чувствовала дрожь во всем теле.

– Та, что так вас напугала? У нее последняя стадия какой-то серьезной болезни – не помню названия, – которая сопровождается временным помутнением сознания. Короче, она сбежала из госпиталя и как-то умудрилась добраться аж сюда. Так что совершенно не о чем волноваться.

– Мне она не показалась сумасшедшей, – твердость, с которой было сделано это заявление, поразила Шпернберга.

– А вы с ней успели пообщаться?.. Я же не сказал, что она сумасшедшая, просто иногда люди делают что-то, в чем не отдают себе отчета.

– А чем она занималась?

– Что?

– Что делают те, кто остался здесь, а не был переправлен еще куда-то?

– Ну-у... по-разному, – Шпернбергу не нравился этот разговор и разгорающийся интерес девушки к тому, что ей знать не положено, но сказать что-то надо, иначе красивая игра будет испорчена недоверием. – Вообще-то, мужчины работают в основном в лесу, а женщины занимаются шитьем и готовкой. А после работы они возвращаются в бараки, ужинают, отдыхают. У них там есть радио и музыка. Не то, что у вас – даже потанцевать не можете.

– А что они шьют?

– Форму, военную форму.

– А вы не лжете?

Шпернберг не ожидал подобного вопроса, слегка смутился, но тут же подумал, что сейчас самый подходящий момент выложить все козыри:

– Ребекка, ну разве я когда-либо лгал вам? Я люблю вас.

И прежде, чем Ребекка поняла смысл услышанных слов, Йозеф нагнулся к ней и, притянув за нежный подбородок, поцеловал... Ничего не случилось: ни пощечины, ни резких слов. Чувствуя собственную безнаказанность, он тихо переместился со стула на кровать и продолжил, ощущая рядом дрожащее горячее тело. Всё шло даже лучше, чем предполагалось изначально: прекрасное юное создание, похоже, было по уши влюблено. И теперь главное – не дать опомниться прежде, чем она поутру обнаружит его рядом. Ребекка и правда была растерянна, голос рассудка приказывал остановиться немедленно, но он был загнан и уничтожен странным волнением и лихорадочным счастьем. Поэтому, когда рука Йозефа откинула в сторону одеяло и властным движением притянула к себе, она только сдавленно охнула.

Занимался рассвет. Непроглядная темнота побледнела, проступили очертания дворовых построек, башен, забора. Снова зарядил мелкий дождь, больше похожий на водяную пыль, так что в сумерках висела мутная пелена тумана пополам с изморосью. Утренняя смена, только принявшая пост, лениво прохаживалась, чтоб не зябнуть, курила. Но это помогало мало: воздух сочился влагой, и от отсыревшей одежды поднимался пар. Где-то в бараках уже шевелились непомерно уставшие мужчины и женщины, с трудом поднимающиеся на работу.

Ребекка проснулась оттого, что что-то теплое, прижавшееся сзади, тихо шевельнулось. Испуг сменился стыдом и смущением, когда она вспомнила события прошедшего вечера и ночи. Но раскаяния не было, и это почему-то удивило Ребекку, боявшуюся пошевелиться и разбудить Йозефа. Мысли путались в голове: что это было? как так получилось? что же теперь делать? Сон слетел окончательно, когда Йозеф проснулся и поцеловал ее в шею.

– Доброе утро, – лениво протянул он, поглаживая мягкий бок с очаровательной складочкой под одеялом.

Его рука прошла по бедру и скользнула ниже. Он видел, как шея Ребекки порозовела, чувствовал, как она напряглась, но это обстоятельство только раззадорило его.

– Приятный способ просыпаться, не правда ли?

Ребекка не ответила, закрыла глаза и крепче прижалась спиной к груди, на которой болтался военный жетон.

3

Шпернберг сидел в кабинете и читал свежие газеты, привезенные из города, когда зазвонил телефон.

– Да! – недовольно рявкнул он в трубку. – А, любимая... здравствуй, дорогая... Нет, у меня всё хорошо. А ты там как? Как мама?... Вот и славно... Нет, родная, наш дом еще не готов. Тут так много работы, что до этого дело не доходит... Нет, приезжать не надо, здесь такие условия, что ты можешь заболеть. А у тебя и так со здоровьем не ладится... Я тоже по тебе скучаю... Да, я, может, на днях приеду, и мы попробуем еще раз... Я тоже хочу ребенка, милая... Ну всё, у меня дела. Целую тебя... Ага... Пока.

Йозеф положил трубку, задумался, но через минуту уже вернулся к газетам. Читая одну из заметок, он слегка усмехнулся:

– Хм... Хотят построить тысячелетний Рейх и не запачкать ручки? Наивные.

– Кто?

Шпернберг обернулся: он не заметил, как вошла Ребекка с чашечкой кофе. Она поставила ее на стол перед любимым, а сама уселась к нему на колени.

– Да так, читаю тут газетку. Политика, война, ничего хорошего.

– Понятно...

– А тебе Бек привез книги из города? – Йозеф одним глотком осушил чашку и пристроил ее на подоконнике.

– Да, спасибо, дорогой.

– Милая, ты ж знаешь: для тебя я горы сверну, всё кровью залью, если понадобится.

– Не говори так, я начинаю тебя бояться.

– Правда?

– Ну, чуть-чуть. – Ребекка улыбнулась, запустив тонкие пальцы в волнистые волосы.

На улице было уже светло. Йозеф откинулся назад и задернул шторку. Так же спокойно он сложил все бумаги на край стола и отодвинул телефон в сторону. Ребекка смутилась, но улыбнулась еще шире: она уже привыкла к взбалмошному характеру любимого, к тому, что он всегда готов и легко жертвует делами ради нее. Йозеф поднялся, прижимая Ребекку к себе. Черная юбка в мгновение ока была задрана до пояса. Рука Йозефа прошла по всем округлостям и выпуклостям, немного грубовато сжимая мягкое тело, потом метнулась к шее. Ребекка распласталась на столе, задрожала от ощущения навалившегося сзади тяжелого мужского тела. Бумаги сорвались и разлетелись по полу, но на это уже не обратили внимания.

Ребекка пристроилась на коленях у Йозефа, откинувшись и облокотившись на него, начала тихонько посапывать, чувствуя спиной ровное биение его сердца.

– На днях мне надо будет съездить в город, – наконец сказал Шпернберг.

– Угу...

– Совсем без эмоций, – его голос звучал обиженно.

– Нет, просто, наверное, так надо.

– Да, по работе. Меня не будет несколько дней.

– А вот это уже хуже. Но что делать? Привези мне что-нибудь.

– Что тебе привезти?

– Не знаю, – улыбка появилась на слегка бледном лице. – Мне чего-то хочется, а чего – не пойму. Привези мне что-нибудь сладенькое или что-нибудь такое, изысканное. А, кстати, надо еще сказать, чтоб продуктов подвезли. Я всё-таки хочу угостить тебя своими любимыми блюдами. Как ты относишься к пирогу с курицей? А к фаршированным шампиньонам? А как я делаю соленья... – Ребекка мечтательно закатила глаза. – Хотя сейчас не сезон. Кстати, о соленьях. Пусть привезут огурчиков там маринованных, помидорчиков... Ты меня слушаешь?

– Угу... Только я в этом ничего не понимаю. Ты просто сама Эриху скажи или Рудольфу – кто там из них в этот раз поедет.

– Хорошо. Только ты сам возвращайся скорей. Ладно?

– Улажу все дела и вернусь.

– Я люблю тебя, – Ребекка повернулась и чмокнула Йозефа в нос, не замечая озабоченности в его взгляде. – Ну, мне пора – я обещала помочь Луизе.

Она выпорхнула из кабинета, махнув на прощанье помятой сзади юбкой.

Снова зазвонил телефон. Доложили о неприятностях на лесозаготовках: троих рабочих задавило на смерть, еще двое покалечено – считай, уже мертвые, итого пятеро. Но больше всего Шпернбергу не понравилось то, что четверым удалось воспользоваться суматохой и сбежать. Разумеется, тут же подняли собак, разумеется, поймают, но сам факт. Хорошо, что на дворе начало декабря, дожди поутихли, лужи и грязь подмерзли.

В дверь настойчиво постучали. Шпернберг не хотел никого видеть, но позволил войти, когда услышал голос Рудольфа Маэля. У того на лице читалось недовольство. Йозеф скривился в ожидании еще каких-то дурных вестей.

– Что? Еще что-то случилось?

– А про лесозаготовки уже знаешь?

– Только что доложили.

– Тогда ничего страшного. За два дня, думаю, выловят. Страшно будет, если не выловят.

– А что? Что-то намечается? – Шпернберг насторожился.

– Да, встретил я тут приятеля – оберфюрера СС, – он мне и говорит: свидимся, мол, через два дня: к вам на экскурсию прогуляемся, привезем большую шишку из Берлина, так что жди.

– Черт! Через два дня ж, в понедельник, как раз должен еще состав подойти. Как у нас, кстати, ситуация с населением?

– Мрут как мухи, – Маэль усмехнулся. – Новая партия как раз неплохо пополнит. Тем более что сейчас партии к нам пошли поменьше. Рейхсфюрер постарался со своими молодчиками – Гейдрих, Эйхман. Они развернулись.

– Вот и славно. Нам много не надо. Юдену у нас работают на благо немецкой нации, мы даже о них заботимся по мере сил, – в глазах Шпернберга загорелся недобрый огонек. – У нас здесь не Равенсбрюк, не Аушвиц. Кстати, напомни мне, чтоб я этой «большой шишке» показал нашего ювелира. Да, и распорядись, чтоб кто-нибудь из юденов вычистил бараки. Послезавтра с утра зайду и проверю лично. И они прекрасно знают, что будет, если я обнаружу хоть одну пылинку.

– Йозеф, всё хорошо. Ты что-то нервничаешь.

– А-а, это из-за леса. Кстати, и предупреди солдат, чтоб поосторожней со своими шлюшками, когда приедет комиссия.

– Ты сам поосторожней, – Рудольф не удержался, чтоб не съязвить.

– А я что?

– Ну, со своей шлюшкой.

– Моя Ребекка, – глаза Шпернберга превратились в две маленькие щелочки, а в прозрачной голубизне засверкали маленькие злые молнии, – будет делать то, что я ей скажу. И вообще, вряд ли она когда-нибудь на людях будет афишировать наши отношения. Ей стыдно, ведь она мне не жена.

– Кстати, как там Мэдлин? Не звонила?

– Звонила, – Йозеф откинулся на спинку стула. – Она не приедет.

– На нее это не похоже, – Маэль нагнулся поднять один из валяющихся листков. – Дом готов, всё хорошо. Почему она не хочет приехать?

– Дом не готов. По крайней мере, она так думает.

– Ну, тогда другое дело. А чего ты не хочешь, чтоб она приехала?

– Просто не хочу. Это место не для нее. Мэдлин хрупкая, утонченная, сейчас не всё в порядке со здоровьем. Зачем? Не надо. Она еще никак не может забеременеть, и я не думаю, что лагерная атмосфера пойдет ей на пользу.

– А ты не влюбился?

– В кого? – Йозеф удивленно вскинул брови.

– В свою еврейку, в кого ж еще.

– Ну, для начала – она не еврейка, я бы не стал пугаться с юден. За кого ты меня принимаешь? Если помнишь, прошлая – Эльза – была лишь на четверть юден. А Ребекка... это абсолютно наивное существо без какого-либо намека на яркость, милое, доброе, мягкое, – улыбка заиграла на тонких губах.

– Ладно, неважно, в конце концов, – Маэль снова нагнулся за бумажкой и протянул ее своему начальнику. – Только раньше я за тобой подобного не замечал.

– Времена меняются. В общем, ты отдай все необходимые распоряжения, чтоб лагерь был готов к приему, а мне еще надо месячный отчет написать.

– Яволь, герр лагерфюрер, – лениво протянул Рудольф, поднимаясь со стула.

А Шпернберг сел прорабатывать материалы и отчеты, чтобы написать итоговый месячный отчет. Мыслями он был в лагере, проходил по всем закоулкам, куда любопытство могло бы завести ту самую персону, которую сюда будут сопровождать, продумывал, что и где надо привести в должный вид, проконтролировать, поменять, какие дополнительные распоряжения отдать. В конце концов он махнул рукой и налил себе рюмку русской водки, презентованной Беком ко дню рождения.

4

В морозном воздухе окрики солдат звучали особенно громко и пронзительно. Вдалеке хлопнул выстрел – Ребекка вздрогнула, поспешила утереть слезу, скатившуюся по розовой, покрытой нежным пушком щеке. Вчера она пошла отдавать Беку очередной список продуктов, которые необходимо привезти из города, и, срезая дорогу, недалеко от отгороженной зоны, где размещались рабочие помещения и бараки, случайно увидела свою старую знакомую – Бертю Акерман, выносившую какой-то бак из барака. Ее трудно было узнать: выбившиеся из-под платка потускневшие волосы, серо-коричневое шерстяное платье, затертое до дыр. Но больше всего поразило Ребекку осунувшееся, выцветшее лицо. Берта тоже ее заметила и, бросив бак на землю – оттуда вылетело несколько тряпок, – подошла вплотную к сетке:

– Ребекка? – презрительно продебезжал голос.

– Берта? – девушка приблизилась с другой стороны.

– Ты жива? На тебе новое платье. – Пауза. – А мы уже оплакали и твоих родителей, и тебя. Думали, что вы вместе попали в газовые камеры...

– Я... Что ты говоришь?..

– Немецкая шлюха!

Ребекка очнулась, когда маленький белый плевок стекал по гладкой черной ткани платья, а впереди покачивалась, удаляясь, серо-коричневая спина. Слезы хлынули из глаз, погружая весь окружающий мир в соленый туман. Кто-то окрикнул ее. Ребекка вздрогнула и кинулась обратно в дом. Сотрясаемая рыданиями, она упала на диван в гостиной и уткнулась в думочку, чтобы не позволить вырваться наружу крику боли и отчаяния. Тихо вошла Луиза, присела рядом. Сухая морщинистая рука ласково прошлась по взъерошенным волосам, от нее исходило тепло – так в жаркий солнечный день припекает затылок.

– Бедная девочка... Не плачь. Тебе нельзя волноваться...

– Дура! Какая же я была дура! – задыхаясь, пролепетала Ребекка. – Как я могла... как я могла не замечать того... что было... так очевидно? Как я могла?..

Утихшие было слезы снова потекли по щекам. Тело сотрясала крупная дрожь, напоминавшая судороги. Луиза продолжала гладить бедную девушку по голове, бормоча что-то нечленораздельное, скорее для собственного успокоения, потом тихо встала и ушла на кухню.

Солдаты суетились, подталкивали сбившихся в кучу людей. Видно было, что они спешат: вот должен вернуться Шпернберг, и, если он обнаружит что-то непотребное, достанется всем. Ребекка наблюдала издали с абсолютно равнодушным видом. Эрих Бек, заметив ее, подошел и стал справа, чуть сзади, не упуская возможности понаблюдать за лицом Ребекки. Он никогда не видел ее здесь и предположить не мог, что когда-нибудь это случится. Тем не менее удивление быстро сменилось интересом: что испытывает человек, когда видит подобное отношение к людям, которые ему почти родня. Лицо Ребекки не выражало ничего, и это поразило Бека больше всего: он мог предположить абсолютно любую реакцию, но только не полное равнодушие.

– Что вы здесь делаете, фройляйн Ребекка? – мягко, как будто невзначай, поинтересовался он.

– Наблюдаю, – ответ был сух, как треск разбивающегося об асфальт глиняного черепка.

– И что же такого интересного вы увидели?

– Ничего. Только как тех людей, – Ребекка указала в сторону, где скрылась за углом толпа шатающихся ободранных евреев, – погнали в газовые камеры.

Пока Бек приходил в себя от обескураживающего ответа, Ребекка развернулась и зашагала прочь. Несмотря на самые разные мысли, он не мог ни на чем остановиться, признавая абсурдность собственных суждений. Так, погруженный в рассуждения о причинах столь странного поведения девушки, Бек направился к пропускному пункту лагеря встречать Шпернберга.

С серого неба посыпались редкие хлопья снега, сначала медленно, как порхающие бабочки, потом всё более зло и напористо. Они ложились на промерзшую землю, на крыши построек, ловко цеплялись за сетку и колючую проволоку, венчающую забор. Ребекка наблюдала за снегопадом из окна, прислонившись лбом к холодному стеклу. Снежинки приближались к самому лицу, но, наткаясь на невидимую преграду, скользили вниз мимо. Вдалеке, на границе видимости, показались две черные фигуры. По походке легко было узнать Йозефа Шпернберга и Эриха Бека, о чем-то переговаривавшихся на ходу. Они постояли на крыльце, видимо заканчивая разговор, после чего разошлись. Хлопнула входная дверь, впуская в дом запахи улицы и мороз. Ребекка напряглась. Из коридора донесся заносчивый голос Шпернберга, с порога начавшего отдавать распоряжения. Ребекка услышала свое имя. От волнения у нее закружилась голова, перед глазами всё поплыло. Ребекка вцепилась в подоконник, чтобы не упасть на вычищенный до блеска пол.

– Здравствуй, Ребекка, – голос раздался где-то совсем близко, прямо за спиной. – Здравствуй.

Ребекка с трудом повернулась. Йозеф стоял перед ней такой же, как и всегда: высокий, широкоплечий, во взгляде искры льда и бесовский огонек, еле заметная усмешка на губах. Но всё это слетело в тот момент, когда он увидел бледное, осунувшееся лицо Ребекки, лихорадочно горящие глаза.

– Что с тобой?

– Ты... – Ребекка подступила на шаг. – Ты чудовище.

Она кинулась на него, замолотила маленькими кулачками по твердой груди, кидая в лицо Шпернбергу всё новые оскорбления. Йозеф быстро пришел в себя и, грубо отстранив бьющуюся в истерике девушку, ударил наотмашь. Ребекка полетела на диван. У нее пошла носом кровь, и на серебристом шелке обивки тут же появилось несколько ярко-красных пятнышек. В дверях появилась Луиза, кинулась было к Ребекке, но, остановленная бешеным взглядом Шпернберга, попятилась обратно. Он приподнял Ребекку за плечи и тряхнул, отчего кровь полилась еще сильнее.

– Ты что, с ума сошла? Что случилось? – Йозеф догадывался, что случилось, но тем не менее ждал ответа.

– Ты чудовище, – измученно повторила Ребекка, не отводя горящих глаз. – Я ненавижу тебя! Я ненавижу тебя! И я не хочу, чтоб отцом моего ребенка был ты. Ты не достоин этого. Тебе вообще нельзя иметь детей. Слышишь?! Тебе нельзя иметь детей!!!

Она попыталась вырваться из рук Шпернберга, но снова полетела на диван. А он, поразмыслив минуту, вышел вон и направился в кабинет, откуда в срочном порядке приказал явиться Беку. Через пять минут оба стояли в гостиной и смотрели на застывшую в какой-то невыносимой позе девушку.

– Бек, проводите фройляйн на «медосмотр».

– Яволь... герр лагерфюрер, – невозмутимость Шпернберга поразила даже его первого помощника.

– Нет. Пожалуй, «медосмотр» – это слишком. Лучше в индивидуальном порядке. Личное оружие при вас?

– Всегда – как положено.

– Ребекка, – Йозеф повысил голос. – Герр Бек тебя проводит.

Ребекка отняла заплаканное лицо от подушки, под носом остались следы крови. Она взяла себя в руки, поднялась и, не сказав ни слова, вышла из комнаты. Несколько смущенный Бек последовал за ней.

В морозном воздухе выстрел прозвучал особенно громко и страшно. Шпернберг отставил в сторону рюмку с водкой. Заверещал телефон.

– Да, я слушаю...

Ёрëü 2001 – óäääëü 2002

ЧУЖАЯ СМЕРТЬ

Эдуард Шульман

Продолжение. Начало в №1, 2005

12

С октября 1917 года по январь 1920-го власть в городе менялась ровным счетом двадцать пять раз.

Эх, если бы в этом деле – какой-никакой порядок! Ну, случилось так, что город один, а властей много. Ну, сговоритесь вы меж собой чинно-благородно. И меняйтесь, на доброе здоровье, каждое первое число.

Да где там! То большевики четыре месяца кряду сидят, и ты уж поверил, что положение твердое, до мировой революции – рукой подать, а красные полки спешат на помощь красной Венгрии... А утром проснулся – не большевики в городе голова, а какой-то Григорьев. И уже атаман его, Максютя, в Потемкинском парке скрипача-мадьяра повесил.

Ну ладно, мы – не мадьяры. И под Григорьевым проживем... Только где уже тот Григорьев!

Лева Страшун стоит за спиной чугунного Пушкина.

С улицы Короткой наступают большевики, а с Проспекта – махновцы. И те и другие – равно белесые, курносые, голубоглазые. На Проспекте орут: «Ура, Махно!» А на Короткой – просто «Ура!» И стреляют друг в друга.

Пули звонко отскакивают от постамента.

Новая власть празднует победу сообразно своим о торжестве понятиям.

Вступив в город, Петлюра пустил трамвай, от которого жители успели отвыкнуть. Они высыпали на улицы подивиться такому чуду.

Была весна. На Проспекте цвели акация и американский клен. И через весь город, от вокзала до кладбища, тяжело, неслаженно гроыхая, двигались грузовые платформы. Не уголь везли и не хлеб. Мертвые и полумертвые, в кровавых одеждах разметались на платформе большевики – защитники города. И салютом были им искры, падавшие с проводов.

За кладбищем гайдамаки вырыли яму и свалили всех разом, раз у большевиков всё общее.

Овладев городом, красные похоронили товарищей по-иному: с музыкой и речами, и воинскими почестями. Они соорудили на могилах временные надгробия, для чего местами оголили Проспект, частично вырубив клен и акацию.

Две офицерские дивизии, снятые Деникиным из-под Орла, 28 июня вошли в город.

И люди, преимущественно интеллигентные, которые при большевиках отбывали трудовую повинность, вполне добровольно взяли кирки-лопаты и крушили возведенные надгробия.

Руководил работами прапорщик Федор Бельдюгин.

Некий гражданин, в прошлом толстый – костюм висит и пузырится, – жаловался на большевиков. Обложили контрибуцией, уплотнили. Торговли никакой. А это варварство с зелеными насаждениями!.. Еще немного, и Совет издаст указ: для полного равноправия передвигаться на четвереньках.

– Один пишет ферт, другой – фиту... – забормотал Федор.

– Что-что? – не расслышал бывший толстяк.

– Я говорю, колебания у каждого свои, но когда частота биений совпадает... – Федор вынул из рук толстяка лопату и ударил по надгробию, отколов несколько белых с красными прожилками щепок. – Пока мы занимались наукой, искусством... колебались!.. А кончилось тем, что мой отец умер от голода.

Он снял фуражку и отвернулся.

А на другой день по Первозвановской улице шли женщины. И кошелками разбивали стекла в нижних этажах. Пели: «Спаси, Г-споди, люди Твоя и благосостояние Твое!»

Пьяный стоял на стремянке и, раскачиваясь, колотил молотком по вывеске: «Гольман, Боярский. Готовое платье». И тоже пел.

С верхних этажей бросали вещи. Без разбора. Что под рукой. Тяжелые скатки ковров стучались о мостовую и подпрыгивали, испуская дух. Брюки падали, растопырив штанины, и корчились, как бумажные чертики. Казаки ловили их на штыки и пики, швыряли в толпу.

А легкие кружева и ночные рубашки плавно, как облака, спускались с этажа на этаж, медленно оседая. Задрав головы, люди ходили по мостовой, слепо вытянув руки. Потом кидались к месту падения и в давке раздергивали кружева на клочки.

Патруль стоял у одного магазина – «Израиль Блох. Золотые и серебряные сервизы».

Население Первозвановской и прилегающих улиц побежало за Днепр, но катерок-перевоз догнали на лодках, остановили посередине реки, и ночью на пляже в Потемкинском парке Лева Страшун совместно с другими грузчиками занимался особого рода работой.

Ночь была лунная. Они ходили, высоко засучив штаны, по волнистому теплему песку и вылавливали то, что искали.

В парке играла музыка. Там гастролировал (согласно афише) единственный на всю Россию вокально-балетный ансамбль в составе десяти черкесов под управлением заслуженного артиста Императорских театров господина Денисова.

Плеск воды, пляска черкесов...

Лева и его товарищи механически и довольно-таки равнодушно делали свое дело, радуясь, что ночь теплая и вода теплая, и прислушивались к черкесским песням. Когда особенно гортанное, дикое слово настигало их, они старались повторить его и смеялись своему произношению. А чтобы было еще смешнее, подзуживали один другого: а ну, дескать, ты... А между тем сноровисто и спокойно исполняли свою работу.

– Стой! Что за люди?

В аккурат тащили то самое. От неожиданности выронили, и вода поднялась фонтаном.

– Стой! Стрелять буду!

Патрульные решили по всплеску, что они убегают. Но никто даже из реки не вышел.

Командир патруля мигнул фонариком и сразу осветил лежащих на берегу. Лежали стройной шеренгой (любое офицерское сердце возликовало бы, как подравнялись), один только крайний нарушал порядок, затылком плюхнувшись в реку. Вода заливала конец его желтой, мочалкой, бороды, трепала туда-обратно, а из ушей торчали какие-то водоросли... нет, волосы.

– Те, с катера, – пояснил солдат.

Фонарик взметнулся, побежал по другим лицам, и командиру патруля почудилось: они такие же, как у лежащих, – только эти стоят, и не шеренгой, а вразброд, – такие же зелёные, мертвенные лица... Рыская фонариком, он уперся вдруг в очень знакомые черты.

Лева Страшун стоял над телом старика Шморгонера. Со стороны казалось – очень горюет. Наверное, старик этот – близкий его родственник. Может быть, даже отец... Так казалось потому, что думал он о своем отце. Не лежит ли где-нибудь, как Шморгонер? А мать? А сестра Слава?

И в ином свете представилась ему собственная жизнь. Прежде полагал, что идет прямой, восходящей дорогой, а теперь возник перед ним другой путь – от сапожного подмастерья до грузчика.

Вот чего он добился. А мечтает об университете... Несбыточным, фантастически далеким уплывал куда-то университет.

И глядя на горящего Страшуна, командир патруля Федор Бельдюгин думал о своем отце.

Милое довоенное прошлое было для него за стеной. Он словно родился два года назад, когда попросился с отцом и уехал в деревню, присоединившись к мешочникам.

Мужики не брали чиновных мундиров и студенческих тужурок, и он принужден был распродавать лабораторное стекло, употребляемое ими вместо стаканов. Они по-хозяйски любопытствовали, к чему вся эта посуда, и Федор показал несколько простейших опытов. Тогда его накормили и щедро наполнили мешок.

Соседняя деревня прислала к нему делегатов. У них был мандат, и, содрогаясь от брезгливости, Федор читал: революция, демократия, социализм... А в той деревне тоже кормили. И тоже наполнили мешок. И снабдили бумагой, чтоб заградительный отряд пропустил его.

Фома Бельдюгин бегал по улицам, стремясь украсть для обогрева деревянный забор и зычно, на весь Псков, рассуждая перед конкурентами-мальчишками, что, уничтожив понятие «подзаборник», революция ввела новое – просто «заборник». Клянчил объедки по красноармейским столовым, заворачивая их в большой, стародавний, с вензелями платок. Тем же «заборникам» на смех носил вицмундир с четырьмя пуговицами у карманных клапанов, всерьез уверяя, что стоячий воротник предохраняет от насекомых – тифозной заразы.

И Федор Бельдюгин сидел на своих запасах, не смея оставить отца, и ждал его смерти. И топил железную печку Пушкиным, Лермонтовым... А когда наконец дождался, то шёл за гробом среди мальчишек-«заборников». И никто не вспомнил, что совершается погребение статского советника, почти генерала, который всю жизнь отдал канцелярии и просвещению народному...

– Кого хоронят?

– Так, старика одного... дурачка городского.

Федор Бельдюгин плачет.

14

Он раздобыл справку, что Страшун Л. М. служит братом милосердия в санитарном поезде при Добровольческой армии, и документы были вновь отосланы по назначению.

Но Харьков заняли красные. И город NN тоже.

Некий товарищ Серебряков (новая власть) беседует слевой. Он говорит громко (так докладывают о победах), что в губернии 40 % населения неграмотно, что государство задолжало учителям миллиард и триста миллионов, что школы используются посторонним элементом – в классах ночуют банды.

– Короче, товарищ Страшун, поедешь учителем в Губихинские Хутора. И вот что: на станции непременно дождись милиционера.

Еще он говорит, что по распоряжению наробраза, в связи с топливным кризисом, разрешается, коль скоро возникнет такая необходимость, переносить летние каникулы на зиму, а летом проводить занятия.

И вдруг, ни с того ни с сего, обнимает Леву.

И вот он в Губихинских Хуторах – столице волости с населением 1336 душ. Раз в году – ярмарка.

Походным порядком идет на польский фронт Первая конная. Уже забылся и истлел день, когда проскакал мимо школы головной всадник. А она всё идет, тащит за собой пушки, обозы. Несутся по степным дорогам тачанки, и, не поспевая, пыхтит следом автобронепоезд. На железной дороге переключаются бронепоезда, приданные каждой из четырех дивизий. В селах оборудуют аэродромы, потому что Первую конную сопровождает и авиация.

И вся эта сила идет на Федора Бельдюгина.

– В муку смелют, – говорят Губихинские Хутора.

И Л. М. Страшун навсегда прощается с Федором. Или рассечет его казачья шашка. Или прошьет очередь с тачанки. Или раздавит броневый автомобиль. Или разорвет на куски снаряд с бронепоезда. Или накроет бомба, сброшенная аэропланом... Безвозвратно погиб Федор Бельдюгин.

Под окнами, гремя оружием и подковами, идет Первая конная. Даешь Варшаву!

15

Когда красные войска, смяв собственные обозы, отступали от Варшавы, а Львовское кольцо было прорвано, к Мееру Страшуну пришел незнакомый человек.

Меер жил под горой, держал лавку, где торговал ржавым железом – ему нравилось, как оно гремит, – и пускал на ночь постояльцев. Но в нынешние времена это было небезопасно: каждый стук в дверь мог оказаться последним.

– Кто там? – спросил Меер.

– Чужие.

Что чужие – определил на слух; знал, как стучат свои.

– Открой, – сказала Ципа. – Может, от Лейбы...

Человек был костлявый, высокий (шапка еще больше высил его), в шинели простой и длинной, засученные обшлага которой обнажали лоснящуюся подкладку. У него ничего не было. Никаких вещей. Только деревянный футляр внушительных размеров. Человек сел и начал его расстегивать.

Откроется футляр, а там – бриллианты. Спрячьте меня, скажет пришелец, всё это ваше... А потом женится на Славе.

Жадные глаза подгоняли солдата. Он рванул футляр, застежка отскочила, и Меер увидел совсем не бриллианты, а нечто очень для себя неожиданное: стекло... под стеклом – картина... родословное дерево нарисовано...

– Больше у пана ничего нет? – спросил по-русски, что выражало крайнюю степень ехидства и негодования.

– И откуда у одного человека столько родственников... – сказал солдат.

И Ципа подумала тогда, каким нужно быть одиноким, чтобы из всех странствий по фронтам и войнам принести футляр с чужими родственниками, снять где-нибудь в польском замке и таскать за собой, как самое дорогое. Нужно быть сиротой на этом свете.

– Ты голодный, сынок, – сказала Ципа. – Хочешь гомулков?

– Да, мама.

Он снял высокую шапку со звездой (их еще не называли буденовками), и голова его без шапки была совсем маленькая – детская, наголо стриженная головка.

– А такой человек, Лейба Страшун, не встречался тебе?

– Нет, не встречался.

Он ел гомулки – творог, превращенный в камень, – расстегивал крючки на шинели. Потом скинул шинель, и Слава, дочь Меера и Ципы, – белокурая, 18 лет – оттащила шинель на вешалку. Туда же, на вешалку, отправилась краснозвездная шапка. Футляр с графской родословной был подарен Мееру.

Солдата звали Исая Тарло. Вскоре фамилию эту приняла Слава.

Будущий муж не сразу приглянулся ей: какой-то весь желтый, худющий. Она вышла за него, когда у Исая отросли волосы.

Рано утром ее послали за водой, и она увидела: на дворе стоит мужчина в синем галифе и растирается снегом. И кожа нежно-розовая, хотя и твердая. И кудрявые волосы. Сильные руки с очень большими ладонями, которые загребают снег и кидают на спину.

Слава стояла и смотрела. Мужчина обернулся, но она не узнала его. А он подошел, взял ведра и, как был, полуголый, в казачьем, с красным кантом галифе, принес из колодца воду.

Не зная почему, Слава шла за ним в двух шагах. До колодца и от колодца... Спина. Жилы, набрякшие под тяжестью ведер... Очень жарко.

16

Исай поступил работать в кино. Перед каждым сеансом выходил на маленькую эстраду. Сапоги, галифе, гимнастерка, перепоясанная солдатским ремнем, – он стоял, широко раздвинув ноги, и пел:

Митька, слесарь на заводе,

Полюбил глаза одни...

Гимнастерка царская, с воротником стоймя. Летом подворачивал воротник, выставляя напоказ розовый треугольник груди. Зимой ходил в шинели, обхватив горло шарфом.

Буденовка с красной звездой стала тесна ему. Изредка старик Меер напяливал ее, проваливался по брови и выпячивал руки, будто стрелял из ружья.

– Заряжай! – командовал Тарло. – По атакующей цепи – три, в пояс, часто – огонь!

Слава родила дочь.

Исай навещал жену в роддоме, и соседки по палате завидовали: какой геройский мужчина, какой видный! А волосы – чудо, а не волосы!

Муж стоял под окном. Слава зябко куталась в больничный халатик, стеснялась сама себя: и кожа сухая, и губы побледнели... А он всё время на людях. Певец. Артист... И разве мало красивых веселых женщин?

– Я слышала: если петь – выпадают волосы. Хорошо весной – под машинку...

Муж успокоил ее. Он больше не поет. Он заведует буфетом.

– Почему? – спросила Слава.

– Семья, – сказал муж.

Он любил Славу не потому, что хорошенькая – вон сколько красавиц! – а потому, что его жена. И родила ему дочь.

Пройдет не так много времени – дочь сама станет матерью. У нее будут дети – его, Тарло, внуки. У детей – свои дети. Сами собой появятся дядя, свояки, золовки, шурины, невестки... И когда все они, его потомки, захотят оглянуться (они – ветви дерева, растущие из ствола, как ствол – из корня), они увидят, что корень их – это он, сирота Исай Тарло.

И поскольку чувствовал себя корнем, то старался поглубже уйти в землю, укрепиться, укорениться.

Он ходил в новом костюме, как подобает директору лучшего в городе ресторана. Золотые часы швейцарского производства. Мягкая дорогая шляпа. Сюда бы габардиновый плащ – стальной или лучше бежевый... Но Тарло приобрел в закрытом распределителе шумное кожаное пальто, по-военному затягивался ремнем и бодро, с портфелем, шагал по городу, отбивая, как в сапогах, каблуки модных ботинок.

Старая одежда как-то незаметно растворилась – поизносилась, порастрепалась. Шинель, обшитая черным ситцем, заменяла половик, и Тарло вытирал об нее ноги. Из гимнастерки нарезали суконку, чтоб было чем чистить модные ботинки. А галифе, изрядно укороченное, перешло к Мееру, и, гуляя с внучкой, он щеголял воинственным этим нарядом, дабы прохожие принимали его за красного партизана.

Когда старик заболел, Тарло срочно созвал докторов. Приглашал только знаменитых и чтоб брали побольше. Пусть все видят, какие суммы выплачивает он единовременно!

Меер лежал на широкой кровати, пружины которой даже не прогибались под ним. Зато как пели и верещали, если какая-нибудь знаменитость присаживалась на краешке и холодными, красными с мороза пальцами ощупывала бледное Меерово тело. У изголовья стояла Ципа, покорно и быстро исполняя приказы:

– Переверните на спину! На бок! Опустите! Держите!

Самым дорогим врачом оказалась профессор-женщина. Перед ее приходом Меер попросил:

– Ципа, галифе... буду в галифе с доктором.

Она осторожно продела его ноги в синие брючины, застегнула, где надо... Кожа Меера и рубашка сливались с белизной простыни – лежит на кровати большая синяя буква Ф.

– Доцент Страшун, литературовед, – вам не родственник? – спросила профессорша. – Из пединститута...

– Сын, – ответила Ципа.

– В галифе и туда... нестрашно, – лепетал Меер. – Позовите Лейбу.

И завещал похоронить себя в галифе.

17.

Слава родила сына.

Событие это совпало с датой, которую отмечала вся страна. Сто лет назад у комендантской дачи, на Чёрной речке, Дантес убил Пушкина. И новорожденный Тарло, как тысячи его сверстников – русских, армян, коми-пермяков – был наречен Александром.

И бабушка моя Ципа, провожая в могилу деда, прощаясь с привычным, вдруг, в один день, омертвевшим именем, плакала горькими слезами. И не менее горько плакала она над моей колыбелью, где лежал я, розовый, кукольный, не обрезанный, с чужим и тоже мертвым для нее именем.

В этой суматохе между жизнью и смертью, между молчанием, обряженным в казацье галифе, и розовым голым криком, совсем было не до шапки с красной звездой, в которой мой отец пришел сюда.

Которая долго пылилась на вешалке. Которая в редкие минуты болталась на голове Меера. Которую сунули в сундук зимних вещей. Которую запихнули в сундук старых вещей. Которую затолкали в сундук всяких вещей. И которую, со дна самого глубокого сундука, вытащил один человек.

Шапка понадобилась ему в короткие, последние десять минут жизни. Она нужна была больше жизни. И он отыскал ее, и неуклюже влез штатской своей головой в запах нафталина и пороха. И звезда цвета засохшей крови окрасилась живой кровью.

18

Кандидат филологических наук Лев Меерович Страшун расписался со студенткой Митяшкиной. Она была из тех женщин, которым к лицу мужские имена.

– Митя, – говорил Лев Меерович, – мне выписали деньги за статью...

– Купим ковер! – мгновенно решала Митя.

Она считала, что пожениться – их долг. Боевым семейным содружеством нанесут они совместный удар по национализму, шовинизму, черносотенству. Будет борьба! Новое даст сражение старому, отживающему! Мертвечине!

Но ковер примирил всех.

Ципа побежала на Немигу к Ольге Петровне Митяшкиной, выговаривая ей, какая бесхозяйственная у нее дочь. Ухлопать такую уйму денег, когда Лева даже электрического чайника не имеет.

– Вот-вот, – подхватила Ольга Петровна, – послал Г-сподь муженька – чайника не нажил!

Обе старухи были похожи, как похожи деревянные матрешки, вынимаемые одна из другой. Ибо душевному сходству должно соответствовать сходство внешнее. И стало быть, Ципа была та же Ольга Петровна, только большая и толстая – самая первая, крупная матрешка... Так, во всяком случае, я думаю, потому что восстанавливаю ее облик по Ольге Петровне.

– Хорошо бы повесить на ковер какие-нибудь винтовки, – вздыхала Митя. – Или саблю... Правда?

В ответ Лев Меерович рассказывал жене об устройстве дуэльных пистолетов и возмущался казанским кандидатом Волосевичем, который в последней своей статье докатился до диких и несусветных клевет: Пушкин будто бы свою же крепостную девушку погубил.

Она, – писал Волосевич, – покончила с собой именно традиционным способом обманутых девушек – утопилась. Если Пушкин взялся за «Русалку», значит, она была ему не сюжетно, а внутренне близка.

– Нет, этого оставить нельзя! – И Лев Меерович смотрел на жену, разделяет ли его негодование.
– Какая несокрушимая доказательность – «значит»!

– Если бы я была мужчиной, – говорила Митя, – то служила б на флоте.

А Лев Меерович, будь оно в обычаях времени, вызвал бы казанского кандидата на дуэль. Ибо так оставить нельзя!

Давным-давно, когда учительствовал в Губихинских Хуторах, на глаза ему попала работа, в которой известное стихотворение Пушкина «Любви, надежды, тихой славы...» (тогда еще читали: гордой славы) приписывалось Рылееву. И он всё бросил, чтобы вступить за Пушкина.

Время было ниспровергательное. Революция не лишила стариков-академиков ни званий, ни знаний, но все кругом помнили их тайными советниками с лентой через плечо. Странно было, прогнав генералов военных, поклоняться гражданским...

И вдруг – какой-то неведомый Страшун. Молодой. Без прошлого. И такая статья!.. Старики тут же вытребовали его в Петроград.

Митяшкина принесла газету, на третьей странице которой была – петитом – набрана ее корреспонденция.

– Замечательно... замечательно... – одобрил Лев Меерович.

Ибо отыскал уже памятные книги сёл Болдина и Кистенева.

Фамилия крепостной была Калашникова. Ольга Калашникова – управителя Михайлы дочь. И ничего она не топилась! Получила вольную, вышла за мелкого чиновника, обзавелась имением и приглашала бывшего барина крестить...

Статьи Митяшкиной увеличивались в объеме, а он прослеживал стилевые особенности «Истории села Горюхина», выводя их из тех же памятных книг.

Обнаружил шестнадцать перегнутых пополам листков. Титул – рукою Пушкина:

Û "ÒÛ Î Î × Æ Ñ Ò È Ò Í Ð Æ Æ Æ Í È Ñ Æ Í Æ Æ È Í Æ È Æ Æ Ñ Ò Æ Í " Æ Æ

...6-го апреля – дано, 9-го – дано. 29-го – дано...

Повсеместно в Российской империи живут кредиторы Пушкина. Младший брат Левушка проигрался, и, взыскивая долг, командир пятой артиллерийской бригады пишет из Проскурова-города старшему брату – сочинителю:

Г-сподь Б-г посылает на ум тебе сказки да повести, кои ты печатаешь и продаешь; вырученные за оные деньги не бросаешь в Неву-реку, а поди, чай, кладешь в шкатулку; вынь оттуда 500 рублей и 30 червонцев, будь друг и благодетель, пришли мне, а в проценты пришли «Бунт Пугачева».

Вынь да положи!

А Пушкин идет по Невскому. Старая шляпа. Длинная бекеша. Сзади, на поясе, пуговицы не хватает.

Митяшкина уехала в газету за Полярный круг. Сперва писала, после присылала вырезки, сопровождая краткими замечаниями такого примерно рода: «Когда я сидела в юрте, то вспомнила наш ковер» (на полях очерка «У оленеводов-животноводов»).

И он остался один наносить удары по национализму, шовинизму и прочее. Тосковал о своей Мите. Наверное, любил.

19

– Покачай! Покачай!

Тарло сажает на колени дочь и сына, подбрасывает их, и они кричат в очередь:

– А сейчас я выше!.. А сейчас я!

Лев Меерович Страшун – первомайский гость – молча наблюдает за ними.

Гремит радио. Тарло провел его первым в этой старой части города – и вот кричит в хвастливом возбуждении:

– Я принимаю парад по радио!

И дети хихикают знакомой шутке, и Слава преданно мечется меж столом и буфетом, а мать Ципа строго косится на черный, в трещинах, круг – он дрожит и трепещет, раздираемый маршем. Ципа выключает радио. Дайте ему отдохнуть, наконец!

– Как дела-делишки? – спрашивает Тарло.

– Так...

– Нет, не так. Так ничего не бывает. Не за «так», а за деньги!

Лев Меерович засмеялся:

– То так, то пятак, то денежка... Любимое присловье Пушкина.

– Да? – И Тарло победоносно оглядывает родню. Вот он какой я!.. Потом наклоняется к родственному уху, но говорит громко, чтобы все слышали: – А что я тебе скажу – обязательно запиши!.. Ухаживали за одной дамочкой Пушкин и Лермонтов...

И предвкушая веселую историю, визжат дети, и фыркает Слава, и улыбается мать.

– Не веришь?.. Да чистая же правда!

Лев Меерович Страшун кланяется.

Среди специалистов славился он как «чтец», то есть имел способность читать пушкинскую руку – качество, ценность которого особенно возросла, когда Гофман эмигрировал, а Щеголев умер.

Молодые побаивались его. Начинен ветхозаветными правилами! Кто в наши дни отвергает конъектуру? Да это искусство – восстановить по догадке темные места. И прямое наше дело!

Наше дело, говорил Страшун молодым, – прочесть то, что написал Пушкин.

На юбилейной сессии в Михайловском присудили ему премию. Но не одному, а вкупе с исследователем, который превратил в единое произведение опубликованные им, Страшуну, отрывки. Лев Меерович высказал обычные взгляды и покинул Михайловское.

Однако доехал только до Пскова. Древняя республика, огородившая свои вольности четырьмя рядами каменных стен, – самое место для строптивцев, не принимающих премий. Лев Меерович стоял в псковском кремле под угловой башней Кутекомой, называемой здесь «Пушкинская беседка».

Его сравнивают с человеком, который на закрытых дверях разобрал таинственные письма. Теперь достаточно произнести вслух – и дверь растворится...

Но он молчит.

И бродит по псковским кладбищам, разыскивая некую могилу. Хоть крестик, хоть холмик, хоть память чья-нибудь случайная!

...Молодые ниспровергали его. Препятствует дерзновенным замыслам. Сухомятка надоела! Пушкин удавился бы с тоски, читая ваши книги, – отрывки, обрывки... круглые, квадратные, фигурные скобки!

Если бы догадались украсть черновики! Подклеить страницы, исхлестанные крест-накрест карандашом, разодранные, искромсанные... Но они не догадались.

Величали «пушкиноедом». Наверное, справедливо. Из той книжицы – «Щёты по части управления...» – умудрился извлечь цифровые выкладки под заглавием «Пушкин-бухгалтер». Проскуровского артиллериста снял последним, уже в гранках...

Только то, что проверено! Только то, что несомненно! Прочь словеса! В корзину! Вон сопутствующие чувства!

Он уехал из Пскова, так и не найдя могилы Бельдюгина. Никто не повстречался ему из прежних мальчишек-«заборников».

20

Областное издательство заказало тощую, на полтора листа, книжицу. Редактор многократно напоминал о сроках, прислав под конец грозное уведомление: ждем до понедельника, 23-го июня.

Ночь. Суббота.

Лев Меерович Страшун ходит по комнате. От ковра к полке с книгами, от полки к коврику.

– Пушкин погиб на дуэли... Пушкин погиб на дуэли...

Видит Дворцовую набережную. Наемный экипаж мчит Пушкина к Черной речке. Навстречу – жена. Крикни Данзас: «Стой! Погодите!» – может, и обойдется... Но Данзас не крикнул. А Пушкин отвернулся от ветра. А Наталья Николаевна была близорукая.

– Погоняй!

Снег по колено. Секунданты протаптывают дорожку. Пушкин сидит на сугробе.

– Я не хотел стрелять, – говорит Дантес. – Но он смотрел с такой ненавистью – я испугался... Я не хотел убивать – метил в ногу... пуля прошла выше... Она всегда идет выше. Я подумал об этом, когда уже выстрелил... Он бы убил меня!.. Я не хотел его убивать!

Жандармы спешат предотвратить поединок и, загоня лошадей, скачут в противоположную сторону, в Екатеринбург.

Пушкин погиб на дуэли. Он умер не своей смертью. Чужая смерть пришла к нему. Может быть, ошиблась дверью.

Чужие люди привели ее – те, кому была она предназначена. Они бежали впереди смерти с фонарем, освещая дорогу.

Но даже эту чужую смерть он встретил как Пушкин.

– Ну, подымай же меня! Пойдем! Да выше, выше!.. Ну, пойдем...

Уже бомбили электростанцию.

Γέη - αί εὐρέϊα

Í à ÷ àì í àæ á à ñ ÿ ã ò á à ñ è è è á à ð í é.
Á ï ð ÿ á è á í à ò ó ð à è ù ù í ã í à ï á ï à
Í è ñ ò á è ð í ð è ò í à è ò ñ ÿ ï ï ð í é
Ç à è ç à à í í ú é ð ï ï à ï, ï ï ÿ ï ó, ï í à ñ ò ù
Í ò á à ò ù ñ à ð í è ñ ò á è ù ñ è ð ð ñ à ñ ò ù
Ñ í à ñ ù à ð ù á á à è ï Í à ñ ò á ð í à è..
Ò ï ò ï ñ ò ó ï è è è à è è ñ ò è í í ú é ò è è ï ñ ò:
Í à ñ ò á à è ò, ÷ ò í à ù í á ï ï à ñ ò ù à ï ð ï ñ é,
Í è ð à ñ è è ò, í è á à ð à è ñ è è ò í í à ï ð ï ñ á
Ó è ä ÿ á Ó à è ñ ù è ò à í ò æ è ò á è ñ è è ò à ð ï ç
To be or not to be - à ï ò á ÷ à ï à ï ï ð ï ñ!

«Я говорю, конечно, не о гимне».

Á ï ï ÿ ç è è í ò á à è ó à ð ð ÿ à à ò ñ è è è -
Í à è í è ç ñ à ï ù ò ï è ð ï ù ò ó à ñ è è í á
Á à à ó æ è á à è è ñ ù ï ï - à ï à ð ï ñ ñ à ñ è è
Á à ð ò ï, Í à ð ò à è, × ó è í à ñ è è è, Í è ò à è è í á
Á à ñ ò è è è, è à è á à ò ñ ò à ï, à ï ð ï à è ï í á
Β à ñ à ð ð, è ï í á - í ï, í á ï à è ï í á
Í á á ç ÿ è è á ù è ÿ ò è ò ç à á ï è à
Β à è æ ó - ï ð è ò á è è ñ ÿ Ó ð à à ð ï à ï ò à ï,
Á ó æ í à à í è ï ç à ï à ñ ï á ð ó è à
Ñ à è ó à à ï ù è è ï ñ à ï ò è ï á ï ò à è ù ù ï ï
è à ï ò ï ï.

*Néaæèòá íòèðíááí íí, Óðááðí áí,
Çá-áí áí Áéíáí nóí óèè á ðíí áí?
Èíí ðááèí ááéí: áíò ÷áðí èèà, ðó-èà
È, ÷òíá íá ááííá ááóáèè ííááé,
Í èøèòá: «Áéèáý ííááèà Éó-èà»,
Í íá æá - «Í íááíðúí éþááè». Áíò òáé
Í àòáðèæè òíðíø è ááðíí ííááí.
Níááèà - íáøà Ááòíð - ááðííííáááí...
Níí í èòáéúííúé áííðíííðéíðèòáòá
Ðáçáòò óæá ááíýòèáí è ááçáò.
Nóááúí éø «Èèòáðáòòðíí áý ááçáòá».
B íá áíááá ááðó áá á èéíçáò:
Çéíáíííáý áí í ááááíáèòá
Áéý çáíí èòú í ðèèè-ííé íá áíáèòíý...
Ááçáòú ýòíé íááí nóíðíí èòúíý,
Á íáé ííáæáé èðíáíþ èáæáúé èéíð
ííèèò.
Áéýáèòá áíò ííáááè íá ííèíòðáí èòú,
À á í áí - ðáíðáðçáííúé èííí íííèèò.
Í ðíéááò áíá íáááéý, è áááà èè
Í í í á í-òèèòíý áéííí ííáááèá
Í í áðòáíð - òíðíøí èéúíé-áíí -
Í èíáéííííá áéý íáøèð íááèáí íá
Í í éáááí Èéúò è «øáááí áíé» áíí.
Í í èííáíí èíéíí íðíáèò ðúíýííá
Í ðííèèòá éíé ííèííáúé - nóáðí,
Í á ýòí áííòúáááíáíá íáðí.
Çáèèáúáý áýçíþ, ÷òí áííòúí í ÷é,*

Β οίεϋεῖτ ἰδῖοὲὸ ἐδῖαἰἔ Δῖνὸ αἰ ἂ

«Осиновым колом пробит Тынянов».

Áῖνὸ ἰε ε Çàí'áá - ááñ ἰ ἰññ ðεé Èεἰ εεἰ ἂ

Áá ὄε ἰ ἂὸ. Ἰ ἂ Çàí'áá, ἰáí ἂεἰἂ

È Èáá Ἰ εεῖεἰ δῖεἰἂὸ, εἰε Δῖεεἰ,

È Δῖεεἰ, ἂε δῖεἰἰεἰ εἰἂ

Ἰ εεῖεἰ - εἰἂ Ἰ ἰ ñεἰἂὸ, ἰáí ἂεἰ,

Ἰ ἂ ἰáí ἰεῖἂὸ ἰ ἂ - εἰἂ, ἂ ἰ ἂ ἰ ἂεἰἂ..

Ἰ ἂ ἰ ἰ ἂεἰ ἰε εἰ ἰ ἂ ἰ ἰ ἂεἰ ἰ ἂ - εεἰἂ

Ἰ ε εἰἂ - εε ἂ ἰ ἂ ἰ ἂ Ἰ ἰ ἰ ἂ ὸ ἂ

Ἰ ἂεἰἰ - ὸ ἂ εἰἂ, ὸ ἂ εἰἂ ἂ ἂ ἂ

ἰ δῖνὸ ἰ ἂεἰ,

Ἰ Ἰ ἂεἰ - ἰ ἰ ἂεἰ ε ἰ δεῖεἰἂὸ ἂεἰ Ἰ ἂ ὸ ἂ

Ἰ ἰ ἂ - εἰ εἰ ἰ, ἂ ἰ ἂ ἂ ἂ ἂ - εἰ ἂ ἂ ἂ

Çà : ὸ ἰ ἂ εἰ εἰ ὸ ἂεἰεἰ ἰ ὸ ἂεἰ ἂ ὸ?

Ñ : ἂ ὸ εἰ ἂ ὸ ὸ ἰ ὸ, εἰ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ὸ

Ἰ ἂ εἰ εἰ çàí εε ἰ ὸ ἂ ἂ ὸ ἰ εἰ ἂ ἂ.

Ἰ ἰ ἰ ἂ ἂ ἂ ἂ ὸ, ἰ ἂ εἰ ἂ ὸ ε ἰ ἂ ἂ ἂ ἂ ὸ,

Ἰ ἂ εἰ ἂ ἂ ἂ ὸ ἰ ἂ ἂ ἂ ὸ ε ἂ ἂ ἂ ἂ.

Ἰ ὸ ἰ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ὸ ὸ,

Β ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ὸ ἂ ὸ ὸ.

ὸ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ὸ,

Β çí ἂ ε ἂ ἂ, εἰ ε ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ

Á ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ἂ ὸ ἂ ἂ ὸ ὸ,

Í í áí òíáí ì éíòòú ÿòè ðááèè,

× òí ñíáòáðíáí éáí ó-áí éèá

B íáðáí áí ú æáá, pardon, çáí í èá

«Áíí ðííí ÷-áíòè, ñíáííòè è áí èá...»

Í ðèí á-áí éý:

1. Ñí-éíáíí á èááðá (èèè óæá íá ìíííéáí èè) á 1948-1951 áíáá. Í áííáíðáíí áèèçéíí ó áðóáí ÷-òí ìííòèè ñíááòíðá áíííéèá è íòðúáí-íí, ìí íáí ÿòè, çáí èíáè.

2. B ñíáèðáéíý áííòóíèòú ñ íèòááíé... - «...B òíòáè / Áááí úí -áááí í ðèíýòóíý çá íèòááò» (Í óæèí, «Áíí èè á Èíéíí í á»).

3. Ñòðáíá ì ìý ííýòáí è íèùá... - «× áðíí-òð ñòðáíá ì ìý ííýòáí è íèùá» (Í áýéíáíéèè).

4. Ñíáíí áðóáíá ááéí Í áííòáðíáè. Ñ ñòðáéíú 40-ò áíáíá áí éííòá æéçíè í óáèèéíááèèíí (áí óòðè ñòðáíú) í ðáèí óúáííðáííí í áðááíáí. Í á ñòááèò, ÷-òíáí íá ìííáííòú áí ðííáè, í è ðíííéèò, í è ááðáèíéèò ìí áííðííá... Èíííòáí ðèí Ñèí íííá «Ðíííéèè áííðíí». Í ííéááíáí íáý Ñòáèéííéáý í ðáí éý çá ìííáíò è óèèíí. Ýèðáíéçáèéý Í èðáèèá Ðíí í á

5. ...Í èðáèéíá Ááí ñòèðè, èáè ááííòáí, áíðíáè ì íá B áíáíð, éííá-íí, íá í áèí íá... Ááç éíí ì áí òáðèáá

6. ...íðèòáèéíý Óðááðíáí òáí, á óæ íáá íèí çáíáíáíá ðèèá ñ áíèóááíúéèíí ñáí ðèí áíòáèííúí éáí òíí. Ðúáèí Èííááè- Óðááðí áí (1891-1972) í áðáèèè áðíáá áí ÷-òòú èè íá áíáò íáííáíáèíá: Áóèááèíáá, Í áí ááèíó-òáí á, Í áííòíáíéíáí, Ýðáí áóðèá... Í áòóðáèííí, íá í áðáèçáááèè (òíáíá) ñáíð áèèç ð áííòðáèèéíéç ñíááéó («Áéíáí, èèè Í íáííòú í í áðáíé èðááè»), á áíííòðáí úéí í áííòðí-èè (á ñíááòíðíòáí) íá-òí í ðèíðèòáòí í á áááò òíí áò. Í ì áííòí úò ì í ðáí éááò áéýú

7. Ííéááí Èèúò è «óáááí áíé» áí. Ííéíáíí éíéíí í ðíáèò Óúíýííá Ííéíéíúá Èèúò è Óúíýííá - «ááçðíáíúá éííí ìííéèòú». Ííéíéíúé Í áòðíá - ñíááíòíéè éííááðíò - íá «ááçðíáíúé». Í òááèáí íò ñíááòíðá è í áðáíáí áíáí ñííòíýòáèíí çð òáíð-áíéçð ááèíéòá

8. Áííðííí ÷-áíòè, ñíáííòè è áí èáí èèòú Èáçáèááè- ñòááèè éííáíá... Ýí ì áí óèè Ááí ðèòíáè- Èáçáèááè- (1913-1962) çá ì íáííòú «Çáçáá» óáíííòíáí Ñòáèéííéíé í ðáí èè, çá ì íáííòú «Ááíá á ñòáí è» ðáçòóáí. Á íáè-òí è ñíí-óáííòáèáí í èííé í ááçáðòèðá

Í áí-áò × ÑÁ (× áíòè, Ñíáííòè, Áíéáá) ìí-òè áóèááèííí ó Ñèóòéíá (1967). Í ðí ñò áðóáèèáíí ééíá

Á ñí ðáíí-í èèè íá í ðèò-èèèíí éáçòú

Èðáýò í íáèíéè ñòèòá è í ðíçú.

È í áííáèááðò Èðáíáí × áíòú

ПАНОРАМА

Î àðé Èáøì àí

«Шестоднев»

Из серии «Натюрморт-автопортрет».

Я пишу картины на темы Библии. Занимаюсь этим последние 30 лет. Знакомый искусствовед разводит руками:

– Нормальные люди, простите, изображают красивых женщин, накрытые столы, интересные здания, природу... А вы? Неужели сонмы кружочков, звездочек и квадратиков заменяют библейскую реальность?

Отвечаю с двумя оговорками:

1. Греческое слово «Библия» употребляется здесь по традиции. Гораздо точнее – иудаистская аббревиатура «ТаНаХ» (Тора, Невиим [«Пророки»], Х=К [Кетувим – «Писания»]), поскольку «Тора» и «Хумеш» («Пятикнижие Моисеево») и есть источник передаваемых мною образов.

2. Я знаком с толкованиями блестящих и достаточно авторитетных комментаторов разных конфессий – от Раши и Иоанна Златоуста до Тейяра де Шардена, рабби Шнеерсона, отца Павла Флоренского, но высказываю (рисую) лишь то, к чему привели меня мои собственные интуиция, размышления, озарения.

Теперь отвечаю развернуто:

1.

Мне, извините, не всегда интересен наш давно сотворенный, состарившийся, закоснелый мир. Куда привлекательнее (набираю курсивом. – М. И.) процесс, этапы становления, первоначальный хаос, взаимодействие с глубинными пластами Бытия, в каком-то смысле – мое личное общение с Творцом Вечности («мелех а-олам» по-еврейски). Вот на что я, в силу своего несовершенства, держую.

Самое сильное впечатление производит на меня то, что в местной традиции именуется «Шестоднев». Ведь чем дальше от Сотворения, тем слабее, тем косвеннее связь Человека с Творцом. Тогда как в мире «Шестоднева» – едва ли не прямой, почти телесный контакт. Ибо тот мир только что, на наших глазах создан – юный, новый, «с иголочки».

נְעֻמָּה לַיְיָ דָּאֵי. עֲצִיבֵּה «אֲדָבָרֵי». עֲצִיבֵּה «וָאֵי» . עֲצִיבֵּה «וָאֵבֵה».

Мир Торы покоится на следующих основаниях: Вечность, Время, Буквы, Пространство.

Так как я не теолог, рассуждать о Времени и Вечности не буду. Но живопись – искусство пространственное. Многомерность Торы – не ньютонова мертвая машина, не кеплерова небесная механика, а живая плоть, возрастающая и плодоносящая.

Пространство «Шестоднева» – «дырявое», недосозданное, насыщенное «черными дырами». В моих композициях эти демонические пустоты – инферально-черные.

Из серии «Таниним».

3.

Приведу маленькую хасидскую притчу в переложении Мартина Бубера:

Èç ñàðè «Ñì áðò ù Ááàì à».

БОКС

עֵשָׂא אֶלְדֵּי

Не возьму в толк: почему мы были врагами с соседскими мальчишками? Делить нечего, а всё время «стенка на стенку». Возвращаемся из школы, а они уже «свиньей» построились и ждут. Надоело. Никола и говорит:

– Абрашка, дуй в секцию бокса, потом нас всех научишь. Даром, что ли, сто раз смотрели «Первую перчатку»?

В сорок седьмом году появился этот фильм. Каждый день мы бежали в клуб. Билеты покупали на один сеанс, потом залезали под кресла или перед самым концом выскальзывали в фойе, прятались за шторы, а то и в туалете, и с новыми зрителями просачивались обратно в кинозал. Болели за героя. Очень хотелось быть таким же смелым и сильным, как он.

Решено: начинаю заниматься боксом. Надо уметь защищать слабого.

Тренер – мастер спорта:

– Беру тебя в секцию. Только очень уж ты хлипкий. Сколько тебе лет?

Я прибавил два года:

– Четырнадцать.

– Окрепнешь. Главное – желание и дисциплина.

И вот я в зале. Тренера нет. Висят груши. Спортсмены по ним лупят. Один верзила дал мне перчатки.

– Ща те приемчик покажу.

И как врежет мне прямой левой в голову. Что-то хрустнуло, потекло... Я к нему в объятия – клинч называется.

– Защита – основа спортивного мастерства, – говорит верзила с ехидцей.

Отшвырнул меня. Я грохнулся.

– Вставай! Поднимайся!

Такой же удар.

– Чего ж ты. Закрывать надо! Ну и ну. Шибздик какой-то.

Я разозлился. Поднимаюсь и... правой снизу от пояса к подбородку. Дальше не достал, но тут же справа и слева вмазал ему в солнечное сплетение. Такой прыти верзила от меня не ожидал.

– У, гаденьш!

И левой делает отбивку: носа нет, вместо лица каша.

Весь в крови, еле добрался до поликлиники. У хирурга руки лежат на столе. Запястья тонкие, а кулаки огромные, больше, чем у того в перчатках.

Вот бы занять такие кулаки. Противник у меня в ногах, в нокауте, так и валялся бы.

Врач, зашивая губы и что-то сооружая из остатков моего носа, говорит:

– Это не бокс. Это... Нельзя соваться абы к кому. Сначала надо всё разузнать, а потом уже... «Груша» ты, как есть «груша». Займись сначала гантелями, жми колечки ладонями, отжимайся от стенки и от пола, бегай, прыгай, делай гимнастику. Штангу пока не трогай, она прекратит рост. Кости у тебя есть, а мышцы наработаешь. Не унывай!

В секцию я больше не ходил, но дома упорно отработывал удары.

РАББИ ШМУЭЛ А-НАГИД

י' אדעווי עאי אײ

Продолжение. Начало в № 9–12, 2004; № 1, 2005

15

אַײ װײַס אײַס

Свадьбу своего главного визиря халиф решил отпраздновать с неслыханной пышностью. И конечно же, во дворце «Аль Хамра». На праздник пригласили множество вельмож и даже нескольких эмиров из соседних стран. Повелитель Гранады жаждал продемонстрировать высокородным гостям величие своего двора и, разумеется, красоту заново отстроенной резиденции.

Еврейская община Гранады тоже вознамерилась особым образом отметить свое участие в столь важном событии. Со дня на день должны были объявить о закладке здания новой городской синагоги. Чертежи его, к тому времени уже выполненные, и весьма крупную сумму денег, ассигнованную на строительство, предполагалось вручить рабби Шмуэлу прямо в день торжества, перед брачной церемонией, – дабы тот хранил их у себя. Кроме того, планировалось присвоить жениху почетный титул «мудрец города».

Хабус прослышал об этих планах и, в свою очередь, желая продемонстрировать царскую щедрость и впридачу благосклонность к иудейскому племени, приказал в день празднества во всеуслышание сообщить об основании новой еврейской школы.

В ожидании грядущего бракосочетания с дочерью рабби Йосефа ибн Мигаша, рабби Шмуэл пребывал на вершине блаженства. И всё же затаенная горечь делала его радость неполной. Радость меркла в те мгновения, когда он думал об отце и матери, которым не суждено было присутствовать на его свадьбе. Если бы знать наверняка, что родители умерли... Он бы горевал по ним в положенные для траура дни, а потом понемногу утешился. Но мысль, что они, быть может, еще живы и жизнь их полна боли и унижений, что они влачат где-то рабское существование, – эта мысль не давала ему покоя и, покидая на краткий срок, неизменно возвращалась вновь.

Утром долгожданного дня – того дня, когда при царском дворе должно было состояться великое торжество по случаю женитьбы нашего героя, к нему в дом явился посланец с письмом от рабейну Нисима из Керуана. Рабби Шмуэл этому вовсе не удивился, ибо часто получал письма от своего доброго знакомого с вопросами и ответами по Алохе. Поначалу он даже хотел было отложить чтение письма до следующего дня, когда ум его не будет более отвлекать предстоящее событие. Тем не менее нечто, чего он и сам объяснить бы не смог, заставило его изменить решение и взять в руки листок бумаги, исписанный с обеих сторон. В конце концов, рабби Шмуэл был из тех людей, что при любых обстоятельствах, радостных или печальных, способны владеть своими эмоциями.

В первой части послания рабейну Нисим извещал адресата, что здоровье его вполне благополучно, рассказывал про свои успехи в изучении Талмуда, а также сообщал новости о жизни общины города Керуана. Он даже не упомянул о своем бедственном финансовом положении, ибо не хотел, чтобы рабби Шмуэл о нем тревожился. Рабби Шмуэл несколько минут спокойно скользил взглядом по строчкам, но вдруг сердце его забилось со страшной силой; он едва не задохнулся. Снова и снова, дрожа, перечитывал он то место, которое приковало его взор, дабы убедиться, что здесь нет ошибки, что глаза его не обманывают, что он всё понял правильно. Рабби Йосеф, отец рабби Шмуэла, писал рабейну Нисим, жив, он только что освобожден из рабства и сейчас находится в пути, а путь его лежит к сыну, к рабби Шмуэлу, и через некоторое время они встретятся.

– О Владыка мира! – вскричал рабби Шмуэл в неопишемом волнении. – Благодарю Тебя! Ты исполнил одно из самых заветных моих желаний и вскорости позволишь мне увидеть любимого отца! Теперь счастье, которое я предвкушаю, будет полным...

Спустя час состоялся торжественный выезд жениха во дворец «Аль Хамра». Празднество открылось спортивными играми на площади перед дворцом. В прозрачную воду на дне фонтанов в тот день специально добавили благовоний, от этого воздух был напоен головокружительными ароматами. Соревнования начали лучники, и рабби Шмуэл, честно признаться, без малейшего удовольствия сидел и созерцал этот отнюдь не еврейский вид спорта. Что поделаешь! Положение обязывает... Однако, глядя на красивых и ловких юношей взором, полным равнодушия, он всё время помнил о своей нечаянной радости и о встрече с тем, кого уже не надеялся увидеть в земном мире. И ликовал в душе. И возносил молитвы. Он вообще обладал этим редким и ценным качеством – мог, слушая что-то неинтересное, рассматривая нечто невыразительно-скудное, размышлять о своем.

Затем наступил черед публичного шахматного турнира. Шахматы, надо заметить, были любимой игрой халифа, и обойти без них в данном случае никак не могли. Призы для победителей поражали великолепием: сделанные из золота, украшенные драгоценными камнями фигурки и ларцы блестели на солнце. Что касается проигравших, то им предстояло незамедлительно покинуть праздник.

На высоком раззолоченном троне рядом с виновником торжества восседал халиф Хабус; лицо его выражало глубочайшее удовлетворение. От брака своего первого советчика он ожидал большой государственной выгоды. Правитель приветливо улыбался окружающим и даже, беседуя с гостями, каждому говорил что-нибудь лестное.

Рабби Йосеф ибн Мигаш, отец невесты, был сильно смущен: ему прежде никогда не приходилось бывать при дворе кого-нибудь из сильных мира сего, он не привык разговаривать ни с королями, ни с султанами и потому совершенно не знал, как себя вести, как реагировать на происходящее. И конечно уж, он и понятия не имел о «подводных камнях» придворной жизни, о хитросплетениях политики, о тайных мыслях халифа и скрытых побуждениях его министров. Тем не менее все, разумеется, перед ним заискивали, все пытались снискать его доверие – с тем чтобы благодаря ему сблизиться с первым визирем, его зятем, и пытаться влиять на него. По большей части это были честолюбивые евреи, стремившиеся возвыситься, заполучив важную государственную должность. Рабби Шмуэл всегда с большой осторожностью назначал евреев на какие бы то ни было государственные посты, ибо прекрасно видел, сколь велика неприязнь арабов и берберов к евреям, и не хотел возбуждать лишнюю зависть, дополнительную вражду, предпочитая приносить пользу своему народу иными способами. Вот теперь все эти обойденные милостями, тщеславные люди и набросились на рабби Йосефа ибн Мигаша, стараясь всячески убедить его, что главному визирю необходимо тотчас же расстаться с прежними принципами и назначать на важные должности как можно больше представителей иудейского племени.

– Ну что, мудрец Йосеф, – обратился халиф к отцу невесты, сидевшему неподалеку от него, – надеюсь, ты доволен?

– Господин мой халиф, – отвечал рабби Йосеф, – ты оказал мне великую милость. Но как могу я со спокойным сердцем наслаждаться жизнью, видя, что главнейшие посты в твоём государстве переданы в руки лицемерных арабов, на верность которых никак нельзя полагаться... Если ты послушаешься моего совета, господин мой халиф, и отдашь больше ответственных должностей в руки евреям – а они превосходят арабов и ученостью, и усердием, и преданностью, – тебе никогда не придется сожалеть об этом. Ты выгадаешь не меньше, чем выгадал от назначения рабби Шмуэла первым визирем.

Халиф, вообще-то не испытывавший к евреям ни любви, ни ненависти и во всех своих деяниях руководствовавшийся лишь соображениями собственной пользы и пользы для государства, почувствовал

себя задетым словами простодушного рабби Йосефа. Он давно успел заметить, что рабби Шмуэл, мудрый и дальновидный, умел обуздать арабов как раз тем, что передавал в их руки почетные должности редко и понемногу, заботясь о том, чтобы на всех ключевых позициях оставались те, на кого он смело мог положиться. В один миг рабби Йосеф лишился в глазах халифа всех своих достоинств. Хабус уже начал жалеть, что устроил этот брак. Тем не менее он сдержал гнев. Вокруг было слишком много гостей, слишком много чужих ушей; поэтому он ответил рабби Йосефу холодно, но спокойно:

– Разве мало того, что под началом твоего зятя и армия, и налоги, и священные пожертвования, и казна? Какие еще высшие должности хочешь ты передать в еврейские руки?

И, не дожидаясь ответа растерянного рабби Йосефа, повернулся к нему спиной. Рабби Йосеф слишком поздно понял свою ошибку. Он-то наивно полагал, будто халиф – великий друг евреев! Впрочем, глава ешивы тут же овладел собой и успокоился. «Ничего страшного, – подумал он, – через несколько минут начнется свадьба, и я смогу утишить гнев повелителя, когда тот подойдет ко мне с поздравлениями».

Тем временем другой рабби Йосеф, отец рабби Шмуэла, прибыл в Гранаду. В соответствии с наставлениями мудрецов он не должен был явиться перед сыном нежданно-негаданно. Посему он сначала направился в еврейскую гостиницу, чтобы отдохнуть там с дороги, разузнать поподробнее о жите-бытье Шмуэла и уж тогда отрядить к нему посланца с известием о своем приезде.

В те времена христиане тоже останавливались в еврейских гостиницах, по крайней мере, в тех местах, которые описаны в этой книге, ибо мусульмане не позволяли христианам держать собственные постоянные дворы из религиозных соображений. А в мусульманские гостиницы христиане не хотели заходить из-за смертельной вражды между ними и последователями Аллаха. В еврейской гостинице рабби Йосеф впервые встретился с путешественниками-христианами, прибывшими в Гранаду из разных стран. Местные приверженцы Христа тоже заходили в эту гостиницу, чтобы встретиться там со своими единоверцами и поговорить о делах. Но их неизменно сопровождали стражники халифа. Рабби Йосеф пообщался и с гранадскими, и с заезжими христианами, побеседовал с ними о том о сем... Неожиданно зашла речь о главном визире.

– Мы должны благодарить Б-га, – заметил один из местных христиан, – что эта должность в руках у еврея. Визирь уже отменил многие законы, чреватые дискриминацией, унижением христианского населения Гранады. В сущности, против него они и были направлены. Поначалу каждый христианин, который позволил себе непочтительное высказывание по поводу священных текстов Корана, или брал в жены мусульманку, или убеждал мусульманина поменять религию, подлежал смертной казни. Теперь казнь заменена денежным штрафом. Новый визирь отменил подлый закон, обязывавший христиан носить особого рода одежды, да еще со специальными отличительными знаками, чтобы все знали, кто мы такие, в какого бога веруем... Теперь законов этих практически не осталось – не считая, правда, того, что нам не разрешают звонить в церковные колокола, есть свинину и выносить крест на улицу. Мы очень благодарны рабби Шмуэлу за все его благодеяния, за облегчение, которое он нам принес. Сегодня, наконец, у нас будет возможность выразить ему свои самые добрые чувства.

– Почему именно сегодня? Что ты имеешь в виду? – удивился рабби Йосеф.

– Сегодня свадьба рабби Шмуэла и дочери рабби Йосефа ибн Мигаши, главы ешивы. В конце пышного торжества нам разрешено устроить небольшое представление в честь новобрачных.

Услышав радостную весть, рабби Йосеф несказанно разволновался. Слезы счастья заблестели у него на глазах. Он хотел было тотчас броситься к сыну, чтобы обнять его, поздравить и принять участие в торжественной церемонии. Но одумался, почувствовал, что страшно устал, что покой и отдых необходимы ему после долгого утомительного путешествия. Дорога в Гранаду совершенно истощила его силы, он решил, что новые волнения сокрушат его окончательно, а плачевное состояние, в котором застанет рабби Шмуэл своего отца, лишь испугает сына, испортит ему праздник. Поразмыслив, рабби Йосеф всё же отправил гонца известить рабби Шмуэла о своем приезде. Однако сам он едва держался на ногах. Пришлось лечь в кровать.

Посланец немедленно поспешил во дворец халифа. Прибыв туда, он застал торжества в самом разгаре. Большой хор исполнял гимн, недавно сложенный рабби Шмуэлом в честь повелителя. Гости шумно выражали халифу свое восхищение неслыханной мудростью и ученостью первого визиря, его редким поэтическим даром. В момент всеобщего ликования появился слуга и сообщил рабби Шмуэлу, что некий человек желает переговорить с ним по весьма важному и неотложному делу.

– А спроси-ка у этого человека, – приказал слуге рабби Шмуэл, – разве он не знает, что именно здесь и сейчас совершается мое бракосочетание? Разве ему не пришло в голову, что в такую минуту меня ничто стороннее не интересует?

– Вот то-то и оно, – отвечал слуга смущенно. – Я и сам подумал, что этот гонец не вовремя. Но он уверяет, будто именно из-за того, что у вас свадьба, он и должен вам что-то сказать, а ждать никак нельзя...

Последние слова слуги заставили рабби Шмуэла снизить и впустить посланца; нетрудно представить, сколь велики были его удивление и восторг, когда он узнал, что рабби Йосеф уже прибыл в Гранаду и остановился в еврейской гостинице. Он попросил прощения у его светлости халифа, у дорогих гостей и, не теряя ни секунды, отправился к отцу.

Прибыв в гостиницу, он застал его за чтением «Шма». Рабби Йосеф не прервал чтения и, лишь дочитав молитву до конца, повернулся к сыну, обнял его и горячо расцеловал, с трудом сдерживая слезы.

– Шмуэл, сын мой, – заговорил рабби Йосеф в большом волнении. – В Торе, видишь ли, написано, что когда Яков, наш праотец, встретился с сыном своим Йосефом, то Йосеф бросился Якову на шею. Но не сказано про Якова, что он бросился на шею Йосефу. И тем это объясняют наши мудрецы, да будет память их вечна, что в тот момент Яков читал «Шма». Я всегда задавался вопросом: неужели Яков не нашел другого времени, чтобы прочесть «Шма»? Если ты скажешь, что настал, мол, час молитвы и Яков не хотел откладывать чтение, то тогда возникнет другой вопрос: а почему Йосеф в это самое время тоже не читал «Шма»? Но сейчас мне всё стало ясно. Видимо, в тот миг, когда увидел Яков, праотец наш, своего любимого сына, увидел после многих лет разлуки, после того, как давно счел того погибшим, сердце его охватила великая любовь. Любовь к Йосефу. И он начал читать «Шма», чтобы напомнить себе, что всякая любовь в мире должна быть подчинена любви к Всевышнему – да будет благословенно Имя Его, звучащее в первом отрывке нашей молитвы...

– А ты всё тот же, милый мой, дорогой отец, – улыбнулся рабби Шмуэл. – Пойдем со мной: мне нельзя отсутствовать слишком долго. Гости станут тревожиться.

– Не смею я отправиться с тобой, сын мой, – отвечал рабби Йосеф с печалью, – ибо от трудного пути я так изнемог, что сейчас не способен пройти даже несколько шагов. Мне нужно отдохнуть, набраться сил. Ступай один и радуйся вместе со своими гостями!

Рабби Шмуэл, разумеется, тут же приказал перевезти отца к себе в дом и окружить его величайшей заботой. По окончании праздника рабби Йосефа навестили многие именитые горожане, выразили свою радость по случаю его приезда в Гранаду и поздравили с великим событием – женитьбой сына на красивой, образованной и доброй девушке. Увы, силы рабби Йосефа мало-помалу иссякли; он серьезно заболел. Несмотря на усилия местных врачей, пытавшихся выводить его, спасти, отец нашего героя так и не выздоровел. Спустя короткое время он скончался и, оплаканный любящим сыном, был похоронен с большими почестями.

16

יְעֻזְבָּד בֶּן-יִצְחָק וְיִצְחָק בֶּן-יְעֻזְבָּד

В доме рабби Шмуэла снова царил радость. Восемь дней назад его молодая жена, дочь рабби Йосефа ибн Мигаши, родила ему здорового и красивого сына. Наступил восьмой день жизни младенца – день, когда он должен был быть введен в союз праотца нашего Авраама.

Сразу по окончании утренней молитвы в большой синагоге Гранады состоялась церемония обрезания, обставленная с подобающей торжественностью и проходившая в присутствии большого количества людей. Гости съехались со всех концов страны. Под звуки флейт, игравших веселые мелодии, четверо рабов внесли новорожденного в синагогу в роскошно убранной колыбели. Исполненный счастья, охваченный священным трепетом, рабби Шмуэл произнес благословение на обрезание, и все внимали ему в торжественном молчании; лишь плач ребенка время от времени нарушал глубокую тишину. Двести восковых свечей, дар халифа своему визирю в честь знаменательного события, освещали огромный зал, придавая ему особую красоту и наполняя сердца присутствующих ощущением близости к высшей славе Господней.

Поток гостей, входящих и выходящих из зала, то усиливался, то ослабевал; людей было столько, что синагога не смогла вместить всех сразу. Пришлось даже спешно возвести гигантский шатер на улице, рядом с синагогой, чтобы устроить там торжественную трапезу.

Новорожденного нарекли Йеосефом – в честь деда по отцу, покойного рабби Йосефа. Но чтобы имя его не звучало так же, как имя деда по матери, ныне здравствующего, добавили одну букву; вместо Йосефа получился Йеосеф.

По завершении церемонии присутствующие собрались под сводами только-только установленного шатра. Высокий шатер из резного дерева радовал глаз красотой; вокруг него в красивых глиняных горшках во множестве стояли диковинные растения. За столами сидели абсолютно все именитые евреи города. Во главе же пиршества, на стуле, покрытом узорчатой, расшитой серебром и золотом тканью, восседал рабби Шмуэл. Справа от него расположились арабские вельможи, тоже чтившие заповедь обрезания. Слева сидели богатые его единоверцы и главы еврейских общин всей страны. Гранадские бедняки тоже были позваны на трапезу. Кроме того, гонцы обошли, приглашая на пир, всех иудеев, приехавших по своим делам во владения халифа Хабуса и оказавшихся в тот день в городе.

Слуги разносили по залу кувшины с водой и сосуды для омовения, чтобы каждый мог омыть руки, перед тем как приступить к трапезе. Когда приготовления закончились, рабби Шмуэл поднял перед собой хлеб и произнес над ним благословение. Дружное и радостное «Омейн» раздалось со всех сторон, едва он умолк. Арабам, которым Коран запрещает употребление вина, были поданы фруктовые напитки.

Некоторое время собравшиеся отдавали должное еде. Потом рабби Шмуэл, встав, произнес великолепную речь, где переплелись слова Торы, Агоды и Алохи. После него мусульманский муфтий произнес поздравление в стихах, правда довольно витиеватых. Но прежде чем декламировать стихи, муфтий извинился за отсутствие халифа на празднестве, объяснив его скверным самочувствием правителя. Затем он принялся прославлять рабби Шмуэла, и чувствовалось, что слова его искренни. Даже арабам первый визирь Хабуса сумел внушить любовь и безмерное уважение!

Особую доброту проявил рабби Шмуэл к тем своим гостям, что принадлежали к гранадской бедноте. Он снабдил приличной одеждой всех, кто в ней нуждался, позаботился, чтобы бедняки сидели не в одном каком-нибудь углу, а смешались с остальными гостями, чтобы не чувствовали себя чужаками и не боялись встретить чей-нибудь презрительный взгляд. Каждому из них он сердечно улыбался, с каждым разговаривал с великим доброжелательством.

– Скажи мне, дорогой рабби Иеошуа, – в какой-то момент обратился рабби Шмуэл к гостю, недавно приехавшему из Иерусалима, – что слышно в святом городе, да будет он отстроен в наши дни?

– Город по-прежнему лежит в руинах, – услышал он в ответ. – В последнее время нам угрожают сельджуки и египетские фетимиды. Евреи, христиане – все мы находимся в страшной опасности. Но, в отличие от нас, христианам есть к кому обратиться за помощью. Братья из далекой Германии, из Франции уже спешат им на подмогу, а нам остается уповать лишь на Отца Небесного. Если бы не то письмо, что ты переправил халифу – а благодаря лишь ему мы еще находим хоть какую-то защиту, – если бы не оно, нас, должно быть, не было бы уже в живых. Сыны Израиля, жители святого города, благодарны тебе от всей души.

– Да вам совершенно не за что меня благодарить! – улыбнулся рабби Шмуэл. – Говорится же в Торе: не стой молча над проливаемой врагами кровью брата твоего... С Б-жьей помощью я снабжу тебя еще одним письмом к халифу и к тому же передам с тобой полученные от жертвователей деньги на поддержание иерусалимской общины.

Гость принялся было снова его благодарить, но рабби Шмуэл уже отошел в сторону и завел беседу с человеком, чьи странные одежды с самого начала привлекли внимание присутствующих.

– А ты, мой друг, – спросил он, – кто таков, откуда прибыл и чем здесь занят?

– Меня зовут Шломо бен Ерухам, – представился гость. – Я, как и отец мой, и дед, – член караимской общины Александрии. Тебе должно быть известно, что мы занимаемся исключительно письменной Торой. Вот мы и прослышали, что здесь, в Испании, можно достать редкие, ценные книги по грамматике. Меня послали к вам, чтобы сделать копии этих книг для нашей общины. И ты, милостивый господин, надеюсь, не откажешься помочь мне выполнить поручение.

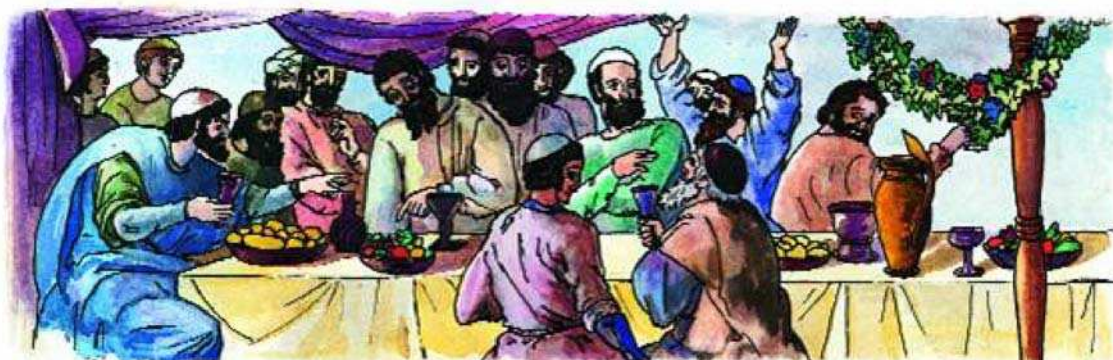
– Мы еще вернемся к нашему разговору, – отвечал рабби Шмуэл уклончиво, ибо не хотел затевать во время торжества спор с караимом. – А ты, – повернулся он к другому гостю, – прозывающийся рабби Клонимусом, по какому делу и откуда прибыл ты в Гранаду?

– Мой родной город стоит на Рейне. Реке столь же красивой, сколь и известной в Европе. Рейн служит границей между Францией и Германией. Сам я живу в Люте, и меня наш учитель, рабби Гершом, светоч диаспоры, послал к равву Хай-Гаону показать его комментарии к Талмуду, чтобы тот прочел их и выразил свое к ним отношение. Я проезжал через Испанию и решил свернуть с пути, дабы собственными глазами увидеть того, кто сподобился добиться высшего величия в Торе и одновременно неслыханно преуспел в мирских делах. Увидеть тебя, господин мой...

– А как поживают наши братья в Германии и во Франции?

– Благодарение Б-гу, в последнее время положение сильно улучшилось, – склонил голову рабби Клонимус. – Есть среди нас человек, близкий к королевскому двору. Зовут его рабби Шимон бен

Ицхок бен Авон. Он большой мудрец и знаток Торы. А еще он поэт и богач. Ему удалось повлиять на короля Генриха II и добиться отмены указа об изгнании евреев. Тем, кого изгнали, было разрешено вернуться в свои дома, предавшим же свою религию из страха перед смертью позволили возвратиться в веру отцов. Наш великий учитель рабби Гершом, светоч диаспоры, запретил дурно говорить об этих последних и обижать их, ибо не по своей воле они так поступили.

– Ваш раввин – великий мудрец и настоящий праведник, – одобительно кивнул рабби Шмуэл.
– Именно праведники и мудрецы спрашивают с себя самих по всей строгости, но при этом знают, что человек может быть слаб, и готовы его простить. К таким людям относится старинная история, связанная с запахом одежд. Когда наш праотец Ицхак захотел узнать, кто из его сыновей стоит перед ним, он наклонился к нему, вдохнул и почувствовал чистоту и святость, исходившие от этого человека. Они были столь сильны, что перед ними должно было отступить всё остальное. Даже предавшие веру, понимал он, – из тех, которым в будущем суждено произойти из семени его, – поступят худо не по доброй воле, но лишь будучи принуждены страшными угрозами. А внутри, в сердце своем, они сохраняют верность Всевышнему. И поэтому даже от них будет исходить добрый запах – запах поля, который благословил Г-сподь.

На пиру в честь обрезания присутствовали гости из разных других стран и городов: из Сицилии, из Африки. Из Багдада. Они приехали в Испанию в надежде получить от рабби Шмуэла помощь для своих несчастных братьев, страдающих под гнетом иноверцев и супостатов. Всех их герой нашего повествования выслушал внимательно, сочувственно, со всеми разговаривал дружески и старался помочь чем только мог.

יְאֹמַר יְיָ רַבֵּנוּ וְנִתְחַנֵּן

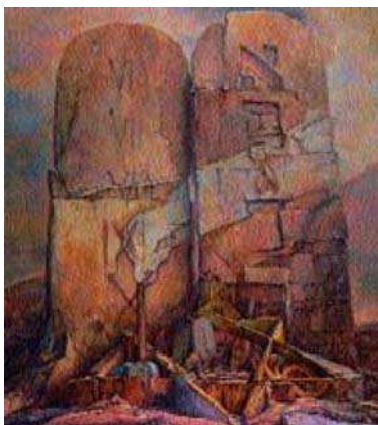
יְדַבֵּר עַל נִשְׁכָּוֹתָיו

БАШЕН-БЛИЗНЕЦОВ НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛО!

Марьян Беленький

Сенсационная книга австрийского профессора Зигфрида Лемана «11 сентября – рождение мифа» скоро поступит на прилавки книжных магазинов.

Наш корреспондент встретился с автором книги.

– Уважаемый герр профессор! Вашему перу принадлежит множество книг, в которых вы отрицаете еврейскую Катастрофу во второй мировой войне. На чем вы основывали ваши работы?

– Каждому здравомыслящему человеку ясно, что никакой «катастрофы» не было, да и быть не могло. Это всё сами евреи раздувают, потому что им выгодно. Посудите сами – стало бы руководство гитлеровской Германии, сплошь состоявшее из евреев, уничтожать своих? Не было никаких концлагерей, печей, крематориев, газовых камер.

И газа такого нету. Ну посудите сами: есть ли хоть один свидетель, который бы вышел из крематория, и рассказал бы, что происходило там внутри? Нету ни одного. И вообще, в Европе до начала войны по статистике жили всего 759 980 евреев, это каждый может проверить. Просто евреи всего мира наваривают на этой самой «катастрофе» политический капитал.

– А теперь перейдем к вашей новой книге, в которой вы утверждаете, что башен-близнецов никогда не существовало, а следовательно, и никакой атаки на них быть не могло. Но ведь тысячи людей своими глазами видели эти башни ежедневно и то, что с ними произошло.

– Знаете, в Средние века находились тысячи людей, которые своими глазами видели чертей, демонов, ведьм. Всё дело тут в массовом психозе, усиленно раздуваемом лицами определенной национальности. Все уже знают, что накануне атаки на башни-близнецы евреям было велено не приходить туда.

– Но ведь вы только что сказали, что никаких башен-близнецов не существовало.

– Вот видите. Сила массового психоза, насаждаемого евреями, даже на меня повлияла. А что уж говорить о простых гражданах.

– Но как же быть с тысячами, миллионами фотографий, где запечатлены эти самые башни и то, что с ними произошло?

– Я отвечу по-еврейски – вопросом на вопрос. А сколько раз рисовали ангелов на картинах? Означает ли это, что ангелы существуют? При современной технике можно подрисовать что угодно. Кому была выгодна эта атака? Конечно же, Израилю и мировому еврейству.

– Но ведь вы утверждаете, что ее не было.

– Было, не было – вопрос ведь не в этом. Вопрос в том, кому было выгодно, чтобы она состоялась.

– Над чем вы сейчас работаете?

– Над книгой «Евреи: Миф Тысячелетий». Веками человечество было убеждено, что евреи – это реально существующий народ, живые люди. Мне, путем долгих исторических исследований, удалось доказать, что никаких евреев никогда не существовало. Это просто миф, массовое заблуждение, которое распространяется уже четыре тысячи лет.

– А кто же его распространяет?

– Евреи, конечно! Кто ж еще?

БЭРЛ БОНД

Àéàèñ Ðàðí. Í ðí ò íéíéú ñéíí ñéè ò òáðáóíá Ðí ò áí-ì àò ðáóéá

Ì.: «Ì ñòó éóéüò óóú»; Jerusalem: «Gesharim», 2004 – 240 ñ

Многие люди, специально современной словесностью не занимающиеся, считают, что постмодернизм – это нечто высоколбое, касающееся книг «для умных», а многочисленные фантасты и авторы триллеров по-прежнему пишут как писали. На самом деле ситуация постмодерна коренным образом изменила представление о жанровой литературе, повлияв на нее, быть может, даже больше, чем на литературу «серьезную». Раньше, если прозаик хотел написать книгу о шпионах, он садился и писал книгу о шпионах. Теперь всё не так: писатель, задумавший нечто подобное, сочиняет роман о писателе, который сочиняет роман о писателе, который сочиняет роман о шпионе. И дает этой сложной конструкции жанровый подзаголовок: «роман-матрешка».

Именно так поступает Алекс Тарн (Алексей Тарновицкий), израильский прозаик, чей первый роман вышел недавно в издательстве «Мосты культуры». Тарну 50 лет, он родился в Приморском крае, но большую часть жизни прожил в Ленинграде. Последние полтора десятилетия живет в Самарии, пишет пьесы и статьи.

Герой «Протоколов сионских мудрецов» – репатриант из России Шломо Бельский, живущий в иерусалимском центре абсорбции (так называемой «Мерказухе») и сочиняющий для неизвестного ему заказчика роман о еврейском Джеймсе Бонде по имени Бэрл. Дважды в месяц Шломо отсылает законченные куски романа по электронной почте и через несколько дней к нему на счет поступает банковский перевод. Кому и зачем понадобилось оплачивать приключения Бэрла, Бельский не знает, хотя предполагает, что анонимный благодетель на самом деле всего-навсего редактор какой-нибудь заштатной русскоязычной газетенки, печатающий историю израильского шпиона в своем издании из номера в номер. Конечно, на самом деле всё оказывается куда как запутаннее, но об этом читатель узнает только в самом конце.

Главы из жизни Шломо чередуются в «Протоколах» с фрагментами его книги, отчего роман Тарна напоминает зебру (или, если угодно, слоеный пирог). Прием этот не нов – достаточно вспомнить хотя бы старый французский фильм «Великолепный», где Жан-Поль Бельмондо играл и писателя, промышляющего сочинением «криминального чтива», и выдуманного им героя-супермена. Однако большинство сюжетов такого рода развивались по откровенно игровому или даже, как в случае с «Великолепным», комическому пути. Тарн же пытается развернуть свою историю в другую сторону, сделать ее рамкой для осмысления израильской действительности и даже для более масштабных обобщений. Например, Бэрл в романе Бельского оказывается не просто разведчиком, а посланцем синклита таинственных сионских мудрецов, управляющих миром, что позволяет Тарну ввести в свою книгу размышления о природе власти и о границах допустимого в политике...

Выбранный Тарном подход до некоторой степени облегчает задачу писателя, делая его неуязвимым для критических стрел. Практически любой недостаток подобного текста – будь то клишированный язык, обилие сюжетных штампов или фабульные нестыковки – может быть списан на «матрешечную» композицию. Автор как бы оставляет за собой право в решающий момент «спрятаться за спину» своего героя – прозаика-дилетанта, сочиняющего триллер из шпионской жизни. Вообще, грань между плохой литературой и стилизацией под плохую литературу благодаря постмодернизму стала практически неразличима. В современной русской литературе самым ярким примером тому является Дмитрий Пригов – графоман, играющий в графомана, поэт, носящий маску, за которой нет лица.

К счастью, к роману Тарна всё сказанное относится в минимальной степени. Автор «Протоколов сионских мудрецов» не слишком злоупотребляет общими местами остросюжетного повествования, а его языковым мастерством восхищается такой признанный стилист, как Асар Эппель, написавший предисловие к книге.

Более того, весь свой постмодернистский антураж Тарн использует по существу в антипостмодернистских целях. Граница между текстом и действительностью, как и положено в романе

такого рода, оказывается размыта до полного исчезновения. Однако автор делает из этого выводы, прямо противоположные общепринятым. Центральная мысль или, как говорили в старину, «идея» его произведения заключается в постулировании ответственности писателя. Если в большинстве подобных сочинений непрерывным потоком льющаяся кровь оказывается на поверку кетчупом, как в голливудских боевиках, то в «Протоколах» дело обстоит ровным счетом наоборот. Здесь то, что казалось клюквенным соком, оборачивается настоящей кровью, картонные персонажи вдруг оказываются живыми людьми – мечущимися, любящими, страдающими. Неслучайно так точно «рифмуются» две трагедии – та, что Шломо придумал для Бэрла, и та, которую переживает он сам. Да и вообще, чем дальше, тем более тесно переплетаются судьбы героя и породившего его автора. Вернее, того, кто считал себя автором. Ибо кто здесь на самом деле автор и кто статист – определенно сказать едва ли возможно. И есть ли вообще в нашем постмодернистском мире авторы и статисты?

Ἰ ἐδάεε Ἰάϊϊϊοὸάεἰ

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЛИЦА ЧУЖИХ

Ôèëüî Áîðëîî Î àòöèðà «xóceàÿ ñîðàèè í àî»

Èçðàèëü Israel film service – 2004

– Я хочу развернуть вашу дискуссию на сто восемьдесят градусов, – сказал на семинаре «Ковчега» генеральный директор Еврейского агентства в СНГ, Белоруссии и странах Балтии режиссер Борис Мафцир и показал снятый им документальный фильм «Чужая среди нас».

Закон о возвращении справедлив: нельзя разбивать семью. Если еврей диаспоры живет в браке с нееврейкой, да еще завет Всевышнего выполняет – плодится и размножается, то милости просим в Израиль всей семьей. Но что будет дальше? Ведь государство Израиль создано для евреев, ради евреев и во имя евреев.

Фильм «Чужая среди нас» рассказывает о судьбе трех женщин. Они нееврейки. В Израиль приехали по закону о возвращении вместе со своими мужьями и детьми. Три разные женщины, три характера, три судьбы.

– Это фильм о том, как государство мешает людям жить, – сказала одна из зрительниц. – Женщина едет в чужую страну за своим мужчиной и хочет только одного – семейного счастья для него, себя и детей. А государство мешает этому, создает препоны.

Так ли это? Кто все-таки мешает человеку жить в Израиле – государство или сам человек?

ÂÂÐÈÀÍ Ò Í ÁÐÂÛË: ÁÓÄÛ ÑÀÌ À ÑÌÁÍË

Нет, она не еврейка. Хотя при желании, изменив цвет волос, может выглядеть как сабра. Иврит у нее замечательный – практически без акцента, звучный и богатый. «Виновата» в этом не столько интеграция, сколько образование и опыт актрисы: абсолютный музыкальный слух практически свел на нет акцент, а техника сценической речи убрала оставшиеся шероховатости.

В России Ирина Селезнева состоялась как актриса. Вместе с мужем Максимом Леонидовым приехала в другую страну. В Израиле, конечно, «на четверть наш народ»; а чтобы играть не только для этой четверти, но и для трех других, пришлось выучить язык на литературном уровне. Ирина освоила его лучше многих старожилов и снова состоялась как актриса.

Да, она не еврейка. При этом выходит на сцену одного из ведущих театров, говорит и поет на иврите.

Она не еврейка. Но это абсолютно не мешает ей жить и быть счастливой в Израиле.

ÂÂÐÈÀÍ Ò ÁÒÏ ÐÏË: ÈÀË ÐÛÁÀ ÍÁ ÈÁÁ

Приехала девушка из Голландии в Израиль собирать апельсины и познакомилась тут с молодым и красивым сыном Сиона. Как поется в песне, «так соединились юные сердца, так узнала мама моего отца». Сейчас молодая голландская художница и ее израильский муж живут в кибуце, работают – и страшно переживают, что семья у них «неполноценная». Пытаются исправить ситуацию: сидят рядышком на зеленой траве перед камерой и рассказывают, как они хотят и как стараются, а ей не дают пройти гиюр.

В середине фильма появляется кибуцный раввин и высказывает свою точку зрения по этому поводу. Выясняется, что ситуация банальная: хотеть они хотят, а вот напрягаться – нет.

Слова раввина можно рассматривать с двух точек зрения. Один вариант: «Во как наворотили с этим гиором, кто ж его пройти сможет!» И другой: «Не знать таких элементарных вещей – это же себя не уважать».

Муж, который жалуется, что «мешают и препятствуют», по словам раввина, ничего не сделал, чтобы помочь жене пройти гиор. А она во время религиозных праздников уехала в другую страну, на выставку...

Рассказ заканчивается. Несостоявшаяся иудейка уходит из кадра, движется вдоль зеленой изгороди. На ней – короткие обтягивающие шортики. На религиозную женщину она, конечно, не похожа, зато при виде ее стройных загорелых ног царица Савская должна была бы позеленеть от зависти...

ĀĀDEĀĪ Ō: × ŌĒĀB

Эта семья приехала из Литвы «ради детей»: дескать, в Израиле у них будет совсем иное будущее... Семья опять-таки смешанная, мать – нееврейка; следовательно, по Алохе дети не считаются евреями.

Сыновьям страна понравилась. Можно даже сказать, они ее полюбили и пошли защищать с оружием в руках.

Израиль постоянно атакуют. «Мирный процесс» оборачивается кровью и смертью. И один из тех, ради кого семья покинула родину, погиб.

Опытный человек при взгляде на это захоронение сразу уловит нюанс: могила погибшего солдата чуть в стороне, между нею и другими могилами – кладбищенская дорожка... То есть похоронен нееврей. Мать эти нюансы знает, и ее это задевает.

Она так и не прижилась в Израиле. Эта страна и эти люди для нее – чужие, мало того, они отняли у нее сына и похоронили его немножко «не там, где надо». Хотя и под роскошной белой плитой.

Но уехать она не может, потому что здесь ее сыновья: один в земле, другой – на земле.

Фильм «Чужая среди нас» сделан очень просто. Лицо в кадре. Разговоры. Иногда – общие планы. Просто три интервью с тремя женщинами. Однако фильм производит впечатление, запоминается и заставляет задуматься.

В самом деле, кто мешает нееврею жить в Израиле? Здесь нет гетто, нет сегрегации. Так кто же мешает? Израиль? Или сам человек?

בְּיַד הַיְיָ

ÄÄÏ Ü ÒÏ ÐÆÄÑÒÄÀ È ÑËÏ ÐÄË

Ïäæäääò Ïëüüè è äääüé äääéí Ðüüè äüäüèèèüü ä ïäääääèè 60-éäüü ïüüüüäüüèÿ Ïüüüèè à

10 января в президентском дворце Варшавы президент Александр Квасьневский принял раввина Берла Лазара и председателя правления Федерации еврейских общин России Александра Бороду.

Беседа, продолжавшаяся около полутора часов, была посвящена подготовке к торжественным мероприятиям 27 января в ознаменование 60-летия освобождения Освенцима – самого большого нацистского лагеря смерти, где в годы войны, по разным оценкам, погибли от миллиона до полутора миллионов человек, в основном евреев. Раввин Берл Лазар подчеркнул особую благодарность еврейского народа воинам Советской Армии, многие из которых отдали жизни за то, чтобы спасти узников концлагерей.

«По существу, это последний раз, когда еще есть возможность организовать памятные мероприятия не просто на высоком государственном уровне, но с участием тех, кто освобождал, и тех, чьи жизни были спасены, – отметил в беседе главный раввин России. – Важность нынешнего момента еще и в том, что сейчас и в Польше, и в России сложилось весьма позитивное отношение руководства к евреям и еврейскому государству. Для еврейского народа день 27 января является хорошей возможностью напомнить о нашей огромной благодарности воинам-освободителям».

Александр Квасьневский в свою очередь изложил план мероприятий, в которых ожидается участие многих лидеров стран мира, в том числе президента Израиля.

В ходе беседы стороны обсудили широкий спектр вопросов, затрагивающих жизнь еврейской общины России и ее взаимодействие с польской еврейской общиной. Президент Польши охарактеризовал российское еврейство как «одну из самых динамично и активно развивающихся еврейских общин в мире» и дал высокую оценку ее роли в укреплении международных контактов на основе ценностей европейской цивилизации. Раввин Берл Лазар поблагодарил руководство Польши за содействие возрождению еврейской общины в стране и подчеркнул, что польское еврейство, вложившее весомый вклад в культурную и экономическую жизнь своей страны и всей Восточной Европы, имеет хорошие перспективы для возрождения в свободном демократическом обществе.

Президент Квасьневский и раввин Берл Лазар затронули также вопросы участия еврейской общины России в развитии взаимовыгодных экономических связей двух стран и помощи в организации визита официальной российской делегации в Польшу 27 января.

ÄÄÏ

ÁÂÄÅËÑÊÈÉ ÄÏ Ì Ó ×ÄÐÍ ÎÃÏ Ì ÎÐÇ

Еврейская община черноморского города-курорта Сочи получила от городской администрации необходимые документы для строительства общинного центра площадью 1000 квадратных метров.

Сегодня в городе проживает более пяти тысяч евреев, при возрождающейся общине действуют еврейская школа, детский сад, клубы для молодежи и пожилых людей.

28 декабря главный раввин Сочи Арье Эделькопф встретился с мэром города Виктором Колодяжным. В результате переговоров мэр пообещал раввину выделить место под строительство нового общинного центра и синагоги. В ходе встречи Виктор Колодяжный заявил, что городская администрация внесет финансовый вклад в строительство здания. «Это щедрый подарок от администрации, и наша община очень вам благодарна», – сказал раввин Эделькопф.

Для решения вопросов строительства центра раввин Эделькопф посетил Москву, где встретился с президентом Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваевым и руководителем московского отделения благотворительного фонда «Ор Авнер» Давидом Мондшайном. Новый еврейский общинный центр будет построен при финансовой поддержке Фонда семьи Рор.

Û. Ôèøì àÏ

Ведущая гала-концерта, известная телеведущая канала RTVi Людмила Мела открыла церемонию награждения. Награды победителям вручали ответственный координатор конкурса «Золотая Ханукия», директор Европейского бюро ВКРЕ Лариса Сысоева, руководители израильской и американской секции Юлия Каплан и Леонид Бард, секции стран СНГ и Австралии Матвей Членов. Лауреаты молоды: им от 7 до 30 лет.

Концерт открыл десятилетний Натан Нахманович из США песней «Ханукия», которую он исполнил на русском языке. Зрители аплодисментами встретили лауреатов конкурса: Павла Ройтмана из Чикаго, исполнительницу народных песен на идише, иврите и русском языке из Харькова Шуламит Лопатник, международный танцевальный дуэт Романа Левитаса и Алены Дискиной, юную солистку из Нью-Йорка Веронику Горелик.

Своим мастерством публику пленили певица Полина Вольфсон из Австралии, танцевальный дуэт из Германии Антон и Оксана Пастернак, эстрадный певец Дима Мататов из Израиля, вокальный ансамбль из Белоруссии «Блуждающие звезды», театральная труппа из Израиля «Люди и куклы», одиннадцатилетняя пианистка из Израиля Наталья Янкелевич, солистка детского еврейского хора Тамара Саткилова из Германии и представитель бухарской еврейской школы исполнения «нигуним» тринадцатилетний Машиах Бараев из США.

Концерт завершился к полуночи. А на следующий день молодых артистов ожидало посещение Еврейского музея, прогулки по городу и развлечения, о которых также позаботилось Европейское бюро ВКРЕ.

ò. Àéàéñ

À ÒÀÈÈÈÌÁ ÁÓÁÁÒ Í ÎÑÒÐÌÁÍÁ ÑÈÍÁÁÏÁÀ

À 1884 áãò íà óèèòá Ì áàèðè á Òàèèèíá ïï ïðáèòó Íèèíèáÿ Òàì íà áùèà ïïíòðíáíà ñèíááá, ðàçðóòáí íáÿ àí àðàì ÿ áíí áàðáèðíáíè 1944 áãà. Á áááí àòíðíè ï èðíáíè áíèíó ðàèèá áùèà ðàçðóòáí à ñèíááá, ï ïíòðíáí íáÿ á Òàèòó á 1901 áãò.

Ныне еврейская община Эстонии приступает к строительству новой синагоги в центре Таллина, которая должна стать еврейским символом этой прибалтийской страны.

Предполагается, что работы начнутся весной. Здание из сводчатого стекла и бетона проектировали архитекторы Лембит-Каур Стээр и Тынис Киммель. Молельный зал рассчитан на двести человек. В синагоге будет организовано приготовление и продажа кошерной пищи, здесь расположатся миква и музей, рассказывающий о жизни евреев в Эстонии. В здании предусмотрены помещения для раввина и администрации общины. Для пожилых людей будет сооружен лифт. Поскольку евреям во время Шабоса запрещено использовать технику, лифт будет установлен так, чтобы автоматически двигаться между двумя этажами через определенные промежутки времени.

Главный раввин Эстонии Шмуэл-Эфраим Кот рассказывает: «Когда я приехал в город в качестве раввина и посланника Любавичского движения, община получила здание на улице Кару, 16, второй этаж которого мы отремонтировали и отвели под синагогу. В декабре 2000 года состоялась церемония открытия синагоги, на которую прибыли представители городской администрации. Несомненно, с открытием синагоги община начала возрождаться, но это был лишь небольшой шаг вперед. Помещение для молитвы было маленьким; мы не могли предоставить подходящего места для женщин, которые ютились в углу, у входа. Сегодня, шестьдесят лет спустя после разрушения исторической синагоги, евреи Эстонии могут построить прекрасное здание, которое станет центром еврейской общинной жизни в стране... Общинный центр будет способствовать налаживанию межнациональных отношений и окажется важен для всех жителей Эстонии».

ÿ. Òèòì áí

ΑΑΨ ΟΑΑΨΕΑΨ ΕΒ Ε ΨΑΨ ΒΟΕ Ψ ΑΒΟΑΨΟΨ ΨΑΟ ΟΑΑΨΕΑΨ ΕΒ Ε ΨΕΑΨΨ

**ΑεααΨ υε δαααεΨ Ψ αοααοαα Ψ αΨααΨ - Ψ αΨαε Ψ ααΨαδ ε αεααα ΝΨααοα Ψ οααΨΨαοαεε ΨαυεΨ
ΟΑΨΨ Ψ αοε Αβααααα αΨΨοΨΨεε ΨΨ οαεαεαΨαεαΨ ΒΟΒ ε Ψ ΟΑ Ψ δααεεΨ ΨΨαεαΨεαΨ ΨΨαΨ ΨΨαΨΨ α Ψα
αααεεΨΨΨ εεαααεΨα αΨΨΨα**

В ночь на 18 декабря группа неизвестных – по показаниям свидетелей, несовершеннолетних – повалила около десяти еврейских надгробий, а на тридцати могильных камнях намалевала свастики и антисемитские лозунги.

Раввин Певзнер и Марк Грубарг обратились с призывом к правоохранительным органам принять незамедлительные меры по выявлению вандалов и наказанию их по всей строгости закона.

Еврейская община направила письма представителю президента РФ в Северо-Западном регионе Илье Клебанову и главе ГУВД Петербурга с просьбой оказать содействие в решении этой острой проблемы.

Главный раввин России Берл Лазар считает, что погром, учиненный на еврейском кладбище Петербурга сразу после ханукальных праздников, высвечивает не только проблемы российских евреев, но общероссийскую проблему государственного значения.

В заявлении главного раввина России от 20 декабря говорится:

«Очередной акт осквернения могил на еврейском кладбище в Петербурге заставляет меня от имени всех евреев России обратиться к властным структурам и правоохранительным органам с настоятельным требованием в кратчайшие сроки найти виновных и предать их суду.

Прошу понять меня правильно: мы требуем этого не только и даже не столько потому, что разгромлено именно еврейское кладбище. Проблема глубже, она приобрела общегосударственный характер. В том же Петербурге за последнее время вандалы трижды разрушали надгробия на христианских кладбищах. В провинции положение еще хуже. А ведь общеизвестно: без уважения к мертвым не может быть настоящего уважения к живым.

Мне часто приходится бывать на кладбищах, и я с горечью отмечаю, что вокруг могил гораздо больше пустых бутылок, чем цветов. Убежден, что пора создавать государственную программу охраны кладбищ. Места последнего упокоения наших предков надо очистить от пьяниц и бомжей.

Убежден также, что воспитание уважения к мертвым должно начинаться в семье и школе. Для этого надо задействовать всю систему образования, которая сейчас явно недорабатывает. Не случайно практически все погромщики, которых удается задержать, – недоросли 15–17 лет.

Что же касается правоохранительных органов – искренне надеюсь, что они не только разыщут и примерно накажут вандалов, разгромивших еврейское кладбище в Петербурге, но и выполнят возложенную на них государством стратегическую задачу — изолируют антисоциальных маргиналов во всех городах и поселках нашей Родины».

ΑΑΨ

М. Г. Практически решен вопрос о возвращении еврейской общине примыкающего к синагоге здания, где в конце XIX века стараниями барона Гинцбурга зародилось движение ОРТ. У нас есть предварительные договоренности с Всемирным ОРТ о создании там суперсовременного обучающего компьютерного центра. Там же разместятся и культурный центр, и другие структуры, которые не могут находиться в синагоге.

Сейчас в городе многие учреждения лишаются льгот по арендной плате, и нас волновал вопрос, не постигнет ли та же участь национальные школы, которые мы поддерживаем. Губернатор заверила, что льготы для них сохраняются.

М.-М. П. Есть и другие сферы взаимодействия. Губернатор рассказала о недавно объявленной программе превращения Петербурга в центр международного туризма. В синагоге бывает немало гостей из-за рубежа. Мы обсудили, как община может помочь в привлечении на берега Невы туристов по еврейской линии.

АЕН. Вот уже более года Валентина Матвиенко возглавляет правительство города. Как складываются отношения еврейской общины с нею и членами ее «команды»?

М. Г. Еврейская община Петербурга – это часть города, часть страны. Год выдался тяжелый, идут структурные преобразования, затрагивающие большие массы людей. Валентина Матвиенко делает многое, чтобы сгладить негативные последствия происходящего. Одно из главных ее достижений – приток инвестиций в новое строительство и привлечение в Петербург крупных российских компаний, регистрирующих здесь свои офисы. Это позволило добавить в бюджет города миллиард долларов и соответственно увеличить помощь тем, кто в ней нуждается. Губернатор много работает, вникает во все вопросы, в том числе в те, которые ставит еврейская община. Она посещает синагогу и ведет с нами диалог не только по праздникам, но и в будни.

М.-М. П. Валентина Ивановна знакома с еврейской общиной города еще по своей прежней работе в Москве во главе социального блока правительства. Наши взаимноуважительные отношения сохранились. Прошедший разговор это подтвердил. Она вела себя очень искренне, доброжелательно, повторила несколько раз, что можно обращаться к ней по любому вопросу, она будет стараться помогать. В конце беседы я благословил ее на дальнейшую работу во благо нашего города и горожан.

Аעאָניע אַעסעל

объяснению Талмуда, воплощение которого сделало доступной эту великую сокровищницу национальной культуры широкому читателю как в Израиле, так и во всём мире».

Раввин Адин Штейнзальц обратился к присутствующим с теплыми словами. В своей речи он благодарил их за активную помощь в деле распространения иудаизма в России и на территории СНГ. Он высоко оценил просветительскую деятельность академика Евгения Велихова. В ответной речи известный российский ученый вспоминал о первых годах существования Кунцевской ешивы, о многочисленных трудностях, с которыми столкнулся тогда р. Адин Штейнзальц. «Кунцевская ешива сгорела, но само дело не погибло, превратившись в Институт Штейнзальца с его массой программ, охватывающих практически всю территорию бывшего СССР», – подчеркнул Евгений Велихов.

О своем знакомстве с раввином Штейнзальцем рассказал президент РЕК Владимир Слуцкер. «Когда мы познакомились, я полагал, что наша беседа продлится минут 30–40. Однако, когда я взглянул на часы, оказалось, что прошло уже два часа. Рав Штейнзальц напоминает мне легендарных еврейских мудрецов, живших столетия назад. Я счастлив, что обрел такого друга».

На вечере раввину Штейнзальцу была вручена награда от имени правительства Москвы «За большой вклад в дело установления сотрудничества наций и народностей». Вручил ее заместитель мэра Михаил Мень.

Главный раввин России Берл Лазар подчеркнул особый вклад раввина Штейнзальца в еврейскую жизнь России. «Обычному человеку трудно представить себе громадный объем работы, проделанной равом Штейнзальцем и его сотрудниками, – сказал он. – Рав Адин Штейнзальц преодолел препятствия, которые считались непреодолимыми, и дай Бг ему еще 15 лет такой же работы, а затем еще 15 и так далее, чтобы он всегда был с нами, таким же полным энтузиазма и здоровья. Я благодарю и его помощников. Мы тоже будем стараться помогать раву Штейнзальцу по мере сил. Мазл Тов!»

Главный раввин КЕРООР Адольф Шаевич отметил, что благодаря деятельности р. Адина Штейнзальца множество людей пришли к иудаизму.

В финале вечера в зал вкатили огромный торт, выполненный в виде раскрытой книги. Вокруг «книги» горели пятнадцать свечей.

Alia Achaia

– В докладе госдепартамента упомянут ряд российских политиков, позволяющих себе антисемитские высказывания. Насколько, с вашей точки зрения, они опасны?

– Прежде всего надо видеть вещи реально. Речь идет не о заявлениях министров или представителей правящей партии, а о депутатах, делающих себе карьеру на дешевом популизме и радикальных высказываниях. Многие из них бывшие коммунисты, которые никак не могут забыть государственного антисемитизма в СССР. Но их время прошло. Кроме того, не так важно, что говорит или думает тот или иной политик, дело в том, существует ли общественный спрос на неприемлемые для нас идеи. Сегодня, по крайней мере, на политическом уровне никто не пытается разыгрывать антисемитскую карту. Может быть, сами политики-юдофобы не изменились, но антисемитизм в России – это сегодня не тот лозунг, на котором можно заработать голоса. Думаю, публикация доклада госдепартамента заставит многих политических деятелей не только у нас, но и во всем мире «придержать язык».

– А как вы оцениваете размеры угрозы, которую несут для евреев скинхеды, также упоминаемые в докладе?

– Проблема молодежных экстремистских группировок в России стоит достаточно остро, как и в Западной Европе. «Скинхеды» они на самом деле или не «скинхеды» – этого я не знаю, нет такой зарегистрированной организации, но проблема действительно есть. Правда, российские экстремисты видят главную цель в нападениях на выходцев из стран Азии и Африки, а не на евреев. Но мы, евреи, ощущаем эту опасность как свою. Если организуются молодежные банды, которые начинают кого-то преследовать и избивать на улицах, потому что этот «кто-то» отличается от нападающих, – это угрожает и нам, потому что мы тоже отличаемся от членов молодежных банд. И мы будем стараться убеждать власти жестко бороться с молодежным экстремизмом, вне зависимости от того, есть в нем антисемитская составляющая или нет.

«ΕΙ ΟΑΔΟΑΕΉ»

אָױַעַי אַעאַענאַי אַדאַ: יאַ דאַעאַעאַי, יי אַעַי י!»

עַי אָדאַװַפּ יאַדאַאַ יַדאַי װאַדַעַ

– Ефим Борисович, от всех читателей журнала «Лехаим» хочу поздравить вас с последней по времени наградой. В октябре 2004 года на церемонии «Человек года», организованной ФЕОР в ГЦКЗ «Россия», вы получили премию в номинации «Музыка» за многолетнюю деятельность по возрождению еврейской народной песни. Так был отмечен ваш музыкальный альбом «Песни еврейского местечка» и театрализованное представление с тем же названием.

– Спасибо. Приятно получить поздравление от читателей еврейского журнала с пятидесятитысячным тиражом. То, чем мы, я и мой коллектив, сегодня занимаемся, считаю культурологическим проектом. И то, что его заметили и оценили, – мощный стимул для будущей работы.

– Видимо, альбом «Ди лидер фун идишес штетл» – не первый ваш еврейский проект. Что ему предшествовало?»

– Еще когда я работал с Владимиром Винокуром, во время первых наших зарубежных гастролей мы показывали короткий пародийный номер. Винокур выходил и объявлял: «Специально для руководителей антисемитского общества “Память”, тонких знатоков и ценителей еврейской народной музыки, по их неоднократным заявкам исполняется народная песня “Ицик хочет жениться”». Проходило на «ура»! И, пожалуй, это было первое мое исполнение «на публику» еврейской песни.

– А где вы впервые услышали песни на идише?

– В местечке Бершадь Винницкой области, откуда родом мои мама и папа. Я родился в 1960 году. Родители во время войны попали в гетто, бабушка и дед в нем погибли. Нашу часть Винницкой области оккупировали румыны, а не вермахт, многие благодаря этому остались живы, в том числе и мои будущие родители. Молодым выжить было легче, они имели больше шансов... После освобождения, в 1944 году, отца призвали в Красную Армию, он воевал, имеет боевые награды. Демобилизовавшись, окончил Львовский государственный университет, работал журналистом в украинских газетах. Сами понимаете, там он и тогда журналистской карьеры не сделал: выше заведомо писем районной газеты не поднимался. Сейчас пенсионер, живет в Израиле. Мама тридцать лет проработала медсестрой. Ее уже нет в живых. Это к вопросу о том, что предшествовало...

– В Бершади после войны сохранялся традиционный для местечка уклад?

– Хотя на дворе были уже брежневские времена, в Бершади сохранялся идиш, устраивались свадьбы, делались бар-мицвы, на праздниках звучали песни. С годами, правда, всё меньше и меньше. Первое впечатление о клейзмерской музыке я получил именно там. Учась в средней школе, окончил музыкальное училище по классу кларнета. Потом – Днепропетровское театральное училище. В 1982-м поступил в ГИТИС на факультет музыкального театра. Еще студентом год проработал солистом в Камерном еврейском театре, дебютировал в спектакле «Хеломские мудрецы». Позже, работая в «Росконцерте», создал программу «А гицн паровоз», включающую и еврейские народные песни, и восемь песен на стихи Михаила Танича. Придумал моноспектакли «Нахес унд цорес» и «Секрет фаршированной рыбы», с которыми гастролировал в США и в Австралии. Этот музыкальный и театральный опыт помог при работе над альбомом «Песни еврейского местечка».

– В вашей семье идиш звучал как разговорный язык?

– Для моих родителей идиш – первый язык, который они узнали. Что касается меня и людей моего поколения, то родители нас скорее «оберегали», «ограждали» от знания еврейского языка и еврейских традиций. Я бы сказал, инстинктивно ограждали. Иногда старшие говорили между собой на идише, когда хотели, чтобы дети ничего не поняли. С литературным идишем я познакомился гораздо позже, уже в Москве, когда стал заниматься песенным фольклором. Я бесконечно благодарен тем «могиканам», которые сохраняют этот язык. В частности, актрисе ГОСЕТ Марии Ефимовне Котляровой, она – наш консультант и литературный редактор.

– В связи с этим следующий вопрос: кто ваши основные слушатели? Очевидно, это люди старшего, военного поколения?

– В основном, да. Но приходят и люди среднего поколения. Они помнят, что это язык их родителей, и на наших концертах вспоминают песни, услышанные в детстве от мамы, от бабушки, которых уже нет в живых. Для многих это – сильное эмоциональное переживание. Я вижу слезы на их глазах.

– Появляются ли в вашем репертуаре новые песни на идише, новые тексты? Есть ли авторы, присылающие свои стихи?

– К сожалению, как разговорный язык идиш уходит. Но песня – одна из форм, в которой он может жить и даже в какой-то мере расцветать. Еще раз повторю: я рассматриваю свою программу как культурологическую. Как ни удивительно, действительно появляются новые песни. Их немного, но они будут в нашей программе в ГЦКЗ «Россия» 8 февраля.

– Как называется новая программа?

– «Песни еврейского местечка-2». В названии мы пошли по пути, опробованном в шоу-бизнесе, в частности в американском, когда успешный проект получает продолжение.

– Расскажите, пожалуйста, о новых песнях.

– Это две песни на стихи моего отца Бориса Зицермана (кстати, Александров – мой сценический псевдоним). Одна из них – «Майн штетеле Бершадь», а другая – шуточная песня «Пекел гелд» («Пачка денег»): «Когда есть деньги, вся твоя родня тебя любит». Так шутили в нашем местечке.

– Можете ли вы рассказать о новых проектах, помимо февральского в ГЦКЗ «Россия»? Что еще мы услышим и увидим?

– На основе февральского концерта мы готовимся сделать телевизионную версию. Первая созданная нами программа так и не была показана на территории СНГ. Она прошла по «НТВ Интернэшнл» в 2002 году, ее видели в Европе, в Израиле, в Америке, даже в Австралии. Но в России нам не удалось получить эфир. Недавно эта программа повторялась по израильскому телеканалу. Сейчас канал «НТВ-Мир» изъявил желание показать новый концерт, и опять за пределами нашей страны. Из восьмидесяти данных нами концертов только четыре, благодаря ФЕОР, прошли в Москве и один – в Нижнем Новгороде. Туда нас пригласил нижегородский раввин на 120-летие местной синагоги. Еще был концерт в Минске, с белорусским оркестром. Остальные – за пределами СНГ.

– Чем вы это объясняете?

– Экономическими причинами. Впервые услышав песни местечка в сопровождении настоящего театрального оркестра, – не в ресторанном, а в достойном и профессиональном исполнении, – я подумал: «Какой клейзмер об этом не мечтал! Наконец-то сбывается!» Тогда, в Камерном музыкальном театре, я по-новому осознал наше музыкальное наследие: эти песни, многие из которых стали шлягерами и звучат во всем мире, могут быть сыграны большим симфоническим оркестром! Чтобы это был не реквием, а гимн и местечку, и тем людям, благодаря которым мы существуем сегодня. Ведь еврейская народная музыка обогатила мировую музыкальную культуру, в том числе культуру эстрадную. Песня «Я так тебя люблю» звучала в оркестре Сантаны, ее пели лучшие джазовые певцы. «Ба мир бисту шейн» («Моя красавица») стала хитом в Америке, ее исполняли все оркестры. Я не соглашаюсь на «вариант караоке», когда мне говорят: «Фима, приезжай один, споешь под фонограмму, затрат никаких – всё прекрасно». Сегодня моя программа включает декорации, технику, в ней участвует балетный коллектив, нам необходим технический персонал. Перевозка, аренда стоят дорого. Далеко не везде можно компенсировать затраты. В Америке, например, есть возможность дать двадцать концертов в двадцати городах и не остаться в убытке. Мы гастролировали там дважды. Ездили также в Германию, в Канаду, в Израиль. В пределах же СНГ нельзя сделать высокую цену на билеты: здесь другой уровень жизни. Это серьезная проблема, которая не решается без спонсорской помощи.

– С кем из режиссеров вы работаете? Какие музыкальные коллективы привлекаете? Кто оказывает организационную поддержку?

– В новой программе мы сотрудничаем с режиссером Любовью Гречишниковой, заслуженным деятелем искусств России. Благодаря выдающемуся музыканту Юрию Башмету удалось привлечь Российский государственный симфонический оркестр кинематографии под управлением Сергея Скрипки. С ними я записал первую программу и работаю над второй. Они замечательные профессионалы: играют и классику, и джаз, и народную музыку. Продюсером первого диска был меценат, ученый и бизнесмен Ян Ашкенази. Огромную поддержку в осуществлении февральской премьеры оказывает президент культурного фонда «АРТЭС» Александр Достман. Мы работаем для того, чтобы песни, спетые нашими бабушками, обязательно услышали и наши дети. В этом простая философия нашей программы и ее пафос.

– Какая из гастрольных поездок вам больше всего запомнилась?

– В 2002 году мы собирались в Израиль. Однако началась вторая серия интифады, и многие артисты были в растерянности: куда мы поедem, там вот-вот начнется война! Все российские гастроли в Израиле отменились, все коллективы – и эстрадные, и классические – отказались ехать. Гастроли из других стран – тоже. И я тогда сказал: «Ребята, если сейчас мы отменим поездку, то грош цена и нам, и нашему проекту с названием “Песни еврейского местечка”. И сто процентов моих артистов – не только евреи, но люди разных национальностей – согласились ехать. В аэропорту Шереметьево, когда нас провожали, как в 1941 году, муж одной артистки сказал мне: «У нас двое детей. Если вам обязательно нужно, чтобы кто-то погиб, то лучше бы поехал я, а не она». Он был недалеко от истины. В тель-авивском отеле всем нам вручили коробки. Раньше при вселении в гостиницу наливали стаканчик кошерного вина, а теперь преподнесли противогаз. В день концерта в Нетании, когда мои хореографы гуляли по городу, в квартале от них прогремел взрыв. Они были в сотнях метров от взорванного кафе, слышали звон стекла, ощутили ударную волну. Девочки прибежали ко мне: «Ефим Борисович, концерта не будет! Никто не придет!» Но я не отменил... Вы бы видели этот концертный зал вечером! Ни одного пустого места, ни один зритель не остался дома! В этом был вызов террористам.

– И также это был ответ российских артистов: музыкой – на террор. Ведь тот концерт послужил консолидации жителей Нетании, а те гастроли, в какой-то мере, – консолидации Израиля в целом.

– Звучит громко, но это так. Люди, которые приходят на наши концерты, приносят с собой ауру минувшего времени. Несмотря на все испытания, нашим предкам удалось выжить и сохранить свою культуру. Мы хотим, чтобы историческая память не прерывалась. Без нее народ – не народ.

– Спасибо за интервью. Редакция и читатели журнала «Лехаим» желают успеха в вашей благородной миссии.

Андрей А. Давидов

НАШИ ФЕВРАЛЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

4 ФЕВРАЛЯ

90 *עָאָד פֿון אַײַן דאָזיקער* поэта и композитора, автора (совм. с Дж. Ливингстоном) песен к фильмам «Бледнолицый» (пр. «Оскар» за лучшую песню к фильму 1948 года), «Капитан Кэри» (пр. «Оскар» за лучшую песню к фильму 1950 года), «Человек, который слишком много знал» (пр. «Оскар» за лучшую песню к фильму 1956 года) и др. **Рей Эванса** (Evans; р. 1915, Саламанка, США).

5 ФЕВРАЛЯ

85 *עָאָד פֿון אַײַן דאָזיקער* биофизика, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского технологического института и Калифорнийского университета, автора работ в области молекулярной биологии **Роберта Синсхеймера** (Sinsheimer; р. 1920, Вашингтон).

7 ФЕВРАЛЯ

70 *עָאָד פֿון אַײַן דאָזיקער* государственного деятеля, сенатора США (Висконсин) **Герберта Коля** (Kohl; р. 1935, Милуоки, США).

9 ФЕВРАЛЯ

125 *עָאָד פֿון אַײַן דאָזיקער* математика, члена Венгерской АН, профессора Будапештского университета, автора работ в области теории функций **Липота Фейера** (Fejér; 1880, Печ, Австро-Венгрия – 1959, Будапешт).

12 ФЕВРАЛЯ

120 лет со дня рождения библиографа, библиотековеда, директора созданного по его проекту Библиографического института ОГИЗа, профессора Московского библиотечного института,

переработавшего для массовых отечественных библиотек таблицы Универсальной десятичной классификации, Льва Наумовича Троповского (1885, Кременчуг —1944, Москва).

15 ФЕВРАЛЯ

65 ёаò ì ãíý æáááèè государственного деятеля, руководителя внешней разведки (5 отдела ГУГБ НКВД) СССР Зельмана Исаевича Пассова (1905, Старая Русса Новгородской губ. – 1940, расстрелян в Москве).

17 ФЕВРАЛЯ

70 ёаò ì ãíý ðæáááéý генетика, члена Национальной АН США, профессора Станфордского университета, автора работ в области генетического контроля, генетики онкологических заболеваний и др., лауреата Национальной научной премии США Стэнли Коэна (Cohen; р. 1935, Перт-Амбой, США).

18 ФЕВРАЛЯ

60 ёаò ì ãíý æáááèè Героя Советского Союза Михаила Иосифовича Очерета (1926, Житомир – 1945, Карлсбизе, Германия).

19 ФЕВРАЛЯ

105 ёаò ì ãíý ðæáááéý живописца, графика, одного из организаторов Общества станковистов, автора картин «Дирижабль», «Метро», пейзажей, портретов, монументальных панно и др. Александра Аркадьевича Лабаса (1900, Смоленск – 1983, Москва).

20 ФЕВРАЛЯ

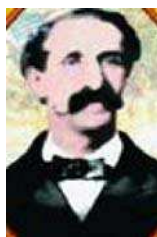
50 ёаò ì ãíý ðæáááéý áíðáà обладателя золотой олимпийской медали 1976 года Александра Леонидовича Колчинского (р. 1955, Киев).

21 ФЕВРАЛЯ

70 ёàò ì ì áü ðæääéý биохимика, академика РАН, профессора МГУ, автора работ в области механизма превращения энергии в биологических мембранах, лауреата Государственной премии СССР Владимира Петровича Скулачева (р. 1935, Москва).

22 ФЕВРАЛЯ

160 ёàò ì ì áü ðæääéý кавалера «Медали Славы» (высшей воинской награды США) Бенджамина Леви (Levy; 1845 – 1921, Нью-Йорк).

75 ёàò ì ì áü ðæääéý психолога, члена Национальной АН США, профессора Станфордского, Гарвардского, Колорадского и Колумбийского университетов, автора работ в области формирования личности Уолтера Мишела (Mischel; р. 1930, Вена).

26 ФЕВРАЛЯ

75 ёàò ì ì áü ðæääéý пианиста Лазаря Наумовича Бермана (р. 1930, Ленинград).

27 ФЕВРАЛЯ

95 ёàò ì ì áü ðæääéý математика, члена Национальной АН США, Парижской АН, профессора Иллинойского университета, автора работ в области теории вероятностей и теории случайных процессов, лауреата Национальной научной премии США Джозефа Лео Дуба (Doob, 1910, Цинциннати – 2004, Кларк-Линдсли-виллидж, США).

28 ФЕВРАЛЯ

80 *éàò ñ áíŷ ðæääíéŷ* физика, члена Лондонского королевского общества и Национальной АН США, профессора Оксфордского университета, автора работ в области странных частиц и сильных взаимодействий **Ричарда Далица** (Dalitz; р. 1925, Димбоола, Австралия).

60 *éàò ñ áíŷ ðæääíéŷ* биолога, члена Лондонского королевского общества и Национальной АН США, профессора Принстонского, Калифорнийского и Гарвардского университетов, автора работ в области клеточной биологии **Марка Киршнера** (Kirschner; р. 1945, Чикаго).

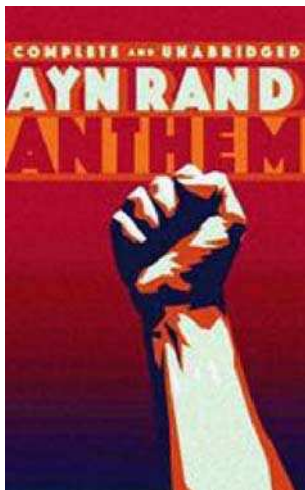

75 *éàò ñ áíŷ ðæääíéŷ* физика-теоретика, члена Национальной АН США, профессора Университета Брауна, предсказавшего возможность объединения свободных электронов в металле в пары, одного из авторов микроскопической теории сверхпроводимости, лауреата (совм. с Дж. Бардином и Дж. Шриффером) Нобелевской премии по физике 1972 года **Леона Купера** (Cooper; р. 1930, Нью-Йорк).

как бы то ни было, Фрэнк О'Коннор на всю жизнь стал самым преданным другом и помощником своей жены.

Айн много работала. Она перепробовала множество профессий: снималась в кино в качестве статистки, работала официанткой, секретарем, сценаристкой, писателем по найму – всё для того, чтобы оплачивать счета и иметь возможность писать о том, что ее действительно волновало. Бывали дни, когда она по пятнадцать часов сидела за машинкой, не делая ни единого перерыва на еду или отдых.

В 1933 году она закончила свою первую пьесу «Чердачные легенды», которая уже через год шла на Бродвее. В 1936 году вышел ее роман «Мы живые» («We the Living») – пронзительная история девушки дворянского происхождения в Советской России.

Затем писательница погрузилась в работу над романом «Источник» («The Fountainhead»), в котором изложила развернутую философскую систему «эгоизма» и «индивидуализма» в совершенно новом, непривычном для читателя понимании. Роман вышел в конце 1943 года и сразу стал бестселлером.

Но это было только начало. В 1957 году она опубликовала свой главный роман – «Атлант расправил плечи» («Atlas Shrugged») – гимн разумному рациональному сознанию, рассказ о свободе, эгоизме, нравственных ценностях и лицемерии современного общества, о том, что происходит со страной, когда в экономику вмешивается государство. За увлекательным сюжетом в «Атланте» отчетливо видна философская и экономическая модель общества, основанного на уважении к личности человека и на признании его свободы.

По данным социологического опроса, проведенного три года назад Библиотекой Конгресса США, эта книга до сих пор остается первым после Библии литературным произведением, оказывающим на американцев самое сильное влияние.

После выхода в свет «Атланта» Айн Рэнд провела остаток жизни, проповедуя объективизм – основанное ею философское течение «рационального эгоизма». В период с 1957 по 1982 год она написала еще три больших произведения: «Для нового интеллектуала», «Добродетель эгоизма» и «Философия: кому она необходима», а также прочла множество лекций по объективизму в университетах США.

Она умерла 6 марта 1982 года в Нью-Йорке. Айн Рэнд вошла в историю не только как великий писатель, но и как одна из немногих женщин, нашедших в себе достаточно смелости, чтобы попытаться изменить мир, в котором жила.

Î dévî Áîîéáîî éî

НАША ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

יְוֵי יֵא יֵי - אֵי יֵא אֵי נֵי ...

Мы с сестрой и наши родители родом из Мстиславля Могилевской области.

Мы жили там до войны. Отец – Хазанов Лазарь Довидович, бухгалтер; мать, Гинзбург Софья Ефимовна, – педагог, всю жизнь проработала в детском доме. Когда начались бомбежки (июнь 1941 г.), мы, крадучись, ночью, убежали из города. «Крадучись» – потому что тех, кто пытался уехать открыто, арестовывали за «создание паники»: Могилев – областной центр – немцы еще не заняли, и опасения людей были якобы беспочвенны. А мы потом узнали, что в городе Быхове был высажен десант, и Мстиславль фашисты взяли наутро после нашего бегства. Чудом удалось нам избежать участи нескольких сотен евреев (всех, кто остался), расстрелянных в Мстиславле. Были среди них и наш дедушка, и его двоюродный брат, тоже старик, и наша тетя, и ее двоюродная сестра...

Мы бежали в полном смысле слова: отец у кого-то раздобыл лошадь с телегой, на нее второпях сложили кой-какие пожитки и посадили двух старух. Остальные – пешком. А «компания» была довольно большая: нас четверо (мама, папа, мы с сестрой (8 и 6 лет), родственники мамы, прибежавшие к нам из Орши «спасаться», бабушка, ее невестка (жена сына, арестованного в 1937 году) с двумя сыновьями (14 и 5 лет), четверо их друзей, четверо наших соседей. Словом, народу немало...

Весь август мы шли к Орлу (там был эвакупункт). Всё испытали в пути: и голод, и жажду, и антисемитские угрозы, и бомбежки... Только летом 1942 года мы попали на Урал, в Челябинск; он стал нашей второй родиной.

После войны родители решили не возвращаться в Мстиславль – всех родных расстреляли, уральский климат отцу-сердечнику оказался полезен, да и получить образование в Челябинске нам, детям, ничто не мешало.

Но все эти долгие годы меня тянуло на родину. Действительно она существует – эта пресловутая ностальгия!

В 1976 году я наконец решила съездить в Белоруссию вместе со своей пятнадцатилетней дочерью. Доехали до Минска, который нам очень понравился, а оттуда отправились в город моего детства, в Мстиславль. На въезде – замечательный памятник «Воину-освободителю» (название помню приблизительно), город похорошел по сравнению с довоенным временем. Я нашла друзей – соседей моих родителей (вернулись после войны). На следующий день они пригласили нас к себе. Позвали и еще нескольких еврейских женщин, помнивших папу и маму. Всё было очень славно. Но, когда я сказала, что хочу увидеть место, где похоронили евреев, расстрелянных в 1941 году, меня дружно стали отговаривать, уверять, что смотреть на это невыносимо, и т. д. К счастью, и дочь осталась в гостинице (стерла ногу). Именно к счастью. Хорошо, что она этого не видела... Я прошла по мощенной булыжником дорожке на дне рва (город окружен рвом со времени его основания), по которой шагали в последний путь мстиславские евреи, и остановилась: передо мной расстился огражденный серыми жердями четырехугольный кусок земли, заросший бурьяном. В углу – какое-то грязное, закопченное сооружение, совершенно не похожее на надгробие. Фанерка с надписью (кривые буквы, выведенные словно наспех): «Здесь захоронены местные жители и пленные солдаты» (примерно так).

Было, конечно, очень тяжело, оттого что тут и вправду лежит прах родных и близких людей. Но еще тяжелее – от отношения к памяти жертв фашизма. Как-то это не по-человечески...

Вот, собственно, почему я вам и пишу. Неужели до сих пор общая могила мстиславских евреев остается в том же непогрешном виде?

В преддверии 60-летия Победы хорошо бы воздать должное тем моим соплеменникам, что были основным населением города до войны и, определенным образом, создавали благополучие Мстиславля. *נ. אֵי יֵא יֵי, אֵי יֵא יֵי*

ÓÀÀÆÁÀÌ ÀΒ ΔΑΪΔΕΪΘÈΒ ΔΕΘÍÀÈÀ «ÈÁÕÀÈÌ »!

Хотим рассказать вам историю нашей семьи. Наша прабабушка родилась в Польше, но потом с семьей эмигрировала в Америку. Прадед родился в Австрии, но тоже вместе с родителями переехал в Штаты. В Нью-Йорке наш прадед, Мишель Олешник, и прабабушка, Мэра Порубоцкая, познакомились, полюбили друг друга и поженились. Позже, уже в Детройте, у них родилась дочь Фатиана. Спустя несколько лет Олешники переехали в Торонто, там у них родилась вторая дочь, Жаннет. Еще через несколько лет Мишеля пригласили посетить Россию. Он должен был ехать один, но в последний момент решил взять жену и дочерей. В России их очень хорошо встретили. Возили в Москву, в Одессу. Почему их привезли в Днепропетровск, не знаем, но там Мишеля убили. Тело его нашли через несколько дней в Днепре. Голова изрешечена пулями. За что убили, мы так и не узнали. Похоронить его родным не позволили. А Мэру с детьми не выпустили обратно в Америку. Дали квартиру, переводчика (они говорили только на идише, английском, французском и польском). За ними следил НКВД, им запретили поддерживать всякую связь с близкими. Они были иностранцами, и им дали подписать бумагу о том, что они хотят остаться в России. Мэра Порубоцкая, боясь за жизнь своих девочек, подписывала все, что велели. Мы не знаем, кем работал М. Олешник. Думаю, он был политиком... Вот так прабабушка в 1925 году оказалась в Днепропетровске с маленькими дочками. Им изменили имена и фамилию: они стали Марией, Татьяной и Анной Олейник. Мы не хотим, чтобы наши предки были преданы забвению. Прошла перестройка, открыли архивы, но нам до сих пор не дают никакой информации. Не поможете ли вы в поиске архивных документов? И расскажите, пожалуйста, своим читателям про семью, которая стала жертвой НКВД.

Nai uy Ieaeiee, Aiai di aò drane